

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

«Амазонки русского авангарда» — так вслед за поэтом Б.Лифшицем сегодня называют художниц Н.Гончарову, А.Экстер, Л.Попову, О.Розанову, В.Степанову и Н.Удальцову, чье творчество стало знаковой и неотъемлемой частью искусства XX века и нашим вдохновением при создании дизайна этого номера.

Дизайн обложки создан по мотивам работ О.В.Розановой. Ольга Владимировна Розанова (1886, Меленки Владимирской губернии — 1918, Москва) — русский живописец, график, поэтесса, автор статей по искусству. С 1905 года училась в Москве в училище Большакова, посещала Школу К.Юона и И.Дудина, с 1911 — петербургскую школу Званцевой, где преподавали Бакст, Добужинский, Петров-Водкин. Вступив в объединение художников «Союз молодежи», принимала участие во всех выставках общества. Фурор среди коллег вызвал «Портрет А.В.Розановой», опубликованный в журнале «Огонек» (1913, № 1) наряду с картинами Малевича. В это же время знакомится с Д.Бурлюком, В.Хлебниковым, В.Маяковским, А.Крученых и другими представителями авангардного искусства.

Она раскрывала себя в самых разных стилях — фовизме, футуризме, супрематизме. В 1917 году вступила в общество К.Малевича «Супремус», была избрана секретарем общества и редакции одноименного журнала. Среди последователей супрематизма Малевич особенно ценил именно Розанову.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

N 2(12) | No. 2(12)
ИЮНЬ | JUNE 2024

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАЦИЙ

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
проекты

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

+7 (495) 252-67-88

www.nicrus.ru

institut@nicrus.ru

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 2(12) | No. 2(12)
ИЮНЬ | JUNE 2024

18+

ISSN 2782-3067 (Print)

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека

Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»

119034, Российская Федерация,

Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>

Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты. Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2024

© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиатеке Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный доктор Института социологии РАН (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Слава Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

– print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

All articles and materials published in the journal are indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and they are also available through the website of the scientific electronic library "CyberLeninka".

The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of a dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»

22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84
www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»

Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1,

Korobeynikov Lane, Moscow, 119034

Russian Federation

Website: <https://www.russia-world.ru/jour>

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2024

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2024

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P. Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В.
От главного редактора..... 14

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Кэмпбелл Я., Густенау Г.
Россия и Запад сегодня: взгляд европейских экспертов 20

Карпович О.Г.
Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития..... 39

Лункин Р.Н., Мельник С.В.
Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства 52

Мустафабейли А.М.
Центральная Азия: проблема водопользования в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепе..... 66

Уянаев С.В., Бредихин А.В.
Перспективы интеграции Китая и ОДКБ..... 80

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология

Воронов В.В.
Профили дивергенции коммуникативных процессов между Латвией и Россией..... 96

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

Следзевский И.В.
Условия и перспективы диалога цивилизаций в современном мире: симбиоз культур (опыт истории стран Центральной Азии и их взаимодействия с Россией)..... 126

Майтдинова Г.М., Сажин В.И., Мамадазимов А.М., Загребин А.Е.
Межцивилизационный диалог в Центральной Азии: взгляды российских и таджикистанских ученых..... 136

Бобохонов Р.С.
Постсоветский цивилизационный транзит в Центральной Азии 160

Прашчевич А.
Роль Сербской православной церкви в отношениях с мусульманами с 1920 по 2020 г. 174

Слесарев А.В.
Концепция «Интермариума» и конфессиональный вопрос: геополитические вызовы белорусскому православию в XX – начале XXI в. 184

Яковлев А.И.
Нефтяной кризис 1973 г.: взгляд спустя полвека..... 197

CONTENTS

Naumkin V.V.
Editor-in-chief Foreword 14

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Campbell J., Gustenau G.
Russia and the West Today: European Experts View 20

Karpovich O.G.
The Role of Russia in Upholding Traditional Spiritual and Moral Values in the Context
of Modern World Development..... 39

Lunkin R.N., Melnik S.V.
Interreligious Dialogue: the Actual Meaning, Typology and Features of the Post-Soviet
Space..... 52

Mustafabeyli A.M.
Central Asia: the Problem of Water Use in the Situation of the Construction of the Afghan
Kush-Tepa Canal 66

Uyanaev S.V., Bredikhin A.V.
Prospects for the Integration of China and the CSTO..... 80

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Voronov V.V.
Divergence Profiles of Communication Processes between Latvia and Russia 96

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Sledzevsky I.V.
Conditions and Prospects of the Civilizations Dialogue in the Modern World: Symbiosis
of Cultures (based on the History of the Central Asian Countries and their Interaction
with Russia)..... 126

Maitdinova G.M., Sazhin V.I., Mamadazimov A.M., Zagrebin A.E.
Intercivilizational Dialogue in Central Asia: Views of Russian and Tajik Scientists 136

Bobokhonov R.S.
Post-Soviet Civilizational Transit in Central Asia..... 160

Prascevic A.
The Role of the Serbian Orthodox Church in Relations with Muslims
from 1920 to 2020..... 174

Slesarev A.V.
The Concept of the Intermarium and the Confessional Issue: Geopolitical Challenges
to Belarusian Orthodoxy in XX – early XXI century 184

Yakovlev A.I.
The Oil Crisis of 1973: a Look after Half a Century 197

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Данный выпуск журнала посвящен преимущественно проблемам междивизиационного и межрелигиозного диалога. С участием редакции нашего журнала в феврале – апреле 2024 г. была проведена серия международных научных дискуссий. В ходе этих дискуссий были высказаны интересные, неординарные, порой неоднозначные позиции. Мы посчитали важным познакомить наших читателей с этими позициями, которые, возможно, станут основой для дальнейших исследований и обсуждений.

Отношения России и Запада осмысливаются в статье чешского аналитика Я.Кэмпбелла и австрийского эксперта Г.Густенау. Рассматривая сложные вопросы СВО на Украине, ситуацию на Южном Кавказе, палестинно-израильский конфликт, авторы говорят о недопущении возникновения очагов третьей мировой войны, преодолении биполярной идеологической конфронтации, ценностях будущего мироустройства, принципах свободы, справедливости, информационной объективности, уважительного отношения к другим культурам и конфессиям, недопустимости дискриминации по национальным, расовым или религиозным признакам.

Связь геополитических целей и религиозного фактора рассматривается в статье белорусского ученого А.В.Слесарева «Концепция «Интермариума» и конфессиональный вопрос: геополитические вызовы белорусско-мусульманскому православию в XX – начале XXI в.». На примере истории белорусского православия автор показывает, как религиозные институты и представители эмиграции могут становиться инструментами реализации чужих геополитических стратегий, в частности польской внешнеполитической доктрины «Интермариума» («Междуморья»). Автор делает вывод о попытке построения «церковного Интермариума» и прямой сопряженности современных интерпретаций данной доктрины с политикой Константинопольского патриархата в отношении восточнославянских территорий, ассоциируемых с Киевской митрополией XV–XVII вв. Статья содержит уникальные материалы об антисоветской деятельности белорусской эмиграции, ее противоречиях и расколах.

Тема межрелигиозного диалога в европейской части мира продолжается в статье сербского ученого

EDITOR-IN-CHIEF FORWORD

Dear readers!

This issue of the magazine is devoted mainly to the problems of intercivilizational and interreligious dialogue. With the participation of the editors of our journal, a series of international scientific discussions were held in February – April 2024. During these discussions, interesting, extraordinary, and sometimes controversial positions were expressed. We believe it is important to introduce our readers to ideas that may become the basis for further research and discussion.

Relations between Russia and the West are interpreted in an article by Czech analyst J.Campbell and Austrian expert G.Gustenau. Considering the complex issues of the Northern Military District in Ukraine, the situation in the South Caucasus, the Palestinian-Israeli conflict, the authors say that the spread of outbreaks of the third world war cannot be allowed, they speak about overcoming bipolar ideological confrontation, about the values of the future world order, the principles of freedom, justice, information objectivity, respectful attitudes towards other cultures and religions, about the inadmissibility of discrimination on national, racial or religious grounds.

The connection between geopolitical goals and religion is discussed in the article by the Belarusian scientist A.V.Slesarev “The Concept of the Intermarium and the Confessional Issue: Geopolitical Challenges to Belarusian Orthodoxy in XX – early XXI century”. Using the example of the history of Belarusian Orthodoxy, the author shows how religious institutions and representatives of emigration can become instruments for the implementation of geopolitical strategies, in particular the Polish foreign policy doctrine of the Intermarium. The author concludes that an attempt is being made to build a “church Intermarium” and modern interpretations of this doctrine are directly related to the policy of the Patriarchate of Constantinople in relation to the East Slavic territories associated with the Kyiv Metropolis of the 15th–17th centuries. The article contains unique materials about the anti-Soviet activities of the Belarusian emigration, its contradictions and splits.

The topic of interreligious dialogue in the European part of the world is continued in the article by the Serbian scientist A.Prašćević. The author examines the role of the Serbian Orthodox Church in relations with Muslims over

A.Prašćevića. Автор рассматривает роль Сербской православной церкви в отношениях с мусульманами за последнее столетие (1920–2020 гг.). В статье представлены механизмы урегулирования противоречий и конфликтов, диалога христиан и мусульман в сложные для Сербии периоды. Автор делает вывод, что представители православной церкви внесли значительный вклад в межконфессиональное примирение и сосуществование, несмотря на то, что православные христиане были жертвами оккупационных режимов, с которыми сотрудничала мусульманская политическая элита. Попытки спровоцировать негативную реакцию Сербской православной церкви в отношении мусульман не приносили результатов, поскольку церковь всегда проповедовала, что мусульмане – братья православным.

Общие принципы и тенденции межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве рассматриваются в статье российских ученых Р.Н.Лункина и С.В.Мельника. Авторы анализируют причины актуализации запроса на религиозную этику в международных отношениях и в политике, рост значения религиозных факторов. В условиях кризисов и конфликтов, новых типов социальных неравенств общества обратились к религии за сочувствием, состраданием и за поддержкой. Религия оказалась востребована для реализации целей устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности, в области экологии и на рынке труда. Религиозное многообразие коррелирует с формирующейся многополярностью мира, в котором каждый бережет свой суверенитет, традиции, культуру и фактически каждый субъект воспринимает себя в качестве цивилизации. Авторы статьи оценивают преимущества и вызовы религии, выделяют особенности постсоветской религиозно-политической идентичности и предлагают перспективы развития этноконфессиональных отношений. Высказывается идея проведения встречи религиозных лидеров Евразийского региона.

Религия является в настоящее время одним из факторов диалога России даже с недружественными странами. По сути, к такому выводу приходит российский ученый В.В.Воронов, рассматривая профили дивергенции коммуникативных процессов между Латвией и Россией. Автор утверждает, что латышской и русских разделяют не столько этнические особенности или специфика культуры и традиций, сколько вопросы политической истории. Негативизация российского государства и русских предпринимается в основном не населением, а правящей политической элитой Латвии, поведение которой определяется интересами стран англосаксонского мира. Расхождение (дивергенция) путей развития исторически схожих обществ, веками находившихся в одном цивилизационном пространстве, характерны для внешнеполитических коммуникаций, отношений к России и русским, культуры, средств массовой коммуникации. Сдерживание дивергенции коммуникационных процессов в большей мере характерны для религиозных и межрелигиозных коммуникаций.

Аксиологические аспекты отношений России и мира, проблемы трансформации традиционных духовно-нравственных ценностей в актуальном международном контексте рассматриваются в статье российского ученого О.Г.Карповича. Сравнивая российский и западный подходы к ценностным основаниям миропорядка, автор аргументирует глобальное лидерство России в деле сохранения общечеловеческих, духовно-нравственных ценно-

the last century (1920–2020). The article shows mechanisms for resolving contradictions and conflicts, dialogue between Christians and Muslims in difficult periods for Serbia. The author concludes that representatives of the Orthodox Church made a significant contribution to interfaith reconciliation and coexistence, despite the fact that Orthodox Christians were victims of occupation regimes with which the Muslim political elite collaborated. Attempts to provoke a negative reaction from the Serbian Orthodox Church towards Muslims did not bring results, since the Church has always preached that Muslims are brothers to the Orthodox.

The general principles of interreligious dialogue in the post-Soviet space are discussed in an article by Russian scientists R.N.Lunkin and S.V.Melnik. The authors analyze the reasons for the increased interest in religious ethics in international relations and politics. In conditions of crises and conflicts, new types of social inequalities, societies turned to religion for sympathy, compassion and support. Religion has proven to be in demand for the implementation of sustainable development goals, corporate social responsibility, in the field of ecology and in the labor market. Religious diversity correlates with the emerging multipolarity of the world, in which everyone protects their sovereignty, traditions, and culture. The authors of the article examine the advantages and challenges of religion, highlight the features of post-Soviet religious and political identity, and consider the prospects for the development of ethno-confessional relations. The idea of holding a meeting of religious leaders of the Eurasian region is being expressed.

Religion is currently one of the factors in Russia's dialogue even with unfriendly countries. Russian scientist V.V.Voronov comes to this conclusion, considering the profiles of the divergence of communication processes between Latvia and Russia. The author argues that Latvians and Russians are divided not so much by ethnic characteristics or the specifics of culture and traditions, but by issues of political history. A negative attitude towards the Russian state and Russians is characteristic not of the population, but of the political elite of Latvia, whose behavior is determined by the interests of the countries of the Anglo-Saxon world. Divergence (divergence) in the development paths of historically similar societies that have been in the same civilizational space for centuries is characteristic of foreign policy communications, relations towards Russia and Russians, culture, and mass media. Containment of the divergence of communication processes, to a large extent, occurs due to religious and interreligious communications.

Axiological aspects in relations between Russia and the world, problems of transformation of traditional spiritual and moral values in the current international context are considered in the article of the Russian scientist O.G.Karpovich. Comparing Russian and Western approaches to the value foundations of the world order, the author proves Russia's global leadership in preserving universal, spiritual and moral values. In the context of an aggressive attack by postmodern supporters on religion, family, marriage, and school, Russia's authority is growing as a defender of traditional values typical to the vast majority of the inhabitants of our planet.

The civilizational approach to the study of international relations is presented in several articles by Russian scientists and scientists from Central Asian

стей. В условиях агрессивного наступления сторонников постмодерна на религию, семью, брак, школу растет авторитет России как защитницы традиционных ценностей, характерных для подавляющего большинства жителей нашей планеты.

Цивилизационный подход в исследованиях международных отношений представлен в нескольких статьях российских ученых и ученых из стран Центральной Азии. Теоретико-методологические проблемы исследований цивилизаций анализируются в статье выдающегося российского ученого И.В.Следзевского «Условия и перспективы диалога цивилизаций в современном мире: симбиоз культур (опыт истории стран Центральной Азии и их взаимодействия с Россией)». Рассматривая возможности диалога цивилизаций в условиях глобального, трансграничного культурного пространства, автор считает весьма перспективными коммуникационно-сетевой подход и концепцию цивилизации как сети широких взаимодействий и коммуникаций, снимающих привязанность цивилизационных общностей к территории или государству и превращающих цивилизации в открытые, инклюзивные, культурно-коммуникационные образования. С этих позиций межцивилизационный диалог с Россией рассматривается как сеть исторических и современных отношений и взаимодействий, а регион Центральной Азии отнесен к «цивилизации встреч» с учетом продолжительного и успешного симбиоза разных культур и религий.

Постсоветский цивилизационный транзит в Центральной Азии исследуется российским ученым Р.С.Бобохоновым. Автор ставит проблему формирования новых идеологических мифов на основе искаженных представлений об истории. По его мнению, цивилизационный транзит в странах Центральной Азии проходит под сильным государственным контролем исторической памяти народов, под влиянием идеологии государственного национализма, что прослеживается не только в политических доктринах, но и в традициях, религиозной политике, научных исследованиях. Статья Р.С.Бобохонова вызвала дискуссии как в редакции нашего журнала, так и у рецензентов. Но была рекомендована к публикации как выражение позиции ученого, обращающего внимание научного сообщества на сложные социокультурные процессы в Центрально-Азиатском регионе.

Взгляды известных российских и таджикских ученых на межцивилизационный диалог в Центральной Азии представлены в статье Г.М.Майтдиновой, В.И.Сажина, А.М.Мамадазимова, А.Е.Загребина. Авторы статьи рассматривают регион Центральной Азии как межцивилизационный узел, где взаимодействовали и конкурировали персидские и эллинистические, вавилонские и китайские, индийские и монгольские, арабские и тюркские цивилизации. Высказывается позиция, что на современном этапе диалог цивилизаций возможен на основе понимания исторической общности различных народов, проживающих в регионе, их цивилизационной идентичности с опорой на традиционные ценности. Отмечается, что в политической культуре стран Центральной Азии сформировались свои демократические принципы, которые не всегда идентичны западным. Отельным блоком в статье рассматривается необходимость опоры на объективные исторические, этнографические, археологические данные, полученные в ходе совместных полевых экспедиций ученых из академий наук разных стран. Так же ученые обратили внимание на новые платформы межцивилизационного диалога с уча-

countries. Theoretical and methodological problems of studies of civilizations are analyzed in the article by the outstanding Russian scientist I.V.Sledzevsky "Conditions and Prospects of the Civilizations Dialogue in the Modern World: Symbiosis of Cultures (based on the History of the Central Asian Countries and their Interaction with Russia)". Considering the possibilities of a dialogue of civilizations in a global, trans-border cultural space, the author considers the communication-network approach and the concept of civilization as a network of broad communications to be promising, removing the attachment of civilizational communities to a territory or state and turning civilizations into open, inclusive, cultural and communication entities. From these positions, intercivilizational dialogue with Russia is viewed as a network of historical and modern interactions, and the Central Asian region is classified as a "civilization of encounters", taking into account the long and successful symbiosis of different cultures and religions.

Post-Soviet civilizational transit in Central Asia is studied by Russian scientist R.S.Bobokhonov. The author analyzes how new ideological myths were formed on the basis of distorted ideas about history. In his opinion, civilizational transit in the countries of Central Asia takes place under strong state control of historical memory, under the influence of the ideology of state nationalism, which is manifested not only in political doctrines, but also in religious policy and scientific research. The article by R.S.Bobokhonov caused a discussion both in the editorial office of our journal and among reviewers, but it was recommended for publication, since the position of the scientist draws the attention of the scientific community to complex socio-cultural processes in the Central Asian region.

The views of famous Russian and Tajik scientists on intercivilizational dialogue in Central Asia are presented in the article by G.M.Maitdinova, V.I.Sazhin, A.M.Mamadazimov, A.E.Zagrebina. The authors of the article consider the Central Asian region as an intercivilizational hub where Persian and Hellenistic, Babylonian and Chinese, Indian and Mongolian, Arab and Turkic civilizations interacted and competed. The opinion is expressed that at the present stage, a dialogue of civilizations is possible on the basis of an understanding of the historical community of different peoples living in the region, their civilizational identity, based on traditional values. It is noted that the political culture of the Central Asian countries has developed its own democratic principles, which are not always identical to Western ones. Separately, the article discusses the need to rely on objective historical, ethnographic, archaeological data obtained during joint field expeditions of scientists from different countries. Scientists also drew attention to new platforms for intercivilizational dialogue with the participation of not only Russia and the post-Soviet countries of Central Asia, but also with the participation of Afghanistan, Iran, China, and Pakistan.

We publish the articles on critical international issues: military-political cooperation with China, water shortages in a number of Central Asian countries, the oil crisis.

In the article "Prospects for the Integration of China and the CSTO", Russian scientists S.V.Uyanaev and A.V.Bredikhin assess the prospects for cooperation in the field of countering the "three evils" and believe that the CSTO countries and China face similar challenges,

ствием не только постсоветских стран Центральной Азии и России, но и с участием Афганистана, Ирана, Китая, Пакистана.

В данном выпуске журнала представлены публикации по ряду критически значимых международных проблем, в том числе: военно-политическое сотрудничество с Китаем, дефицит воды в ряде стран Центральной Азии, оценка нефтяного кризиса.

В статье «Перспективы интеграции Китая и ОДКБ» российские ученые С.В.Уянаев и А.В.Бредихин оценивают перспективы сотрудничества в сфере противодействия «трем злам» и считают, что страны ОДКБ и Китай сталкиваются со схожими вызовами и существует возможность ситуативного подключения Китая к военным операциям ОДКБ. Авторы приходят к выводу, что согласованность действий как по линии «ОДКБ + 1», так и «ОДКБ + Шанхайская организация сотрудничества» способствуют проявлению перспективных контуров взаимодействия, определяющих новый виток в развитии ОДКБ, в том числе с участием Сирии и КНДР.

В статье российского ученого, известного эксперта А.М.Мустафабеи рассматривается проблема водопользования в Центральной Азии в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепе. Автор ставит проблемы дефицита водных ресурсов, отсутствия справедливого доступа людей к безопасной воде, услугам санитарии, недостаточности принимаемых технических и финансовых мер для создания передовых систем использования и сохранения водных резервов и характеризует их как мировые проблемы, наносящие наибольший урон государствам глобального Юга, в том числе Центральной Азии. В статье анализируются последствия строительства Куш-Тепе для стран Центральной Азии, рассматриваются позиции региональных и внерегиональных акторов в вопросе Куш-Тепе. Отмечается, что центральноазиатские страны в переговорах с Афганистаном настаивают на согласовании взаимных интересов сторон; Россия предлагает свои услуги в решении задач, связанных с эксплуатацией канала Куш-Тепе, США оказывают финансовую помощь с целью ускорить строительство канала.

В контексте актуальных ближневосточных проблем интересна статья российского ученого А.И.Яковлева «Нефтяной кризис 1973 г.: взгляд спустя полвека». Автор обращает внимание на причины, побудившие арабские страны-экспортеры нефти использовать «нефтяное оружие» (нерешенность Ближневосточного конфликта и палестинской проблемы), и на кризисные явления в западной экономике. Анализируя последствия нефтяного кризиса, автор приходит к выводу, что негативные последствия для Запада были краткосрочными. В долгосрочной перспективе кризис стал катализатором, ускорившим структурные и технологические перемены в западной экономике и в мировой финансовой системе. Для нефтедобывающих стран Арабского Востока нефтяной кризис позволил увеличить уровень доходов государств, создать возможности для ускоренного социально-экономического развития, повысить авторитет этих стран и ОПЕК в международных отношениях.

Уважаемые читатели, надеюсь, что статьи этого выпуска журнала вызовут интерес и будут полезны в ваших исследованиях. Благодарим наших авторов и ждем новые материалы и научные идеи для публикации.

С уважением,
Академик РАН
Виталий Наумкин

therefore there is the possibility of situational connection China to the military operations of the CSTO. The authors come to the conclusion that the coordination of actions both of "CSTO + 1" and "CSTO + Shanghai Cooperation Organization" contributes to the prospects for interaction, which determines the possibility of the next stage in the development of the CSTO, including with the participation of Syria and the DPRK.

The article by the Russian scientist, famous expert A.M.Mustafabeyli examines the problem of water use in Central Asia in connection with the construction of the Afghan Kush-Tepa canal. The author talks about the shortage of water resources, the lack of fair access of people to safe water, sanitation services, and the inadequacy of technical and financial measures to create advanced systems for the use and conservation of water reserves. The author believes that these are global problems that cause the greatest damage to the states of the Global South, including Central Asia. The article analyzes the consequences of the construction of Kush-Tepa for the countries of Central Asia, and examines the positions of regional and extra-regional actors. It is noted that Central Asian countries in negotiations with Afghanistan insist on coordinating the mutual interests of the parties; Russia offers its services in solving problems related to the operation of the Kush-Tepa canal, and the United States is providing financial assistance to speed up the construction of the canal.

In the context of current Middle Eastern problems, the article by Russian scientist A.I.Yakovlev "The Oil Crisis of 1973: a Look after Half a Century" is interesting. The author draws attention to the reasons that prompted the Arab oil-exporting countries to use the "oil weapon" (the unresolved Middle East conflict and the Palestinian problem) and to the crisis phenomena in the Western economy. Analyzing the consequences of the oil crisis, the author comes to the conclusion that the negative consequences for the West were short-term. In the long term, the crisis became a catalyst that accelerated structural and technological changes in the Western economy and in the global financial system. For the oil-producing countries of the Arab East, the oil crisis allowed them to increase the level of state income, create opportunities for accelerated socio-economic development, and increase the authority of these countries and OPEC in international relations.

Dear readers, I hope that the articles in this issue will arouse your interest and will be useful in your research. We thank our authors and look forward to new materials and scientific ideas for publication.

Sincerely,
Academician of the Russian Academy of Sciences
Vitaly Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

США и некоторые другие западные державы, опасаясь, что они потеряют свою глобальную гегемонию, разработали план по расширению разногласий между странами глобального Юга, чтобы эти страны не смогли достичь общей цели.

Кэмпбелл Я.

Я выступаю за подход, который исследует альтернативные варианты отношений Западной Европы с Россией.

Густенау Г.

Россия и Запад сегодня: взгляд европейских экспертов

В современном мире так называемый «коллективный Запад» рассматривает традиционные ценности через секулярно-гуманистический подход к цивилизационному развитию, в рамках которого они придаются забвению наряду с традиционным обществом и государством.

Карпович О.Г.

Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития

Религия – это инструмент и орудие национальной политики, стремления создать «свой институт», а секуляризация религии приводит к контролю религиозной деятельности.

Лункин Р.Н.

Нами разработана классификация межрелигиозного диалога, в соответствии с которой предлагается различать четыре основных типа диалога: «полемический», «когнитивный», «миротворческий» и «партнерский».

Мельник С.В.

Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства

Исторический и современный, в том числе международный, опыт поиска путей достижения договоренностей по разделу трансграничных водных ресурсов свидетельствует о сложности переговорного процесса, приведшего к прямо противоположным результатам.

Мустафабейли А.М.

Центральная Азия: проблема водопользования в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепа

Центральная Азия выступает регионом, где расположены военные объекты ряда азиатских стран, не состоящих в ОДКБ... Итогом такой коммуникации потенциально могло бы стать расширение военно-политического сотрудничества с заинтересованными странами, вплоть до их вступления в состав ОДКБ.

Уянаев С.В., Бредихин А.В.

Перспективы интеграции Китая и ОДКБ

Россия и Запад сегодня: взгляд европейских экспертов

Ян Кэмпбелл^{1a}, Густав Густенау²

¹Институт левых партий, Прага, Чехия

²Независимый эксперт-аналитик, Австрия

^ajancam@jancam.eu, 211146@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8230-2824>

Аннотация. Статья содержит оценки европейских экспертов современного состояния отношений России и Запада. Анализируются сложные вопросы СВО на Украине, ситуация на Южном Кавказе, палестино-израильский конфликт и их последствия для стран Европы и глобального мироустройства. Авторы говорят о недопущении очагов третьей мировой войны, преодолении биполярной идеологической конфронтации, ценностях будущего мироустройства. Основой мира должны стать справедливость и мораль, что приведет к восстановлению доверия между народами и государствами. Аргументируется позиция, предполагающая необходимость диалога с Россией и недопустимость изоляции отдельных стран от участия в работе международных диалогов. Авторы являются приверженцами принципов многополярного мира, свободы, справедливости, информационной объективности, уважительного отношения к другим культурам и конфессиям, недопустимости дискриминации по национальным, расовым или религиозным признакам. Статья подготовлена по материалам международного симпозиума «Соединенное Королевство – ЕС – Россия – Большой Ближний Восток: вызовы и перспективы», прошедшего в Братиславе (27–28 февраля 2024 г.).

Ключевые слова: миропорядок, международные конфликты, Запад, Россия, СВО, Нагорный Карабах, Украина, Южный Кавказ, западные эксперты

Для цитирования: Кэмпбелл Я., Густенау Г. Россия и Запад сегодня: взгляд европейских экспертов // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 20–38, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-20-38](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-20-38)

Russia and the West Today: European Experts View

Jan Campbell^{1a}, Gustav Gustenau²

¹Institute of Left-Wing Parties, Prague, Czech Republic

²Independent Expert Analyst, Austria

^ajancam@jancam.eu, 211146@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8230-2824>

Abstract. The article provides assessments of the current state of relations between Russia and the West by European experts. Complex issues such as the Northern Military District in Ukraine, the situation in the South Caucasus, the Palestinian-Israeli conflict and their consequences for European countries and the global world order are analyzed. The authors talk about the need to prevent outbreaks of a third world war, to overcome bipolar ideological confrontation, and about the values of the future world order. Justice and morality must become the basis of peace, which will lead to the restoration of trust between peoples and states. The need for dialogue with Russia and the inadmissibility of isolating individual countries from participation in international dialogues are argued. The authors are supporters of the principles of a multipolar world, freedom, justice, information objectivity, respect for other cultures and religions, and speak of the inadmissibility of discrimination on national, racial or religious grounds. The article was prepared based on the materials of the international symposium “United Kingdom – EU – Russia – Greater Middle East: Challenges and Prospects”, held in Bratislava (February 27–28, 2024).

Keywords: world order, international conflicts, West, Russia, SVO, Nagorno-Karabakh, Ukraine, South Caucasus, Western experts

For citation: Campbell J., Gustenau G. Russia and the West Today: European Experts View. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 2(12): 20–38, [doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-20-38](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-20-38)

Введение

События последних лет убедительно демонстрируют кризис глобального миропорядка, углубляющуюся поляризацию современного мира. Причинами поляризации являются фундаментальные различия политических элит в понимании правил и ценностей будущего мироустройства. Происходит подмена международного права правом отдельных национальностей или ситуативными правилами игры с нелегитимными арбитрами. На этом фоне сформировалось два мировых полюса: Запад и Мировое большинство (страны Азии, Евразии, Африки, Латинской Америки и др., объединившиеся в форматы БРИКС, ШОС, ДН и др.). Между этими полюсами сложилась биполярная идеологическая конфронтация.

27–28 февраля 2024 г. в Братиславе состоялся международный симпозиум «Соединенное Королевство – ЕС – Россия – Большой Ближний Восток: вызовы и перспективы». На конференции были представлены позиции научной общественности, культурных и политических элит Европы, России, Австрии, Армении, Азербайджана, Великобритании, Германии, Израиля, России, Сербии, Словакии, Чехии и др. Осевой темой, вокруг которой с разной степенью вовлеченности выстраивались сообщения докладчиков, стала тема роли и значения России в современном мироустройстве. Участники концентрировались на российско-европейских отношениях и отмечали необходимость выстраивания диалога с Россией. Эксперты со стороны Словакии выразили готовность стать площадкой для таких переговоров. Идея была поддержана большинством участников, так как почти все другие площадки дискредитировали себя, перестали быть нейтральными и в итоге потеряли доверие. По сути, участники симпозиума говорили о необходимости возвращения в политику рациональных подходов и ценностей диалога и сотрудничества ради мира и благополучия миллионов людей. Новой платформой такого диалога могла бы стать Словакия. В данной статье мы публикуем обзоры наиболее интересных и научно обоснованных мнений участников конференции.

Материалы и методы исследования

Основные материалы статьи составили доклады участников международного симпозиума «Соединенное Королевство – ЕС – Россия – Большой Ближний Восток: вызовы и перспективы», обобщение мнений, высказанных в кулуарах симпозиума, а также материалы резолюции – итогового документа симпозиума. Доклады и исследования участников симпозиума основывались на методах статистического анализа, индукции и дедукции, сравнительного анализа, кейс-стади, политического анализа и др. При подготовке статьи мы использовали методы анализа, синтеза, обобщения, сравнительного анализа.

Результаты исследований

Взгляд на современные международные процессы (Я.Кэмпбелл)

Во-первых, я также хотел бы напомнить всем, что 15 августа 1918 г. Госдепартамент США официально объявил о разрыве дипломатических отношений с Россией. После этого американцы высадились во Владивостоке и началось вторжение в Россию. За 19-месячное пребывание в России американцы потеряли на Дальнем Востоке 189 солдат. Последний американский солдат покинул Сибирь 1 апреля 1920 г. Вторжению на Дальний Восток предшествовала конференция в декабре 1917 г., на которой присутствовали США, Великобритания, Франция и их союзники. На конференции было принято решение очертить сферы интересов на территории бывшей Российской империи. Иными словами, западные партнеры планировали поделить между собой крупнейшее государство планеты, а помочь им в этом должны были представители так называемого «Белого движения».

Одним из приоритетов Америки при оккупации Дальнего Востока и Восточной Сибири было установление контроля над Транссибирской магистралью, транспортировкой товаров и природных ресурсов. Помимо вышеперечисленного, американское руководство считало необходимым создать на базе Российской империи ряд независимых государств. Россию планировалось разделить на Украину, Великороссию (европейскую часть) и Сибирь. В августе 1918 г. военное положение на оккупированных территориях было объявлено и созданы военные суда. Американские компании получили от правительства Колчака разрешение на торговлю в обмен на кредиты «Ситибанка» и «Гаранти Траст» и экспортировали во время оккупации товаров на сумму более 950 млн рублей золотом.

Посол США в России Дэвид Френсис буквально настаивал на оккупации Дальнего Востока. Цитирую: «Я настаиваю на необходимости взять Владивосток под свой контроль и передать Мурманск и Архангельск Великобритании и Франции». Сенатор Пойндекстер в своем призыве к вмешательству прямо заявил: «Россия стала географическим термином и никогда не будет ничем другим. Сила ее единства, организованности и способности к обновлению исчезла навсегда. Нации больше не существует».

Оккупанты хотели разделить русского медведя, хотя он был еще жив. Медведь жив и сегодня. Я упоминаю о вторжении на Дальний Восток, потому что державы 1918 г. – США, Великобритания и Франция – сейчас преследуют ту же цель, что и в 1918 г., просто надев «современное пальто», продаваемое под видом НАТО, и используя западные границы России: Украину, Карпаты и Кавказ.

Пример вторжения США и их союзников в Россию в 1918 г. говорит о том, что конфликт на территории Украины начался задолго до 2014 г., не говоря уже о 2022 г. Политическое руководство США и Великобритании являются одним из корней про-

должающегося конфликта на Украине. Россия была доведена руководством США и Великобритании до точки, за которую она уже не могла перешагнуть. Войну начала Украина в 2014 г. Россия в 2022 г. попыталась остановить войну и к настоящему моменту пока не добилась одной из главных целей специальной военной операции: денацификации – запрета всех неонацистских движений.

Необходимо ответить на два важных вопроса: когда эта цель будет достигнута и почему она не достигнута? Ответы на сегодняшний день непросты и не оптимистичны. До достижения цели еще далеко. Почему? Все ведущие страны Запада поддерживают неонацистские идеи.

В недавнем интервью американскому историку-журналисту Карлсону президент Путин ясно, решительно и подробно рассказал Западнему миру, почему не было Украины, нет Украины и не будет Украины. Как человек воспринимает и оценивает такое заявление – это его проблема. Но одно можно сказать наверняка: Путина никогда не следует игнорировать, как мы знаем со времен выступления Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 г.¹

Независимо от исхода спецоперации и исходя из жизненного опыта, с вероятностью, граничащей с уверенностью, я утверждаю, что Зеленский потеряет все. По сути, он уже все потерял, в том числе и частную жизнь. Знание истории управления процессами невидимыми британскими элитами, при всем моем к ним уважении, не позволяет сделать иного вывода. Планируемая должность западного Управляющего, который будет базироваться в Киеве и иметь постоянный, неограниченный доступ к президенту Украины и всем ключевым документам, говорит сама за себя. Тем временем, на наш взгляд, Зеленский идеален для России. Чем дольше он будет оставаться у власти и чем больше он себя дискредитирует, тем лучше. Такой военный «гений», уничтоживший украинскую армию, выгоден России.

Знающие люди легко могут представить себе (благодаря ответам Путина и целям специальной военной операции) судьбу территории, которая сегодня еще называется «Украиной», судьбу Карпат, Закарпатья и Львова, не говоря уже о судьбе Харькова, Киева и Одессы. Не буду размышлять о судьбе этих городов, но позволю себе сказать несколько слов о личном наблюдении за западноукраинскими регионами.

Если вы спросите львовян, чего бы они хотели больше всего и гражданами какой страны они хотели бы быть, вы узнаете, что они предпочли бы быть австрийцами и хотели бы присоединиться к Австрии. Почему? Это был период, когда они жили лучше всего. Стратегическое расположение Львова объясняет, почему сам Львов был основан русскими князьями, а затем был частью Австро-Венгрии, Польши и СССР, и почему он станет местом проведения мирных переговоров.

Сегодня, как и раньше, дорога ведет из Карпат и Закарпатья в Россию. Вторгнуться в Россию с Запада – значит пересечь Карпаты. А у кого Карпаты в руках, у того база для вторжения в Россию. В то же время Карпаты представляют собой линию защиты России от западного вторжения.

¹ Speech and the following discussion at the Munich Conference on security policy (2007) President of Russia. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.

Поэтому, скорее всего, судьба Западной Украины в случае достижения трех основных целей специальной военной операции будет решаться исходя из военной топографии и военно-стратегической целесообразности для России. Определенную роль в этом вопросе будут играть настроения местных жителей и их предпочтения. В случае мирных переговоров, а не переговоров между победителем и проигравшим в традиционном понимании, Украина официально перестанет существовать как независимое государство и соучредитель ООН. Здесь стоит вернуться к истории вторжения США и союзников на Дальний Восток 15 августа 1918 г. и извлечь из нее уроки.

Оценка ситуации на февраль 2024 г. показывает, что тон и дискурс Запада об Украине изменились на 180 градусов. Если год назад западные элиты говорили о победе над Россией и свержении Путина, то теперь они опасаются, что Россия свергнет Запад. Это, конечно, не означает, что победа очень близка, ведь Россия воюет с единым Западом. Об этом не следует забывать в контексте ранее упомянутого вторжения США и их союзников на Дальний Восток в 1918 г.

Специальная военная операция России и сама победа переформируют систему безопасности в Европе и Западном полушарии. Военная победа на Украине сама по себе не обязательно принесет такой результат. Он возникнет в результате перестановки сил на мировой арене.

Военный конфликт может длиться довольно долго, и о конкретных датах говорить сложно. Однако на этом конфликт не закончится, поскольку Запад считает, что победа России на Украине поставит под угрозу само существование НАТО и Запада, который мобилизует свои силы как можно скорее. Но нельзя игнорировать и другой факт: Запад понял, что Россию невозможно уничтожить, она выстояла и даже стала сильнее. Потому трезвые умы начнут искать пути реформирования самой системы западной безопасности. Очевидно, что режим Зеленского зашел в тупик и исчезнет. Западу больше ничего не нужно от Зеленского, поскольку он хочет вести переговоры, чтобы сохранить как можно больше украинских территорий за собой. Поэтому Запад продолжит свою агрессивную политику.

Что касается ситуации в Армении. Хотелось бы напомнить, что я написал ряд открытых и закрытых аналитических исследований и комментариев по вопросам, связанным с Кавказом в целом и Арменией в частности, поскольку я проводил мониторинг и работал в Армении сразу после землетрясения 7 декабря 1988 г. в Спитаке, а затем в качестве старшего руководителя проектов, финансируемых Всемирным банком. Оценка текущей ситуации в контексте темы симпозиума выражается в следующем:

1) Армения стремится сохранить свою территориальную целостность в свете военных наступлений Азербайджана в мае 2021 г., ноября 2021 г. и сентября 2022 г., а также ползучей аннексии Азербайджана, который усиливает свои позиции между военными наступлениями. Согласно официальным армянским источникам, в настоящее время Азербайджан занял 150 квадратных километров территории Армении. В это число не входят территории, которые Армения уступила под военно-политиче-

ским принуждением в 2021 г., надеясь, что Азербайджан прекратит свои территориальные претензии.

2) Азербайджан требует создания экстерриториального коридора через Сюникскую область Армении, чтобы соединиться со своим эксклавом – Нахичеванью. На мой взгляд, Азербайджан предъявляет территориальные претензии к большей части территории Армении, включая крупнейший водный бассейн – озеро Севан, столицу Ереван, и называет Армению «Западным Азербайджаном»².

3) Позиция стран ЕС по азербайджано-армянскому вопросу стала более ясной. ЕС и Армения решили начать работу над расширением двустороннего сотрудничества. Боррель недавно заявил: «Мы обсуждали варианты либерализации визового режима. Я принял к сведению большой интерес Армении к этому и призвал к осуществлению реформ, чтобы достичь процесса по этому вопросу»³.

4) Миссия Европейского союза в Армении (EUMA) временно уменьшила беспокойство Армении по поводу новых возможных военных наступлений со стороны Азербайджана и дала ей время и возможности для восстановления ее обороноспособности. Нужно ли это Армении и сможет ли она использовать в нынешней ситуации свой обновленный оборонный потенциал, пока EUMA уменьшит зависимость Армении в сфере безопасности от России и ОДКБ?

Российские войска в Армении не предотвратили военное наступление Азербайджана на Армению в 2021–2022 гг. Консервативные армянские эксперты пытались объяснить эту ситуацию войной России на Украине, а также действиями властей Армении, которые «возмутили» Россию. Некоторые эксперты даже предполагают, что Россия санкционировала военное наступление Азербайджана против Армении⁴, чтобы преследовать свои геополитические интересы или наказать Армению за попытку уменьшить свою зависимость от России⁵.

Что касается либеральных кругов в России, то они убеждены, что в общих интересах России и Азербайджана заставить Армению уступить экстерриториальный коридор, контролируемый Федеральной службой безопасности России⁶. Это бы не только связало Азербайджан с Турцией – Россия бы использовала его также для обхода западных экономических санкций. Возникает вопрос: почему ЕС (а не ОБСЕ или ООН) решил разместить миссию в Армении? Ответ прост: миссия ООН и ОБСЕ в Армении была бы невозможна, поскольку Россия имеет право наложить вето в Сове-

те Безопасности ООН на такую миссию; и Россия, и Азербайджан выступили бы против такого шага в ОБСЕ. Даже в случае с ЕС консенсус был не гарантирован, более того, Армения приостановила дипломатические отношения с Венгрией до декабря 2022 г.

Хотя Арцахская война 2020 г. не имела немедленных последствий для ЕС, она стала прецедентом применения силы более крупной страной с более высоким военным потенциалом в отношении меньшей страны с более низким военным потенциалом для разрешения споров.

Азербайджанское наступление в сентябре 2022 г. показало, насколько хрупка безопасность в регионе. Обстрелы достигали курортного города Джермук в Армении. На мой взгляд, были совершены военные преступления.

Необходимо также сказать, что создание миссии ЕС следует рассматривать как инструмент конкуренции между Россией и ЕС (учтем, что ЕС поддерживает интересы США) за влияние в регионе. Некоторые армянские эксперты считают, что «сейчас подходящее время для ЕС использовать эту ситуацию для усиления своих позиций и ослабления позиций России в Армении»⁷.

Что бы ни говорилось, размещение наблюдателей ЕС в районе, где Россия имеет значительное военное присутствие, должно восприниматься как рискованное. Нельзя исключать провокации или инциденты против ЕС. Предупреждения России о превращении Армении в еще одну арену геополитической конфронтации между Россией и Западом не должны игнорироваться ЕС и НАТО, как они были проигнорированы в 2007 г. и позднее.

Самая очевидная проблема, не решенная через EUMA, заключается в том, что она не может способствовать безопасности и стабильности Нагорного Карабаха из-за категорического противодействия Азербайджана международному присутствию в нем. И сотрудничество между ЕС и Россией на данный момент в этой сфере нереально.

Поэтому неудивительно, что 11 декабря 2023 г. Совет по иностранным делам ЕС согласился усилить наблюдательный потенциал EUMA в пределах существующей зоны действий Миссии на армянской стороне, усилив свое присутствие на местах (от 138 сотрудников до 209)⁸. Миссия осуществляет патрулирование с шести передовых оперативных баз, расположенных в городах Капан, Горис, Джермук, Ехегнадзор, Мартуни и Иджеван. Это охватывает всю международную границу между Арменией и Азербайджаном.

Президент Азербайджана Алиев назвал намерение ЕС развернуть миссию «очень неприятным фактом»⁹. Министр иностранных дел России Лавров заявил, что

2 The concept of “Western Azerbaijan” is a concept to justify a new war against Armenia, says Pashinyan | Armenpress armenian news agency. URL: <https://armenpress.am/eng/news/1124887.html>.

3 EU-Armenia Partnership Council, 13 February 2024 – Eeas. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-ministerial-meetings/2024/02/13>.

4 The Insider (2024). Russia pushes Azerbaijan to attack Armenia, but Aliyev fears full-scale war due to western sanctions threat, experts say, The Insider. URL: <https://theins.ru/en/news/269956>.

5 Ռուսաստանի Ադրբեջանի ձեռքով ցանկանում է պատժել հայաստանին իր արևմտամետ քաղաքականության համար ադրբեջանցի փորձագետ, ‘Ազատ Եվրոպա/Ազատություն’ ռադիոկայան. URL: <https://www.azatutyun.am/a/32825602.html>.

6 The Armenian dilemma after Azerbaijan’s September attack on Nagorno-Karabakh (2023), Sceeus. URL: <https://sceeus.se/en/publications/the-armenian-dilemma-after-azerbajans-september-attack-on-nagorno-karabakh/>.

7 Expert Petrosyan. The EU mission in Armenia operates against Russia and Iran. URL: <https://caliber.az/arm/post/234242>.

8 EU mission in Armenia to increase its presence on the ground (no date) EEAS. URL: https://www.eeas.europa.eu/euma/eu-mission-armenia-increase-its-presence-ground_en?s=410283.

9 Green A. (2023) Why is the EU deploying a mission in Armenia and what to expect? EVN Report. URL: <https://evnreport.com/politics/why-is-the-eu-deploying-a-mission-in-armenia-and-what-to-expect/>.

размещение новой миссии «может быть только контрпродуктивным» для укрепления доверия, поскольку оно не получит одобрения азербайджанской стороны¹⁰. Он поставил под сомнение гражданский характер миссии, предупредив, что российская миротворческая миссия численностью в 2 000 человек в Нагорном Карабахе и российские пограничники, служащие в Армении, «будут реагировать на поведение наблюдателей ЕС с учетом ситуации на местах»¹¹. Он также предположил, что возглавляемая Россией Организация Договора о коллективной безопасности подготавливает план развертывания миротворческой операции на границе между Арменией и Азербайджаном, намекнув, что Армения предпочитает миссию ЕС.

Если коротко: Запад искусственно разжигает конфликт между Азербайджаном и Арменией. Возобновились столкновения на границе Армении и Азербайджана. Две недели назад, 12 февраля, Баку сообщил, что в результате очередной военной провокации со стороны ВС Армении ранен военнослужащий Государственной пограничной службы Азербайджана. Сразу же, несмотря на отказ армянской стороны признать факт обстрела, азербайджанцы начали акцию возмездия. По состоянию на 14:00 во вторник с армянской стороны было четверо убитых и один раненый.

Как ни странно, эти нападения стали следствием ситуации вокруг армяно-азербайджанских переговоров по заключению мирного договора. Сторонам пока не удалось добиться прогресса в переговорном процессе. Переговорный процесс, по сути, зашел в тупик.

Поэтому поведение Пашиняна и его клики можно охарактеризовать как путь к самоубийству Армении. Это подтверждается намерением убрать из Конституции преамбулу декларации независимости, в которой содержится идея воссоединения Армении с Карабахом, а также последним интервью Пашиняна газете «Daily Telegraph». В переговорном процессе он перекладывает ответственность на азербайджанскую сторону, но не предлагает ничего нового.

И тут начинается цепочка событий, напоминающая многоходовую игру. Первый шаг – силовое давление. Азербайджанцы прекрасно понимают, что ни Армения, ни ее руководство не готовы к войне. Фактически Азербайджан оказывает силовое давление, угрожая эскалацией, если мирный договор не будет подписан на условиях Баку.

Эскалация может повлечь за собой гораздо большие проблемы для Еревана, Азербайджан даже допустил захват самого Еревана. Это означало бы ликвидацию армянской государственности.

США и ЕС должны задать себе серьезный вопрос: как отреагирует Россия, поскольку Армения все еще является членом ОДКБ (а это означает, что Россия гарантирует безопасность нынешних границ Армении, признанных Москвой), каковы будут последствия для Армении, России и самого ЕС?

Пашинян игнорирует встречи ОДКБ, одновременно ездит в европейские столицы и даже поддерживает Киев. Так Ереван оказался в политической изоляции в

тот момент, когда фактически разорвал отношения с Москвой и начал опираться на поддержку Франции. Франция активно отправляет своих инструкторов в Армению и пытается отобрать у России статус дружественной страны-партнера. При этом шансы на вмешательство России в конфликт практически равны нулю: у России есть своя горячая точка, а Ереван занимает антироссийскую позицию.

На самом деле, мир нужен не столько Еревану, сколько самому Пашиняну. Почему? В случае мирного решения конфликтных вопросов с Азербайджаном нынешние власти Армении развяжут себе руки для геополитического поворота к Западу и реализации главной задачи премьер-министра, которую, на мой взгляд, он реализует с момента прихода к власти в 2018 г.: сдать Карабах, разорвать отношения с Россией и подготовить почву для нового нападения на Россию.

В случае нового конфликта, например, вокруг Зангезурского коридора, один из членов ОДКБ вступит в конфронтацию с внешним противником и будет нуждаться в поддержке, и не надо будет спекулировать на развитии событий на Кавказе и последствиях для ЕС и Европы.

Остановлюсь на некоторых других конфликтах и проблеме обмана общества. Согласно методологическим принципам ACLED, события делятся на три общие категории: политическое насилие, демонстрации и ненасильственные политически значимые события. Рекомендую ознакомиться с анализом данных изучения продолжающихся боевых действий и их потенциальных последствий, предложенным швейцарской газетой NZZ. Первая часть дает общий обзор. Во второй части рассматриваются продолжающиеся боевые действия в Мьянме, Конго и Бразилии, исследуется, может ли насилие распространиться на Европу.

При рассмотрении значения мелких конфликтов для общей геополитической ситуации первая категория является наиболее важной: это сражения, взрывы и насилие против гражданского населения.

В 2007 г. президент Путин предупредил Америку, что продвижение идеи однополярного мира разрушит не только саму Америку, но и глобальный порядок¹². Другими словами, никто не чувствует себя в безопасности, и никто не сможет спрятаться за международным правом как за каменной стеной. Такая политика, конечно, является катализатором гонки вооружений. И это именно то, что произошло.

Сегодня любой, у кого здоровые глаза или правильные очки, может увидеть, как Америка думает о долгосрочной перспективе, действует прагматично и в то же время разрушает себя изнутри. Любой, кто слушал или читал полный текст недавнего интервью Карлсона, должен признать, что Путин не сказал ни слова об ожидании войны с Западом! Он все время повторял, что существует возможность диалога. К сожалению, ничего подобного я не слышу на Западе, где нас все больше и больше предупреждают о необходимости готовиться к войне с Россией, особенно после того, как она победит Украину, будет тратить больше и больше на военную технику и забудет использовать слово «мир». Поэтому неправильно обманывать широкую обществен-

¹⁰ Там же.
¹¹ Там же.

¹² Speech and the following discussion at the Munich Conference on security policy (2007) President of Russia. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.

ность и особенно молодое поколение, влияние на которое очень важно для любого правительства в мире.

Американцы говорят, что сегодня ключевым является противостояние автократий и демократий. Но реальность сложнее, и она по своей сути иная. Америка и ее оставшиеся сателлиты пытаются закрепить однополярный мир. С другой стороны, есть группа суверенных стран, которые либо открыто поддерживают создание нового, более справедливого порядка (Россия, Китай, Иран), либо молчаливо поддерживают эту идею (государства глобального Юга). Они прекрасно знают, что формируется новый порядок.

Сегодняшний мир сосредоточен на проблемах на Украине и в секторе Газа, другим конфликтам уделяется меньше внимания. Однако эти скрытые войны также могут угрожать геополитической стабильности, если крупные державы будут использовать их в своих целях. Здесь мы затрагиваем болезненную проблему морали у наших элит.

Израильско-палестинский конфликт показал миру неспособность США продолжать играть роль гегемона. США и их клиент Израиль больше не могут доминировать на Ближнем Востоке. Они оказались неэффективны даже в военном отношении. Хуситы, не являющиеся государством, способны заблокировать одну из ключевых транспортных артерий, и американцы ничего не могут с этим поделать.

С другой стороны, конфликт разделит Запад, а также незападные общества изнутри на тех, кто настроен произраильски, и тех, кто не может мириться с убийствами мирных жителей. Естественно, не-Запад обладает инициативой и выступает за нормальное урегулирование конфликта.

Обращусь к теме Мюнхенской конференции по безопасности (MSC). За последние 60 лет Мюнхенская конференция по безопасности продолжала развиваться, становиться более разнообразной, внедрять новые форматы и темы дискуссий. Однако ее основная и официальная миссия не изменилась: предоставить платформу для дебатов и строить мир посредством диалога. Спустя шесть десятилетий после основания Эвальдом фон Клейстом MSC собрала 16–18 февраля 2024 г. высокопоставленных лиц, принимающих решения, и экспертов со всего мира для обсуждения наиболее актуальных проблем международной безопасности. Подготовка к MSC 2024 г., ход конференции и 60-летие оправдали ожидания организаторов и, возможно, большинства приглашенных гостей. Пока сложно оценить реальные результаты MSC, но, исходя из жизненного опыта, могу предположить, что укрепление международного порядка на нынешних правилах приведет к дальнейшему росту напряженности. Широкая коалиция для преодоления ревизионистских тенденций и действий по всему миру почти наверняка потерпит неудачу. Роль Европы в сфере безопасности и обороны может профессионально обсуждаться внутри страны, но будет представлена обществу в соответствии с идеологией. Сомнения вызывают решения в сфере глобального миропорядка, сфере изменения климата и многих других вопросов.

Европа, ЕС и США – не три мушкетера, которые решат все вопросы; у них хаос в финансах, нерешенные долговые проблемы, нет собственных достаточных объе-

мов природных ресурсов и полезных ископаемых, необходимых для дальнейшего технологического развития, включая «зеленую» политику. Отсюда необходимость изменения ценностей у элит и политико-экономической системы, чего не сделано в рамках MSC.

Таким образом, высока вероятность того, что Запад продолжит свою агрессивную политику, но с все меньшим и меньшим успехом. Военные действия будут продолжаться и даже усиливаться. Дестабилизация мира продолжится, как и конфликт на Украине, но я верю, что ситуация будет развиваться все больше в пользу России, хотя Россия всегда имела свои внутренние противоречия.

США и некоторые другие западные державы, опасаясь, что они потеряют свою глобальную гегемонию, разработали план по расширению разногласий между странами глобального Юга, чтобы эти страны не смогли достичь общей цели. Поэтому, в том числе специально для целей этого симпозиума, западные державы собираются использовать разногласия между Индией и Китаем, чтобы создать сценарий борьбы между двумя крупными азиатскими соседями за доминирование на глобальном Юге. Этот заговор необходимо разрушить.

Наконец, Индия и Китай должны относиться ко всем странам мира как к равным. Более крупные и богатые страны несут ответственность за помощь бедным и менее развитым странам в их усилиях по удовлетворению чаяний своего народа на достойную и мирную жизнь.

Эта идея нового миропорядка выражена в трех стратегических инициативах Китая: инициативе глобального развития, инициативе глобальной безопасности и инициативе глобальной цивилизации. Китай не рассматривает Запад как врага глобального Юга. Вместо этого он стремится радикально реформировать преобладающие несправедливые, недемократические и способствующие насилию структуры глобального управления. Неудивительно, что «ипохондрики» MSC и ЕС поддержали это предложение.

В феврале 2024 г. один из российских ученых А.В.Коротаев, представитель теории нелинейной социальной эволюции и один из основоположников клиодинамики, заявил, что мы живем вокруг точки сингулярности. По его мнению, эволюция планеты в том виде, в каком она была с момента ее образования 4 млрд лет назад, не может продолжаться таким образом. Согласно опубликованной математической модели, в точке сингулярности кривая уходит в бесконечность, а это означает, что какой-то очень старый тренд должен смениться совершенно новым. Однако пока не ясно, какой именно. Так что вполне логично ожидать кардинальных перемен в 2024 г.

Нужно приветствовать, если западные страны решат сотрудничать с Индией, Китаем, Россией и другими развивающимися странами на принципах равенства и равной ответственности. Фактически XXI в. ставит все страны перед необходимостью стереть разногласия между Востоком и Западом, Югом и Севером и объединить все народы мира в одну гармоничную семью. Это действительно главная цель построения сообщества с единой судьбой человечества.

Украинский конфликт (Г.Густенау)

Анализ общественного дискурса о войне на Украине в Западной Европе показывает, что отсутствует стратегический подход к этому вопросу и что по этому поводу ведутся политико-идеологические споры. Что это значит? В основе позиций, спорящих о России и Украине, лежат «основанные на ценностях», или нормативные, идеи, в то же время игнорируются объективные геостратегические рамочные условия. Это произошло из-за растущего отчуждения между Европой и Россией за последние 25 лет. Как накануне, так и во время вооруженного конфликта на Украине, игроки на Западе по большей части не действовали стратегически.

Что я подразумеваю под способностью или неспособностью действовать стратегически? Я приведу несколько примеров.

Первой предпосылкой стратегических действий должна быть принятая всеми идея будущей глобальной стратегической структуры: на экспертном уровне очевидно, что западные либеральные идеи миропорядка утратили свое значение, но западные политики и ведущие средства массовой информации по-прежнему полагают, что западные ценности являются основой международного порядка.

Однако, если нет реалистичного представления о формирующемся международном порядке, невозможно определить устойчивую роль в нем Европы, а следовательно, и выстроить отношения между Европой и другими державами. Это также делает невозможным определение четких стратегических целей в отношениях с Россией и с Украиной. Так было, например, на саммите НАТО в 2008 г., когда Запад поддержал перспективу членства в НАТО для Украины и Грузии и в то же время воспрепятствовал этому.

В отсутствие реалистичной стратегии в отношении России Запад игнорировал стратегические интересы России, с одной стороны, и недооценивал готовность России в конечном итоге бороться за эти интересы, с другой. Вслед за эскалацией конфликта на Украине Запад сформулировал во многом нереалистичные военные цели и поэтому также разделяет ответственность за продолжение войны. Как теперь становится ясно, у Запада нет стратегии выхода на случай, если Украина не сможет достичь своих военных целей. Неспособность найти стратегию выхода связана также с тем, что Запад понятия не имеет, как сформировать евразийский миропорядок, соответствующий новым глобальным стратегическим реалиям. Это определяет вопрос о том, в интересах ли Западной Европы пойти на длительную конфронтацию с Россией.

Неспособность Западной Европы признать, что она изолировала себя своей позицией в украинском конфликте, также является фатальной. В этих условиях нарративы становились все более противоречивыми и точки зрения бескомпромиссными. Альтернативы продолжению вооруженного конфликта, похоже, нет.

Я выступаю за подход, который исследует альтернативные варианты отношений Западной Европы с Россией. Распространенное мнение о том, что ближайшие десятилетия будут характеризоваться конфронтационными отношениями с Россией, является только одним из вариантов, который при этом во многом невыгоден как для Западной Европы, так и для России.

Альтернативные подходы могут быть разработаны на двух уровнях:

Во-первых, это предложения по вариантам сворачивания СВО с целью прекращения огня. Речь идет об оценке текущих военных стратегий участников конфликта и возможности прекращения боевых действий как основы для дальнейших переговоров.

Во-вторых, что, на мой взгляд, гораздо важнее, это исследование альтернативных моделей формирования отношений между Западной Европой, Украиной и Россией в ближайшие десятилетия. Другими словами, планирование на послевоенное время.

Естественно, существует связь между этими двумя уровнями: чем раньше Запад, Россия и Украина выработают общие идеи о миропорядке, тем скорее станет возможным убедительное окончание войны.

Конечно, это работает и в обратную сторону: военный конфликт может затянуться надолго. В конце концов, истощение обеих сторон или неспособность одной стороны добиться решающей победы приведут к прекращению огня. В настоящее время это наиболее вероятное развитие событий, но последствия для Евразийского континента будут разрушительными.

Как же будут выглядеть альтернативные подходы? Задача состоит в том, чтобы совместными усилиями экспертов всех вовлеченных сторон разработать стратегические варианты создания нового миропорядка. В настоящее время подобных усилий не наблюдается. Принципиально важно следующее: в таком проекте должны участвовать эксперты из Западной Европы, Украины, России и США. Это единственный способ выработать общие идеи и стратегии.

Но что такое стратегии не в обычном смысле этого слова, а в понимании, что они должны быть «настоящими» стратегиями? Стратегии обеспечивают руководство для действий в будущем и/или для формирования будущего; они оказывают влияние на будущее и достигают устойчивого эффекта только там. Такие стратегии не являются пустыми действиями для преодоления проблем настоящего.

Если стратегии основаны на предположениях о будущем, мы должны сначала знать, как может выглядеть будущее, которое мы хотим сформировать или в котором мы хотим достичь наших целей. Сценарии будущего необходимо разработать, чтобы создать общее понимание возможных альтернативных вариантов будущего: например, по теме Евразии в глобальном контексте в 2040 г.

Сценарии будущего формируются из различных мыслимых конструкторов решающих переменных, так называемых ключевых факторов, потому что кто может сказать, как эти так называемые ключевые факторы будут вести себя через десять лет и далее? Вот несколько вопросов для открытых разработок в этой сфере:

- Каковы итоги войны на Украине и как будет выглядеть государство Украина?
- Государственная и политическая ориентация основных игроков США, ЕС, России, Китая: насколько стабильны эти игроки внутри страны и каков их потенциал и желание проецировать силу?
- Глобальное стратегическое созвездие государств: какую модель миропорядка можно ожидать? Биполярность, пентархия, как предполагает Герфрид Мюнклер,

многополярность (состоящая более чем из пяти элементов) или анархизм? Что означает пентархия для Евразии, в частности, отношений между Западной Европой и Россией? Основаны ли они на сотрудничестве или это случай сосуществования, основанного на минимальных правилах при получении экономических выгод или отказе от них? Ожидаем ли мы перманентное конфронтационное разделение и (при необходимости) войну?

- Актуальны ли либеральные западные идеи о порядке в мире?
- Каково значение энергетического перехода, особенно в Европе?
- После создания сценариев следует проанализировать то, как могут развиваться эти варианты будущего. Наконец, следует проанализировать возможности и риски, которые могут возникнуть при реализации этих сценариев для различных игровых.
- Есть ли у заинтересованных сторон общие интересы или существует сценарий будущего, который имеет для всех больше преимуществ, чем недостатков, а каких сценариев следует избегать в любом случае?
- Какие шаги необходимо вместе предпринять, чтобы реализовать наиболее привлекательный сценарий, и какие усилия необходимо приложить, чтобы избежать негативного пути развития?

Эти шаги следует предпринимать уже сейчас, не дожидаясь окончания СВО, так как ситуация может стать еще более сложной, если решения о развитии конфликта будут оставлены только на усмотрение американо-украинского штаба в Висбадене.

Если позволить этому случиться, то произойдет следующее:

- стороны продолжают упорствовать в своих субъективных, совершенно непримиримых нарративах и дальше будут действовать без учета стратегии европейского миропорядка. Между Западом и Россией сохранится длительная вражда;
- продолжение вооруженного конфликта или в конечном итоге постоянный замороженный конфликт станет неизбежным;
- возрастут затраты, особенно для Западной Европы;
- произойдет разрушение Украины.

Требование скорейшего прекращения войны в настоящее время нереально, а невыработка альтернативных вариантов развития ситуации является безответственным решением, по крайней мере на экспертном уровне. В этой связи предлагается создать группу экспертов из Западной Европы, США, Украины и России с целью совместной оценки сценариев и воздействия на заинтересованные стороны; поиска желаемого будущего и разработки сценариев будущего Евразии в контексте формирующегося нового миропорядка. Реалистичность этого предложения состоит в следующем:

- рамочные условия решения проблемы, конечно, плохие, но потребность в решении вопроса очень срочная;
- результатом станет не только «продукт» в смысле совместного анализа будущего и оценки вариантов стратегии, не менее важным является установление обмена мнениями между экспертами всех заинтересованных сторон.

Обсуждение результатов

Анализ мнений, представленных в данной статье, анализ мнений других участников симпозиума и дискуссий, позволяет сделать ряд обобщающих суждений.

Наиболее рациональным считается приверженность принципам многополярного мира, свободы, справедливости, информационной объективности, уважительного отношения к другим культурам и конфессиям, недопустимости дискриминации по национальным, расовым или религиозным признакам. В ходе дискуссий участникам симпозиума удалось сформировать относительно консолидированную позицию по следующим вопросам.

В целях недопущения очагов третьей мировой войны необходимо преодолеть биполярную идеологическую конфронтацию политических элит в понимании ценностей будущего мироустройства. Основой мира должны стать справедливость и мораль, что приведет к восстановлению доверия между народами и государствами. Необходимо добросовестное, ответственное соблюдение принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами. Недопустима подмена международного права ситуативными правилами игры с нелегитимными арбитрами.

Недопустима изоляция отдельных стран от участия в работе международных диалогов. Согласно принципу ООН, государства обязаны, независимо от различий в их политических, экономических и социальных системах, сотрудничать друг с другом в различных областях международных отношений с целью поддержания мира и безопасности, содействия международной экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов и международному сотрудничеству, свободному от дискриминации.

В целях обеспечения региональной безопасности, предотвращения гибели людей, восстановления диалога и экономических связей участники симпозиума считают, что НАТО и западные страны должны приостановить поставку вооружений на Украину, принять предложения России, начать мирные переговоры с участием России и подписать мирный договор.

Участники симпозиума выразили свою поддержку народам Палестины и Нагорного Карабаха и обратились к международным институтам и правительствам стран с требованием действовать в правовом поле, остановить геноцид народов, защитить права и законные интересы граждан и обеспечить условия для добровольного возвращения народа к постоянным местам жительства, бережное и ответственное отношение к христианским святыням.

Особо важным стало обсуждение роли экспертного сообщества в международных процессах. Было предложено проводить открытую, честную, неполитизированную, научно обоснованную экспертную оценку международной ситуации и ситуации в регионах мира. В настоящее время требуется консолидация усилий по международному гуманитарному сотрудничеству, развитию общественной дипломатии и куль-

турных обменов с участием европейских, российских, ближневосточных и иных зарубежных и международных научных и неправительственных организаций.

Отмечая успешный исторический опыт Братиславы в организации мирных переговоров и заключении мирных соглашений, было предложено вернуть Братиславе статус Города Мира, создать условия для организации в Братиславе многосторонних диалогов и продолжения международных симпозиумов экспертов, ученых, представителей власти и общественности с миротворческой миссией.

Выводы

Участники симпозиума в ходе открытой дискуссии обсудили актуальные международные отношения европейских стран, России, стран Ближнего Востока и Южного Кавказа, проанализировали причины, ход палестино-израильского конфликта, армяно-азербайджанского конфликта, украинского конфликта и возможные их последствия для стран Европы и глобального мироустройства.

Материалы симпозиума, опубликованные в данной статье, убедительно показывают разнообразие точек зрения на отношения России и Запада. Практически все участники выразили обеспокоенность неспособностью международных институтов урегулировать конфронтации, обеспечить мир и безопасность. Как следствие, необходим диалог на основе принципов многополярного мира, свободы, справедливости, информационной объективности, уважительного отношения к другим культурам и конфессиям, недопустимости дискриминации по национальным, расовым или религиозным признакам.

Список литературы

- Atanesyan A.V., Reynolds B.M., Mkrtichyan A.E. Balancing between Russia and the West: the hard security choice of Armenia // European Security. 2023, 33(1):1-23. <https://doi.org/10.1080/09662839.2023.2258528>. [In English]
- Christian Reus-Smit, Ayşe Zarakol. Polymorphic justice and the crisis of international order // International Affairs. 2023. Vol. 99(1). P. 1–22. <https://doi.org/10.1093/ia/iia232>. [In English]
- Casey Justin S., Dolan Lucas, Ideological Topography in World Politics: A Guide to the End of the Unipolar-Homogeneous Moment // International Studies Quarterly. 2023. Vol. 67(1). <https://doi.org/10.1093/isq/sqad011>. [In English]
- Liu Z., Shu M. The Russia-Ukraine conflict and the changing geopolitical landscape in the Middle East // China Int. Strategy Rev. 2023. Vol. 5. P. 99–112. <https://doi.org/10.1007/s42533-023-00134-5>. [In English]
- Mansbach R.W., Ferguson Y.H. The Return of Geopolitics and Declining U.S. Hegemony // Populism and Globalization. Palgrave Macmillan, Cham. 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-72033-9_3. [In English]
- Neset S. et al. Changing geopolitics of the South Caucasus after the second Karabakh War. prospect for regional cooperation and/or rivalry. CMI. 2023 [Available from]: <https://www.cmi.no/publications/8911-changing-geopolitics-of-the-south-caucasus-after-the-second-karabakh-war>. [In English]
- Russia in the South Caucasus: Losing, adapting, overcoming. Sceeus. 2024 [Available from]: <https://sceeus.se/en/publications/russia-in-the-south-caucasus-losing-adapting-overcoming/>. [In English]
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Constructing National Values: The Nationally Distinctive Turn in

Russian IR Theory and Foreign Policy. Foreign Policy Analysis. 2021. <https://doi.org/10.1093/fpa/orab022/>. [In English]

Информация об авторах

КЭМПАБЕЛЛ Ян. Аналитик Института левых партий «Прага» и «Pharus de Victoria» («Маяк победы»). <https://orcid.org/0000-0002-8230-2824>. Адрес: Чехия, 110 00, Прага-Новый город, Политицких Везню, 1531/9. jancam@jancam.eu, 211146@mail.ru
ГУСТЕНАУ Густав. Независимый эксперт-аналитик. Австрия

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 апреля 2024 г. Принята к публикации: 22 апреля 2024 г. Опубликована: 15 мая 2024 г.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Atanesyan A.V., Reynolds B.M., Mkrtichyan A.E. (2023). Balancing between Russia and the West: the hard security choice of Armenia. European Security, 33(1):1-23. <https://doi.org/10.1080/09662839.2023.2258528>. [In English]
- Christian Reus-Smit, Ayşe Zarakol. Polymorphic justice and the crisis of international order, International Affairs, 99 (1), January 2023:1–22. <https://doi.org/10.1093/ia/iia232>. [In English]
- Casey Justin S., Dolan Lucas, Ideological Topography in World Politics: A Guide to the End of the Unipolar-Homogeneous Moment, International Studies Quarterly, 67 (1), March 2023, [sqad011/https://doi.org/10.1093/isq/sqad011](https://doi.org/10.1093/isq/sqad011). [In English]
- Liu Z., Shu M. The Russia-Ukraine conflict and the changing geopolitical landscape in the Middle East. China Int Strategy Rev. 5: 99–112 (2023). <https://doi.org/10.1007/s42533-023-00134-5>. [In English]
- Mansbach R.W., Ferguson Y.H. (2021). The Return of Geopolitics and Declining U.S. Hegemony. In: Populism and Globalization. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-72033-9_3. [In English]
- Neset S. et al. (2023) Changing geopolitics of the South Caucasus after the second Karabakh War. prospect for regional cooperation and/or rivalry, CMI. [Available from]: <https://www.cmi.no/publications/8911-changing-geopolitics-of-the-south-caucasus-after-the-second-karabakh-war>. [In English]
- Russia in the South Caucasus: Losing, adapting, overcoming (2024) Sceeus, [Available from]: <https://sceeus.se/en/publications/russia-in-the-south-caucasus-losing-adapting-overcoming/>. [In English]
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2021) Constructing National Values: The Nationally Distinctive Turn in Russian IR Theory and Foreign Policy. Foreign Policy Analysis. <https://doi.org/10.1093/fpa/orab022/>. [In English]

About the authors

Jan CAMPBELL. Analyst at the Institute of Left-Wing Parties Prague and Pharos de Victoria (Lighthouse of Victory). <https://orcid.org/0000-0002-8230-2824>. Address: 1531/9, Political prisoners, Prague-New Town, 11000, Czech Republic. jancam@jancam.eu, 211146@mail.ru
Gustav GUSTENAU. Independent Expert Analyst, Austria

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: April 15, 2024 Approved after review: April 20, 2024 Accepted for publication: April 22, 2024 Published: May 15, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 341.232.7

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-39-51](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51)

Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития

Олег Геннадьевич Карпович ✉

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
iskran@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-9516-3678>

Аннотация. Статья содержит рассуждения автора о трансформации традиционных духовно-нравственных ценностей в актуальном международном контексте. Автор сравнивает российский и западный подходы и аргументирует глобальное лидерство России в деле сохранения общечеловеческих, духовно-нравственных ценностей. По мнению автора, в настоящее время все более наглядно проявляется агрессивное наступление сторонников постмодерна на религию, семью, брак, школу, умышленное глумление над святынями и провоцирование конфликтов. Россия за многовековую историю пришла к нынешней государственной национальной политике, стремясь не растворять, а привносить в культуру других народов нечто, что обогащало бы их, не превращая в манкуртов, не помнящих родства. Авторитет России на мировой арене сегодня во многом основывается именно на ее восприятии как защитницы традиционных ценностей. Для подавляющего большинства жителей нашей планеты общими являются ценности справедливости, равенства, крепкой традиционной семьи, ответственности за свою страну, за ее политическое и культурное наследие.

Ключевые слова: традиционные ценности, духовные скрепы, Россия, миропорядок, Запад, глобализация, мораль, принципы

Для цитирования: Карпович О.Г. Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 39-51, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-39-51](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-39-51](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51)

The Role of Russia in Upholding Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Modern World Development

Oleg G. Karpovich ✉

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
iskran@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-9516-3678>

Abstract. The article shows the transformation of traditional spiritual and moral values in the modern international situation. The author compares Russian and Western approaches and proves Russia's global leadership in preserving universal spiritual and moral values. According to the author, currently the aggressive attack of postmodern supporters on religion, family, marriage, school is clearly manifesting itself, mockery of shrines is taking place, and conflicts are being provoked. Russia, through its centuries-old history, came to the current state national policy, striving to bring to other peoples what enriched them, and not turn them into mankurts who do not remember kinship. Russia's authority on the world stage today is largely based precisely on the fact that it is perceived as a defender of traditional values. For the vast majority of the inhabitants of our planet, the common values are justice, equality, a strong traditional family, responsibility for their country, for its political and cultural heritage.

Keywords: traditional values, spiritual bonds, Russia, world order, the West, globalization, morality, principles

For citation: Karpovich O.G. The Role of Russia in Upholding Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Modern World Development. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 2(12): 39-51, [doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-39-51](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51)

Введение

Современный мир находится на переломе эпох. Речь идет не только о закате однополярной системы, на смену которой должна прийти более справедливая многополярность. Все более очевидно, что большую роль в конфликте между этими моделями имеют ценности, и это противоречие не между демократией и авторитаризмом, но между интересами группы государств, претендующих на глобальное доминирование, и интересами всех народов мира.

Прежние практики Запада во многом сохранились и сегодня, в том числе в форме ассимиляции – попытках «растворения» миллионов мигрантов из других культур

и рас в общем «плавильном котле» или в рамках разного рода моделей «мультикультурализма».

Однако речь идет не только о растворении национальной, культурной, религиозной идентичности «чужаков», но и о посягательстве на индивидуальность личности. То есть, по сути, о взломе ее культурного и ценностного кода через навязывание неких постулатов под видом «общечеловеческих» и «прогрессивных».

Президент Российской Федерации В.В.Путин в своем историческом обращении 24 февраля 2022 года дал бескомпромиссную оценку действиям коллективного Запада: «До последнего времени не прекращались попытки... разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас, наш народ изнутри, те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противостоят самой природе человека».

Материалы и методы исследования

При подготовке статьи были проанализированы государственные стратегические документы, нормативные правовые акты, материалы решений органов власти Российской Федерации, США, ЕС, ряда балканских стран относительно традиционных, духовно-нравственных ценностей и положения семьи, а также результаты социологических опросов населения. В статье сравниваются консервативный и неоконсервативный подходы к пониманию ценностей. В ходе исследования применялся комплекс методов: анализ и синтез, индукция и дедукция, экстраполяция, сравнительный анализ.

Результаты исследования

Духовно-нравственные ценности являлись одной из основ развития российской государственности на протяжении всей истории нашей страны. Проблематика формирования, отстаивания и продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей – как на внутривнутриполитическом треке, так и в рамках международных отношений – в настоящее время является одним из актуальнейших вопросов политической повестки.

На сегодняшний день можно констатировать системный кризис, противоречие между традиционными цивилизационными ценностями и ценностями неолиберального, глобализирующегося мира, в основе которого лежит противоречие между двумя типами цивилизационного развития: секулярно-гуманистическим и религиозно-традиционалистским.

Говоря об идейном наполнении концепта «традиционные ценности», мы можем отметить, что в широком смысле традиционные ценности – это определенный

набор принципов и норм, пришедших из глубины веков, формирующих некую «правильную» форму общественного поведения и взаимодействия, где, по мнению Э.Канта, «мораль определяет волю»¹. Так, в правоведении считается, что одним из источников права является традиция, которая в данном случае и выступает своего рода регулятором общественных отношений. В более узком смысле традиционные ценности – это также набор тех же принципов и норм, но уникальных для каждого государства и определяемых через влияние идеологии, культуры, религии, политического режима и т.д.

В настоящее время под «традиционными ценностями», как правило, понимают своего рода матрицу, где сочетаются человеческое достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений. Именно такое определение мы можем наблюдать в проекте «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Исторически защита традиционных ценностей рассматривалась Россией как инструмент продвижения и защиты своих интересов в международных отношениях, что в том числе выражалось в защите интересов и прав православных христиан во всем мире, где после падения Византии именно Московское царство (а позже – Российская империя) позиционировало себя главным защитником традиционных ценностей христианства. Идея защиты славянских народов в Европе, православных христиан в духе «братской помощи» находила свое отражение в конкретных исторических событиях.

Рассматривая исторические нарративы традиционных ценностей в России, мы говорим о естественном процессе их формирования в рамках сложившейся культурно-политической общности, объединяющей множество различных народов разного вероисповедания. Семья, наряду с самоограничением и патриотизмом, была одной из основ уклада жизни общества, как и таинство брака как союза мужчины и женщины, духовная жизнь семьи, выраженная в регулярном посещении религиозных сооружений, соблюдении религиозных обрядов, почитании Бога, заповедей и старших. Следует отметить, что во всех религиозно-культурных традициях семья, деторождение, воспитание молодого поколения были одним из основополагающих концептов, вокруг которых формировались ценности и взаимоотношения членов общества независимо от социальной организации. На протяжении всей российской истории именно духовно-нравственные ценности были прочным фундаментом Российского государства.

1 Соловьев Э.Ю. Критика практического разума // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С.Степин, заместители предс.: А.А.Гусейнов, Г.Ю.Семигин, уч. секр. А.П.Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.

2 Стратегия 24. URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/osnovy-gosudarstvennoy-politiki-posokhraneniyu-i-ukrepleniyu-traditsionnykh-rossiyskikh-dukhovnonravstvennykh-tsennostey>.

Советская политическая система, на определенное время исключившая религию из концепта традиционных ценностей, тем не менее в эпоху «зрелого СССР» также сформировала определенные нарративы ценностей «советского человека», на которые оказали влияние идеология противопоставления западному миру в контексте борьбы с колониализмом, расовой сегрегацией, преимуществами социалистической системы в целом, как более прогрессивной. При этом в ее основе лежали все те же классические постулаты о патриотизме, служении отечеству, справедливости, равенстве, коллективизме, гуманизме и др. Можно сказать, что система традиционных советских ценностей стала одним из инструментов внешнеполитической идеологии.

Впервые в российском политическом дискурсе именно на государственном уровне категория «традиционные ценности» прозвучала в 2012 г. в рамках программной статьи В.В.Путина «Россия – национальный вопрос», в которой были очерчены ценности, являющиеся «общими для всех традиционных религий России» [4].

Идеологически близкие российским традиционным ценностям консервативные идеи стран христианского (католического) Запада в настоящее время имеют тенденцию к вымарыванию из общественно-политического дискурса, признаваясь маргинальными и не соответствующими «прогрессивной» неолиберальной повестке.

Это позволяет использовать концепт традиционных ценностей как инструмент «мягкой силы» в целях налаживания конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества с консервативными, прагматично настроенными политическими силами и политиками Запада, отстаивающими национальные интересы своих стран в борьбе с идеологическим и политическим глобализмом, однополярным миром, отрицающим национальные интересы и политический суверенитет государства, что может стать эффективным механизмом противодействия попыткам претворения в жизнь идей о международной изоляции нашей страны.

В современном мире так называемый «коллективный Запад» рассматривает традиционные ценности через секулярно-гуманистический подход к цивилизационному развитию, в рамках которого они придаются забвению наряду с традиционным обществом и государством. При этом с целью ускоренного размывания понятия о половой принадлежности, ценностей семьи и брака реализуются программы продвижения прав ЛГБТ^{3*}, распространения идей радикального феминизма.

Так, под эгидой администрации президента США Б.Обамы, а позже и Д.Байдена, были приняты акты, направленные на защиту и продвижение прав и интересов сексуальных меньшинств по всему миру⁴. В Германии концепция продвижения ЛГБТ-сообщества^{5*} также становится одним из концептуальных направлений внешней политики. При этом несогласные с таким подходом граждане, ученые, журналисты, артисты, религиозные и общественные деятели и политики подвергаются ко-

3 * Запрещены в Российской Федерации, 18+.

4 Обама объявил защиту прав сексуальных меньшинств приоритетом внешней политики США. URL: <https://www.interfax.ru/russia/220625>.

5 * Запрещены в Российской Федерации, 18+.

лоссальному давлению и дискриминации, в некоторых случаях доходящими до так называемой «культуры отмены» [2].

С другой стороны выступает Россия, рассматривающая традиционные ценности как один из основополагающих маркеров цивилизационной и национальной идентичности. Современная Россия является одним из немногих государств, где нарративы традиционных ценностей находят свое отражение в нормативных правовых актах, в том числе высшего порядка – Конституции.

Если в западном мире мы можем наблюдать процесс вымарывания традиционных ценностей не только из общественного сознания, но и различных документов, то в России прослеживается обратная тенденция, которая наиболее отчетливо заметна на примере принятых поправок в Конституцию Российской Федерации.

Так, в главный закон страны были включены дефиниции, закрепляющие институт брака как союза мужчины и женщины, сохранение наследия и идеалов предков, исторически сложившееся государственное единство и веру в Бога. Принятые в рамках соответствующих поправок в Конституцию нормы отражают базовые ценности традиционалистского подхода, основаны на исторически сложившихся морально-нравственных началах и отражают базовые ценности абсолютного большинства российского общества. Можно с уверенностью констатировать, что тематика, связанная с поддержкой традиционной семьи, духовности, материнства, отцовства, все глубже проникает в политический дискурс современной России.

Кроме того, российское правовое поле располагает актами, запрещающими пропаганду нетрадиционной сексуальной ориентации среди несовершеннолетних и распространение соответствующей информации, а ряд международных договоров и конвенций, регулирующих правовое положение ЛГБТ-сообщества^{6*}, Российской Федерацией не подписаны и не ратифицированы.

Многообразие документов, в той или иной степени затрагивающих понятие «традиционные ценности», говорит о концептуальном понимании необходимости проведения системной работы, деятельности соответствующих органов власти и институтов гражданского общества, направленной на формирование соответствующей воспитательной, образовательной и в целом культурной политики в стране.

Несмотря на достаточно выраженную тенденцию, о которой мы говорили выше, ряд акторов внутриполитического спектра, в первую очередь так называемые представители «несистемной оппозиции», лица, выполняющие функции иностранных агентов, занимают откровенно прозападную позицию, формируемую внешними кураторами, и продолжают акцентировать внимание на необходимости продвижения идей духовной секуляризации, дискредитации традиционных религиозных конфессий, выраженных в продвижении ЛГБТ-ценностей*, смены социокультурного стереотипа поведения, гендерного многообразия, идей радикального феминизма, секс-просвета, легализации проституции, популяризации аборт, развитии культа потребления, позиционируя это в виде некоего паттерна прогрессивных европейских ценностей.

При этом отстаивание Россией традиционных ценностей – как во внешней политике, так и внутри страны – позиционируется такими акторами как архаичный рудимент, откат к тоталитарному прошлому (или проводятся аналогии с политическими режимами ряда арабских государств)⁷.

Осознавая, что такие идеи напрямую не находят понимания и поддержки в российском обществе, о чем говорят различные социологические исследования (например, «Отношение россиян к ЛГБТ»^{8*}, АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР»^{9**}), агенты западного влияния, среди которых присутствуют не только политики, но и отдельные деятели культуры, искусства, общественники, видеоблогеры, используют инструментарий «мягкой силы», продвигая подобную повестку через массовую культуру, сферу образования и псевдонаучные исследования.

Таким образом, происходит латентное идеологическое и психологическое воздействие на умы российской молодежи и всего общества в целом, заключающееся в насаждении исторически чуждых поведенческих стереотипов отрицания государственного патриотизма, служения Отечеству, продолжения рода, эгоизма, безнравственности и вседозволенности. Такую деятельность, направленную на подмену нравственных ориентиров в российском обществе, в первую очередь в молодежной среде, следует рассматривать как одну из основных угроз государственной и общественной безопасности.

Осознавая данные риски в контексте демографической ситуации в современной России с ее откровенно невысоким уровнем рождаемости, на разных площадках и круглых столах политики и общественные деятели требуют запретить пропаганду не только нетрадиционной сексуальной ориентации, но и аборт, движения «чайлд-фри» и другого поведения, влияющего на сознание подрастающего поколения и в конечном итоге на рождаемость.

В этой связи представляется очевидным выработка механизмов противодействия вымарыванию традиционных духовно-нравственных ценностей в российском обществе, в первую очередь в молодежной среде. Ведь попустительское отношение к данной проблеме неминуемо ведет к ослаблению единства многонационального народа Российской Федерации, а значит – ослаблению российской государственности.

Беспрецедентное международное давление, которому подвергается Российская Федерация, а также идеологемы специальной военной операции на Украине, основанные на таких ценностях, как служение Отечеству, патриотизм, взаимопомощь, справедливость, актуализировали общественный дискурс вокруг ценностей, относящихся к государственному патриотизму. Это требует выработки стратегии продвижения духовно-нравственных ценностей и ориентиров во внешней политике, кото-

7 Царьград. Проект Минкультуры разбередил пятую колонну. URL: https://tsargrad.tv/articles/proekt-minkultury-razberedil-pjatuju-kolonnu_486969.

8 *Запрещены в Российской Федерации, 18+.

9 **Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

рые будут способствовать формированию нового, справедливого мироустройства, разрешению споров и предупреждению конфликтов.

В современных условиях развития международных политических процессов религиозно-традиционалистский подход, базирующийся на традиционных духовно-нравственных ценностях, который в настоящее время характерен и для России, и для российского общества, способен стать системной детерминантой модернизации и фактором глобального конкурентного преимущества на международной арене.

Отстаивание Россией традиционных ценностей на международной арене стало одним из камней преткновения в международных отношениях между Россией и Западом. Вторая половина XX века характеризуется как время зарождения в Западной Европе идеологического формирования тенденций по дискредитации религии, в первую очередь христианства, как базиса традиционного государства и традиционной семьи. Именно этот временной промежуток связывают с возникновением теории о перенаселении Земли и необходимостью регулирования количественных показателей народонаселения в мире. Также существенное развитие получают идеи политического глобализма, связанные с ограничением национальных государственных интересов, государственного суверенитета, передачей части государственных функций и полномочий в надгосударственные и негосударственные органы в целях принятия консолидированных решений, опирающихся на некие «общие интересы».

В неолиберальном понимании концепта «мировая политика», сформулированном американским ученым-международником Дж.Розенау, главными действующими лицами наряду с государствами становятся многочисленные негосударственные субъекты, вступающие в отношения друг с другом, носящие совершенно иной характер, чем межгосударственные отношения. При этом взаимодействие акторов формируется вне зависимости от государств и находится за пределами контроля его центральных органов¹⁰. Снижение роли институтов государства в политическом управлении, экономической жизни, общественных отношениях является одной из базовых ценностей либерализма.

Известный австрийский философ и экономист Фридрих Август фон Хайек, рассматривая в своих работах функции государства, выдвигал тезисы о необходимости передачи частному сектору целого ряда таких функций [6]. Схожие идеи высказывал также австро-американский экономист, философ и историк Л.фон Мизес, который говорил о необходимости снижения роли государственной собственности в пользу частной собственности как основного принципа «организации жизни человека в обществе» [3]. Р.Ч.Корнуэль, американский либертарианский писатель, разработал концепцию так называемого «третьего сектора», которая базировалась на возможности более эффективной реализации ряда государственных функций негосударственными структурами [5].

В рамках наступления на традиционное государство в западном мире началось наступление и на традиционную семью. В 1952 г. была образована международная

федерация планируемого родительства, которая, декларируя вроде бы безобидные цели планирования семьи и подготовки родителей к деторождению, начала активно продвигать различные механизмы ограничения рождаемости. На уровне государственной политики данные предложения включали в себя сокращение социальных пособий и преференций для многодетных, беременных, молодых матерей, а в обществе продвигались идеи добровольной стерилизации, декриминализации и морального оправдания аборт, а также депатологизации нетрадиционной сексуальной ориентации. Последний аспект представляется наиболее значимым в контексте наступления на традиционные ценности, ведь именно исключение нетрадиционной сексуальной ориентации из списка психических заболеваний и патологий позволило в полной мере развернуть инструментарий ее пропаганды как нормы.

Сегодня мы можем наблюдать реализацию подобного подхода в «прогрессивном» западном мире в контексте депатологизации зоофилии и декриминализации педофилии. Это обусловлено тем, что традиционные европейские консерваторы откровенно сдают свои позиции неолибералам, их партийная идеология становится все более далекой от традиционализма. Как отмечает российский исследователь М.А.Бурда, «в качестве примера можно привести отношение консервативных партий к вопросам легализации однополых браков, миграционной политики, глубины евроинтеграции и т.д., которое принципиально не отличается от идей либерального крыла» [1].

Однако не все европейские политические силы следуют в рамках заданной неолибералами парадигмы ценностей. Проводимая в США и Европейском союзе экспансия на традиционные ценности также не находит безоговорочной поддержки в обществе, что выражается в популяризации ряда политических сил, еще лет десять назад считавшихся маргинальными.

С учетом все еще существующего в западном обществе запроса на традиционные ценности пустующую нишу занимают европейские правые партии, выступающие в настоящее время единственными борцами, отстаивающими традиционные европейские христианские ценности. Также необходимо учитывать и растущее в геометрической прогрессии мусульманское население Европы, также имеющее прочный традиционалистский базис и в связи с этим весьма критически воспринимающее депопуляционную пропаганду.

Еще более широкие группы общества в странах Восточной Европы (Венгрия, Сербия, Польша, Болгария) поддерживают политиков, готовых выступить против уничтожения своего народа в этом «плавильном котле» современной глобальной Европы. Так, Венгрия, Болгария и Польша отказались ратифицировать Стамбульскую конвенцию, которая «учит гендерному многообразию». В Польше более 80 городских советов подписали «Хартию семьи», объявив себя зоной, свободной от ЛГБТ^{11*}.

¹⁰ Розенау Дж.Н. Управление без правительства: Порядок и изменения в мировой политике. URL: http://www.worldpolit.ru/dl/gwg_rus.doc.

¹¹ *Запрещены в Российской Федерации, 18+.

Обсуждение результатов

Мы можем констатировать, что отход от традиционных духовно-нравственных ценностей монотонно расшатывает, казалось бы, незыблемое ранее европейское единство. В подобной ситуации традиционные ценности, еще остающиеся значимыми для христианских государств Южной и Восточной Европы, Балкан, их поддержка становятся элементом конструктивного и взаимовыгодного взаимодействия России и национально ориентированных политических сил европейских государств, противостоящих секулярно-гуманистическому подходу глобализма, ведущего гибридную войну против современной России.

Это, в свою очередь, требует интенсификации российской дипломатической деятельности, в том числе в рамках реализации имеющихся механизмов «мягкой силы» и народной дипломатии. Очевидно, что подогреваемая на Западе антироссийская истерия затрудняет использование формальных каналов взаимодействия с политическими союзниками в странах Запада, однако это лишь актуализирует значимость неформальных каналов.

Выводы

Современная Россия, взявшая на себя роль одного из главных защитников традиционных ценностей и традиционной семьи как их важнейшей составляющей, обладает существенным потенциалом координации соответствующей работы среди всех акторов, разделяющих данный подход.

Как мы говорили выше, современный глобализм выступает не только против традиционного государства, его политической и экономической независимости, но и против традиционной семьи. Именно семья, деторождение являются основой суверенной демографической политики, являющейся одним из ключевых элементов обеспечения национальной безопасности, а значит, и сохранения государственного суверенитета.

Говоря о формально-юридическом аспекте реализации продвижения концепции духовно-нравственных ценностей в международных отношениях, необходимо предпринять следующие шаги.

Во-первых, провести правовой анализ ратифицированных Российской Федерацией международных документов на предмет их соответствия Конституции и денонсировать отдельные положения или документы в целом, если они направлены на продвижение деструктивной повестки сокращения рождаемости, прерывания беременности и пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Во-вторых, инициировать выработку международных документов (соглашений, конвенций) о защите семьи и традиционных ценностей, в том числе и на уровне СНГ, Евразийского экономического союза и Союзного государства России и Белоруссии, а также БРИКС.

В-третьих, инициировать обсуждение и принятие международных документов, защищающих жизнь и права ребенка с момента зачатия, а также оберегающих его от сексуальных посягательств и ЛГБТ-пропаганды^{12*}.

В рамках совершенствования национального законодательства необходимо:

Во-первых, ввести институт аккредитации (лицензирования) деятельности некоммерческих организаций, занимающихся вопросами демографии, миграции, межгендерных отношений, в целях выявления и закрытия организаций, занимающихся деструктивной деятельностью, направленной на противодействие традиционным ценностям.

Во-вторых, на законодательном уровне дополнительно расширять меры социальной и кредитно-финансовой поддержки многодетных семей, молодых родителей, родителей, имеющих двух детей, в том числе в сфере возможностей получения образования на бюджетной основе, дополнительно защитить правовой статус беременной женщины и молодых матери и отца в Трудовом кодексе, увеличить количество ясельных групп в дошкольных учреждениях.

В-третьих, инициировать введение в школьную программу дисциплины «Основы семейной культуры и взаимодействия», опирающейся на традиционных духовно-нравственных ценностях.

В рамках формирования позитивного имиджа традиционной семьи, многодетной семьи и традиционных отношений следует обеспечить:

Во-первых, наличие соответствующего информационного контента в СМИ, культуре, искусстве, рекламных роликах (традиционной семьи – папы, мамы и нескольких разнополых детей).

Во-вторых, проведение тематических общественно-политических форумов, конференций, основной задачей которых будет являться формирование позитивного имиджа современной России как государства, активно продвигающего и защищающего традиционные духовно-нравственные ценности.

Подобные мероприятия могут стать платформой для эффективного противодействия попыткам «коллективного Запада» по изолированию России, а также сотрудничества со всеми политическими силами, разделяющими религиозно-традиционалистский подход, в том числе и в недружественных странах, ориентированными на борьбу с современным политическим глобализмом.

Результатом работы подобных общественно-политических дискуссионных платформ могут стать разного рода декларации, меморандумы, соглашения, конвенции, любые форматы задекларированного международного сотрудничества, способные оказать влияние на продвижение концепции традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях.

12 *Запрещена в Российской Федерации, 18+.

Список источников

1. Бурда М.А. Миграционные процессы в Европе и феномен роста влияния правых политических партий [Migration processes in Europe and the phenomenon of growing influence of right-wing political parties] // PolitBook. 2017. № 4. С. 123.
2. Васильева М.А. Культура отмены в современном обществе [Cancel culture in modern society] // Вести научных достижений. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-otmeny-v-sovremennom-obschestve>.
3. Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции [Background. Liberalism in the classical tradition]; пер. с англ. С.Г. Каменского, Ю.В. Кочетыговой. М.: Начала-Пресс, 1995. 176 с.
4. Путин В.В. Россия: национальный вопрос [Russia: the national question] // Этнодиалоги. 2012. № 1(38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-natsionalnyy-vopros-4>.
5. Cornuel R.C. Reclaiming the American Dream: The Role of Private Individuals and Voluntary Associations (Philanthropy and Society). Transaction Publishers, 1993: 199.
6. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. Routledge, 2012: 584.

Информация об авторе

КАРПОВИЧ Олег Геннадьевич. Доктор юридических наук. Доктор политических наук. Профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Проректор по научной работе, заведующий кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0000-0001-9516-3678/>. Адрес: Российская Федерация, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1. iskran@yahoo.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 18 апреля 2024 г. Принята к публикации: 19 апреля 2024 г. Опубликовано: 15 мая 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Burda M.A. Migration processes in Europe and the phenomenon of growing influence of right-wing political parties. PolitBook. 2017, 4:123. [In Russian]
2. Vasilyeva M.A. Cancel culture in modern society. Vesti nauchny'x dostizhenij [News of scientific achievements]. 2020, 10. [Available from]: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-otmeny-v-sovremennom-obschestve>. [In Russian]
3. Mises L. Background. Liberalism in the classical tradition; trans. from English S.G.Kamensky, Yu.V. Kochetygova. Moscow: Nachala-Press, 1995:176. [In Russian]
4. Putin V.V. Russia: the national question. E'tnodialogi [Ethnodialogues]. 2012, 1(38). [Available from]: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-natsionalnyy-vopros-4>. [In Russian]

5. Cornuel R.C. Reclaiming the American Dream: The Role of Private Individuals and Voluntary Associations (Philanthropy and Society). Transaction Publishers, 1993:199. [In English]
6. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. Routledge, 2012:584. [In English]

About the author

Oleg G. KARPOVICH. DSc.(Law). DSc.(Polit.). Professor. Honored Scientist of the Russian Federation. Vice-Rector for Research, Head of the Department of Strategic Communications and Public Administration of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. <https://orcid.org/0000-0001-9516-3678/> Address: 53/2, building 1, Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russian Federation. iskran@yahoo.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 16, 2024. Approved after peer review: April 18, 2024. Accepted for publication: April 19, 2024. Published: May 15, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 2-67

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65)

Политические науки

Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства

Роман Николаевич Лункин^{1a}✉, Сергей Владиславович
Мельник^{2b}✉

¹Институт Европы РАН, Москва, Россия

²ИНИОН РАН, Москва, Россия

^aromanlunkinn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>

^bmelnik.s.vl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1491-7624>

Аннотация. Статья содержит размышления авторов о причинах роста роли религиозного фактора в современных международных отношениях, рисках, связанных с политизацией религий. Делается вывод, что религиозное многообразие и одновременно общность базовых ценностей прямо коррелируют с формирующейся многополярностью современного мира. Отмечается, что на фоне кризиса западного либерального порядка и неолиберальной идеологии религия и ее институты стали символами нового фундаментализма, то есть идеологии, которая призывает вернуться к основам веры и своего исконного мировоззрения, культуры. Отмечается возрастание роли религии как института гражданского общества и необходимость сделать этот институт сильнее, встроить в гражданское общество и систему патриотического воспитания. Представлена классификация типов межрелигиозного диалога (полемический, когнитивный, миротворческий, партнерский) и уровней межрелигиозного диалога (высокий, средний, низовой). Определены специфика межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве и особенности постсоветской религиозно-политической идентичности, новое отношение политической власти

к институтам веры – стремление встроить их в социальную структуру общества и в социальную политику. Дана краткая характеристика межрелигиозного диалога в СССР и в постсоветский период. Рассматриваются перспективы развития этноконфессиональных отношений на постсоветском пространстве. Даны рекомендации по развитию межрелигиозного диалога на современном этапе.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, религиозные институты, религиозная идентичность, постсоветское пространство, ценности, идентизм

Для цитирования: Лункин Р.Н., Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 52-65, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65)

Political Sciences

Interreligious Dialogue: the Actual Meaning, Typology and Features of the Post-Soviet Space

Roman N. Lunkin^{1a}✉, Sergey V. Melnik^{2b}✉

¹Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²INION of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^aromanlunkinn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>

^bmelnik.s.vl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1491-7624>

Abstract. The article presents the authors' thoughts on the reasons for the growing role of the religious factor in modern international relations, and the risks associated with the politicization of religions. It is concluded that religious diversity and at the same time the commonality of basic values directly correlate with the emerging multipolarity of the modern world. It is noted that against the backdrop of the crisis of the Western liberal order and neoliberal ideology, religion and its institutions have become symbols of new fundamentalism, that is, an ideology that calls for a return to the foundations of faith and one's worldview and culture. The growing role of religion as an institution of civil society and the need to make this institution stronger, to integrate it into civil society and into the system of patriotic education are noted. A classification of types of interreligious dialogue (polemical, cognitive, peacemaking, partnership) and levels of interreligious dialogue (high, medium, low) is presented. The specifics of interreligious dialogue in the post-Soviet space and the features of post-Soviet religious and political identity, the new attitude of political authorities to the institutions of faith are determined: the desire to integrate them into the social structure of society and into social policy. A brief description of interreligious dialogue in the USSR and in the post-Soviet period is given. The prospects for the development of ethno-confessional relations in the post-Soviet space are considered. Recommendations are given for the development of interreligious dialogue at the present stage.

Keywords: interreligious dialogue, religious institutions, religious identity, post-Soviet space, values, identity

For citation: Lunkin R.N., Melnik S.V. Interreligious Dialogue: the Actual Meaning, Typology and Features of the Post-Soviet Space. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 2(12): 52-65, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65)

Введение

Религиозные институты играют значимую роль в национальной и международной политике, а к лидерам разных церквей, мусульманских, иудейских, буддистских и иных объединений часто обращаются главы государств. Это связано, прежде всего, с тем, что активно идет поиск новых этических оснований современного миропорядка, этики международных отношений. К вере апеллируют как к мощному источнику мотивации, легитимности, ценностей, идентичности, то есть, как это всегда было в истории, в религии ищут поддержку и оправдание своих интересов, политических запросов, инструментов выхода из того или иного кризиса.

Материалы и методы исследования

Статья подготовлена на основе материалов научных докладов российских ученых, представленных на зарубежной сессии «Межрелигиозный диалог ради мира и сотрудничества», проведенной в рамках VIII международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2024. Силы притяжения». Организаторами зарубежной сессии в Минске стали Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК, Россия) и Международное общественное объединение «Христианский образовательный центр им. св. Мефодия и Кирилла».

Авторы статьи использовали методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, исторического анализа.

Вопросы межрелигиозного диалога рассмотрены с позиций системного и институционального подходов.

Материалы и методы исследований подробнее описаны в работах авторов статьи [3–11].

Основные результаты

Религия в многополярном мире: сила веры и ценностей в диалоге цивилизаций (Р.Н.Лункин)

Современный запрос на религиозную этику в международных отношениях и в политике в целом обусловлен объективными причинами. В 2020-е гг. рост влияния религии стал большим контрастом по сравнению с периодом секуляризации, который начался в Новое время и достиг своего пика в конце XX в. В условиях социально-политических и экономических кризисов, формирования новых социальных неравенств [3] в мире к вере стали снова обращаться и за сочувствием, состраданием, и за поддержкой, которая дает мотивацию жить и работать. Религия перестала вос-

приниматься только как источник культуры, традиций и рассуждений о свободе совести, так как оказалась востребована для реализации целей устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности, в области экологии и на рынке труда. Религия рассматривается и как регулятор нравственной парадигмы в обществе [1]. Вызовом для религии является то, что она стала также частью политического конструирования, религиозно мотивированного радикализма и экстремизма.

На фоне кризиса западного либерального порядка и упадка неолиберальной идеологии [12], противостоящей традиционным идентичностям, религия и ее институты стали символами нового фундаментализма, то есть идеологии, которая призывает вернуться к основам веры и своего исконного мировоззрения, культуры. Общины верующих – естественные защитники традиционных ценностей, основ общества, даже несмотря на то, что в рамках христианства и других конфессий есть различные течения и понимания традиции – как ультралиберальные, так и ультраправые, радикальные. Противостояние антитрадиционализма и идентизма (идентистов, как часто называют в Европе сторонников суверенных ценностей и традиции) стало ключевым для понимания тех идейных размежеваний, которые с 2010-х гг. стали возникать практически в каждой стране мира. Реакция традиционных сил показала, что монополия либерального порядка невозможна. Религиозное многообразие и при этом общность базовых ценностей прямо коррелирует с формирующейся многополярностью современного мира, в котором каждый дорожит своим суверенитетом, традицией, культурой, фактически каждый субъект воспринимает себя в качестве цивилизации. Одновременно религиозные институты, сообщества, общины формируют вокруг себя атмосферу социальной солидарности, а не разобщения и/или адаптации к неолиберальным требованиям «новой этики».

Острота ситуации состоит также в том, что мир переживает не просто кризис или кризисы, а переход к новому промышленному укладу, цифровизацию и внедрение новых технологий пока с неясными социальными последствиями.

О преимуществах и вызовах религии говорят особенности постсоветской религиозно-политической идентичности. Прежде всего, религия является символом утраченной традиции и хранителем культуры всего общества, верующих и неверующих граждан. При этом для большинства населения следование религиозным предписаниям не является приоритетом. Религия – это инструмент и орудие национальной политики, стремления создать «свой институт», а секьюритизация религии приводит к контролю религиозной деятельности. Как и во всем мире, происходит процесс социализации религии – естественный процесс превращения ее институтов в один из значимых элементов третьего сектора [14], часть гражданского общества, а не «музей». Для государства важно сделать этот ресурс сильнее реально, а не символически, встроить в лояльное гражданское общество и систему патриотического воспитания. Религия также стала частью политического конструирования в «либеральном» идеологическом лагере, символом сохранения идентичности. Цель неолиберальных ценностей – не уничтожить, а переделать религиозную идентичность.

Религиозные ценности и идентичность являются стержнем мировой политики по созданию многополярного мира. Акцент на межрелигиозном диалоге и продвижении традиционных ценностей сделан в Концепции внешней политики Российской Федерации¹, где, в частности, содержится задача по нейтрализации попыток «навязывания псевдогоманистических и иных неолиберальных идеологических установок, приводящих к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов...» (IV. 18, 9). Идейное основание религиозной безопасности заложено в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². В 2022 г. Президент Беларуси Александр Лукашенко также посвятил часть Послания белорусскому народу и Национальному собранию в 2022 г. ценностному подходу: «Ценностная устойчивость стала основой для согласия. Нам надо строить государство исходя из наших ментальных традиций. Это фарватер государственного развития. Как только отклонимся от него, примерим на себя чужие лекала – свалимся в бездонную пропасть и оттуда никогда не выберемся. В сегодняшнем изменчивом и искусственном мире оказалось, что мы со своим консервативным и традиционным мышлением находимся в гораздо более устойчивой позиции. Главными столпами ценностного фундамента выступают стремление к миру и единству, национально-государственная идентичность, преемственность и баланс культур, гармоничность этноконфессиональных отношений, почитание семьи как союза мужчины и женщины»³.

Некоторые другие примеры активизации религиозной политики показывают новое отношение властей к институтам веры и стремление встроить их в социальную структуру общества и в социальную политику. К примеру, в Узбекистане Закон о религии 2021 г.⁴, принятый при Ш.Мирзиёеве, смягчил многие нормы. Теперь необходимо 50 человек для регистрации религиозного объединения, которую можно пройти и в электронном виде. Это очень важно для общины, которая не имеет права ничего делать без регистрации. На регистрацию общины теперь не надо получать разрешение махалли, это разрешение дает хокимият на уровне области. В новом законе по-прежнему остался запрет на распространение и хранение любой религиозной литературы, которая не прошла экспертизу в Комитете по делам религий. Комитет по делам религий проводит активную религиозную политику на местах и организует встречи в областях религиозных объединений, представителей силовиков, хокиматов, органов юстиции.

1 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru>.

2 Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>.

3 Лукашенко А.Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию. 28 января 2022 г. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvary-obra-titsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu>.

4 О свободе совести и религиозных организациях: закон Республики Узбекистан от 05.07.2021 г. № ЗРУ-699. URL: <https://lex.uz/docs/5491541>.

В Казахстане государство активно поддерживает межрелигиозное общение в рамках разного рода встреч лидеров религиозных общин (Всемирного саммита лидеров), выездов в области, приглашений в храмы и мечети на День духовного согласия, саммиты представителей мировых религий и другие события. В каждом акимате в Отделах внутренней политики есть свои специалисты по религиозным объединениям, которые все фактически являются и сотрудниками Комитета национальной безопасности РК (КНБ). При акиматах есть постоянно действующие клубы религиозных лидеров, куда входят, как правило, мусульмане, православные, католики, адвентисты, пятидесятники, баптисты, последователи Ахмадии.

В Армении наибольшим влиянием обладает Армянская апостольская церковь (ААЦ), и именно с этой исторической церковью страны государство и политики выстраивают отношения. ААЦ для общества – это и путь к спасению, и путь к сплочению нации, и любовь к Родине. Характерна деятельность Армянского межцерковного благотворительного «Круглого стола» Всемирного совета церквей⁵. Это помощь общинам и их прогресс в разных сферах – социальной, экологической, духовной. Представители организации советуются в какой-либо деревне со священником, какие есть нужды и проблемы с дорогами или питьевой водой. На гранты Минсоцобеспечения республики (которые даются на развитие местных территорий) и западных фондов организуются инфраструктурные проекты в деревнях и поселках (40% – за счет местных сил, 60% – за счет Межцерковного круглого стола), строятся школы, дороги, проводится водопровод. Во главе проектов обычно стоит местный священник, и для духовенства и других партнеров проекта есть специальная учебная программа, в рамках которой проводятся фокус-группы, где говорится о том, как правильно сделать оценку той или иной проблемы и затем ее решать.

Примером формирования солидарного общества является деятельность митрополита Филарета (Вахrameева), патриаршего экзарха Беларуси, на протяжении более чем трех десятилетий. В рамках служения митрополита Филарета можно выделить три направления, которые характеризуют его как общественного и религиозного деятеля со стратегическим мышлением и отражают ту роль, которую религиозные деятели играют в современном обществе в разных странах мира. Во-первых, митрополит Филарет был строителем национальной белорусской церкви, уже с 1978 г. он возглавил Минскую и Белорусскую митрополию, затем экзархат. В самый сложный период восстановления церковной жизни он определил основные тенденции ее развития: возвращение утраченного, строительство храмов, налаживание отношений с обществом. Во-вторых, при активном участии митрополита Филарета была создана стратегия государственно-конфессиональных отношений, реальный вклад церковь внесла в разработку Закона о свободе совести и о религиозных объединениях⁶, где была отмечена роль православной церкви и ряда других конфессий в качестве тради-

5 Армянский межцерковный благотворительный «Круглый стол» Всемирного совета церквей. URL: <https://www.roundtable-act.am/>.

6 Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII (с изм. и доп.). URL: https://krichiev.gov.by/downloads/social/o_svobode.pdf.

ционных и исторически укорененных в республике. Кроме того, в 2003 г. был заключен своего рода «конкордат» церкви и государства, соглашение о сотрудничестве, чего нет, к примеру, во многих государствах постсоветского пространства. В-третьих, чрезвычайно значимым не только для церковного сообщества, но и для страны в целом митрополит Филарет считал межкультурное и межрелигиозное сотрудничество, те коммуникационные связи, которые могут появиться только в ходе общения между народами и религиозными лидерами. С 1981 по 1989 г. митрополит Филарет возглавлял Отдел внешних церковных сношений Русской православной церкви и на излете советской эпохи не только поднимал значимые темы миротворчества, но и принимал участие в форумах, объединяющих широкий круг разных религий и конфессий как в России, так и в Беларуси. Диалог культур и религий играет большую роль для будущего гармоничного развития общества и выстраивания государственной политики.

Межрелигиозный диалог на постсоветском пространстве: опыт, специфика, перспективы развития (С.В.Мельник)

Чем обуславливается и в чем заключается специфика межрелигиозного диалога в странах бывшего СССР и, соответственно, каковы, исходя из этого, могут быть перспективы развития этноконфессиональных отношений в нашем регионе?

Во-первых, это вопрос о формах межрелигиозных отношений. Межрелигиозный диалог является очень сложным, многоаспектным феноменом. Существуют его разные стратегии [2]. Нами разработана классификация межрелигиозного диалога [9], в соответствии с которой предлагается различать четыре основных типа диалога: «полемический», «когнитивный», «миротворческий» и «партнерский». С этими типами диалога можно условно сопоставить центральные вопросы, вокруг которых выстраиваются отношения: «кто прав?» (споры об истинности и превосходстве религий), «кто ты?» (изучение другого), «как нам мирно жить вместе?» (забота об укреплении гармоничных отношений, разрешение конфликтов) и «что мы можем сделать для улучшения мира?» (совместная деятельность в сферах, представляющих общий интерес). В каждом из указанных типов диалога можно выделить разные виды. Но все существующие формы межрелигиозного диалога можно отнести к одному из перечисленных типов.

В контексте полемического и когнитивного типов диалога речь идет о сравнении религий как мировоззренческих систем. В миротворческом же и партнерском типах диалога мы уже говорим о взаимодействии религий как социальных институтов, об обеспечении их гармоничного сосуществования и совместной деятельности. То есть здесь мы видим разную логику понимания межрелигиозного диалога – либо как сопоставления представлений разных религий (богословских, аксиологических, связанных с религиозным опытом и духовной практикой и проч. в рамках полемического и когнитивного диалога), либо как инструмента поддержания мира и согласия между верующими людьми, носителями разных религиозных мировоззрений (ми-

ротворческий и партнерский диалог). Наиболее распространенное, магистральное направление развития межрелигиозного диалога, в котором участвуют официальные представители религиозных организаций, выражается во втором из указанных аспектов, то есть в миротворческом и партнерском типах диалога.

Во-вторых, это опыт реализации межрелигиозного диалога в СССР. Говоря о межрелигиозном диалоге, полезно выделять три уровня, на которых он может реализовываться: «высокий» (религиозные лидеры [13], официальные представители религиозных общин высокого уровня), «средний» (ученые, эксперты) и «низовой» (рядовые верующие, молодежь, инициативы активистов). Как известно, в Советском Союзе господствовала атеистическая идеология. Деятельность религиозных организаций подвергалась контролю, а религиозные общины находились фактически в состоянии выживания. В этой связи о каком-то системном, активном межрелигиозном диалоге «на низовом» уровне говорить вовсе не приходится.

То же самое можно сказать и о «среднем уровне» ученых. Если на Западе в течение XX в. межрелигиозный диалог развивался свободно, а различные связанные с ним проблемы получили разностороннее и глубокое осмысление, то мы были как бы в стороне от этого процесса, выключены из него. То есть исследованию проблем диалога религий – теологическому, религиоведческому, философскому, культурологическому – внимания в Советском Союзе почти не уделялось.

Единственная область, в которой межрелигиозный диалог относительно интенсивно осуществлялся в СССР, – это высокий уровень религиозных лидеров. В Советском Союзе был проведен ряд крупных, в том числе международных, межрелигиозных форумов. Деятельность религиозных общин координировалась и контролировалась государством, то же самое, очевидно, относится и к межрелигиозным контактам. Межрелигиозные форумы рассматривались как часть политики Советского Союза, борьбы за мир и всеобщее разоружение.

Первая встреча, в которой приняли участие как христианские лидеры, так и представители других религий СССР, состоялась 27–29 ноября 1951 г. в рамках Третьей Всесоюзной конференции сторонников мира. 9–12 мая 1952 г. в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре прошла первая в Советском Союзе межрелигиозная конференция. Вторая межрелигиозная конференция в СССР по теме «За сотрудничество и мир между народами» состоялась в Троице-Сергиевой Лавре с 1 по 4 июля 1969 г. В мероприятии приняли участие 175 делегатов, среди которых были представители мусульман из зарубежных государств – Сирии, Марокко, Иордании, Югославии, Гайаны и Сенегала. В официальном приветствии председателя Совета министров СССР А.Косыгина говорилось: «Советское правительство неуклонно и последовательно проводит политику мира и дружбы между народами, неустанно стремится предотвратить угрозу новой мировой войны и высоко ценит любые усилия, в том числе и религиозных организаций, в достижении этой цели». В приветствии отражена позиция государства по отношению к подобным межрелигиозным мероприятиям, которое фактически стремилось использовать «религиозный фактор» для достижения целей своей внешней и внутренней политики.

В 1977 и в 1982 гг. в Москве были проведены два крупных межрелигиозных международных форума, которые можно рассматривать как два наиболее заметных, масштабных события в области межрелигиозного диалога в СССР.

6–10 июня 1977 г. в Москве прошла Всемирная конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (1997). 10–14 мая 1982 г. состоялся крупнейший в истории СССР межрелигиозный саммит: Московская Всемирная конференция «Религиозные деятели за спасение священного дара – жизни от ядерной катастрофы» (1982). В мероприятии приняли участие 590 делегатов из 90 стран.

С 1970-х гг. заметно развитие межрелигиозного диалога в рамках двух отдельных направлений – это когнитивный диалог (в центре находится познание других религий, диалогу как изучению, способу «взаимообогащения», личностного и духовного роста уделяла большое внимание католическая церковь) и миротворческий диалог. Межрелигиозные саммиты в СССР целиком относились ко второму направлению, ни о каком богословском осмыслении соотношения разных религий речи не шло, напротив, участники подчеркивали, что они вообще не затрагивают в ходе собеседований доктринальную проблематику. В итоговом заявлении конференции 1982 г. сказано: «Мы не стремимся к слиянию наших мировоззрений. Наши точки зрения на реальность остаются отличными друг от друга. Мы бескомпромиссно придерживаемся наших различных религиозных убеждений. Несмотря на эти различия, мы можем совместно утверждать то многое, что дорого всем нам»⁷. В среде последователей православия и других традиционных религий имеют место представление о неприкосновенности сакральной сферы, тенденция к ее ограждению, отторжение попыток к вторжению извне. Следует отметить, что подобные концептуальные основания межрелигиозного диалога – отказ от обсуждения догматической проблематики и сотрудничество в деле укрепления мира и других социальных сферах, представляющих общий интерес, – актуальны и для организации межрелигиозного диалога на официальном уровне и в современной России.

Примером в этой области может служить деятельность Межрелигиозного совета России, который объединяет глав четырех традиционных религий РФ: православия, ислама, иудаизма и буддизма. Наиболее заметным межрелигиозным международным проектом, который действует на регулярной основе, является Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Казахстане, который проводится с 2003 г. На Съезде обсуждается лишь социальная повестка, главным образом миротворчество, а также тот возможный позитивный вклад, который религии могут внести в общественное благополучие (экология, экономическое равенство, справедливость и проч.).

⁷ Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы. Всемирная конференция. М.: Московская Патриархия, 1983. С. 7.

Обсуждение результатов

Исходя из рассмотренного опыта и специфики реализации межрелигиозного диалога, можно выделить несколько перспективных направлений развития отношений в соответствии с каждым из уровней диалога: 1) «высоким», 2) «средним», 3) «низовым».

1. Одним из конкретных предложений, рекомендаций является идея проведения встречи религиозных лидеров Евразийского региона. Это мероприятие могло бы внести вклад в «культурное» измерение евразийской интеграции.

После распада СССР народы стран, входивших в его состав, по большей части, наверное, отдаляются друг от друга, вырастают новые поколения, которые мало что знают об общем историко-культурном прошлом и все меньше чувствуют какую-либо общность со своими соседями, русский язык забывается. В этом контексте сам факт встречи религиозных лидеров евразийского региона, обсуждение ими общих проблем, трансляция этой «картинки» в СМИ имели бы важное символическое значение. Пример добрососедства и уважительных отношений, солидарности, единства, несомненно, был бы важен для людей верующих, каковыми сегодня являются многие граждане стран постсоветского пространства.

Таким образом, описанная выше встреча религиозных лидеров региона при относительно небольших ресурсных затратах могла бы способствовать интеграции государств и народов Евразии на духовно-религиозной основе.

2. На экспертном / концептуальном уровне актуальной задачей является разработка конфессиональных или межрелигиозных богословских документов. Документы должны носить богословский характер, предлагать концепцию, разъясняющую то, почему верующие должны жить в мире и уважать друг друга. Особое внимание может уделяться теме традиционных нравственных и духовных ценностей (в контексте «секулярно-либерального стандарта» и «религиозно-традиционалистской системы ценностей»). Это отдельная и очень обширная тема, которая требует много внимания. Отметим лишь, что если у Римско-католической церкви имеется более десятка документов по тематике межрелигиозных отношений, то у Русской православной церкви нет ни одного официального документа по этой проблематике, которая имеет несомненную социальную значимость. В России последние годы активно развиваются теологическое образование и наука, здесь есть много пространства для исследований, оригинальных идей и творческих подходов.

3. Последние примерно десять лет в России развиваются межрелигиозные мероприятия на «низовом» уровне, главным образом среди молодежи. В качестве примера можно привести ежегодный Межрелигиозный международный молодежный форум, который проводится в Дагестане с 2013 г., или поддерживаемый Правительством Москвы проект «Диалог религий», в рамках которого проходят шахматные, футбольные, волейбольные турниры между представителями разных религий. Вместе с тем у нас почти свободна ниша реализации конкретной совместной практической

деятельности верующих разных религий различных групп населения (молодежь, женские межрелигиозные организации и проч.) в области помощи нуждающимся, экологии, разнообразных общественно полезных инициатив.

Выводы

Роль разных церквей и конфессий на постсоветском пространстве, в Африке, Латинской Америке, Индии, Юго-Восточной Азии, а также в Евразии показывает потенциал участия религиозных институтов в накоплении и донорстве позитивного социального капитала, состоящего из солидарности, созидания ценностей, формирования идентичности и самобытности. Религия в социальном контексте – это прежде всего сплоченность вокруг общины и священных идеалов, ценностная мотивация (справедливость, милосердие, ценность человека), доверие на разных уровнях взаимодействия граждан и институтов – общественная консолидация.

Религиозные объединения, как институты гражданского общества, являются ключевыми участниками выстраивания отношений между странами, регионами мира. В особенности это проявилось в ходе последнего мирового кризиса, запущенного украинским конфликтом. Религия соответствует многополярной структуре современного мира, для современных верующих, как правило, нет границ, поэтому нет проблемы взаимодействия между цивилизациями, нет почвы для дискриминации по поводу того, кто разделяет «неолиберальные» ценности, а кто нет, кто подходит под «западные стандарты», а кто им не соответствует, а значит, является «отстающим», кто является полноценной цивилизацией, а кто нет. Хотя далеко не все религиозные лидеры разделяют столь широкое понимание равноправия цивилизаций, но именно в рамках религиозной сферы формируются ценности солидарности, идентичности и разнообразия, пространство которых только сужается в других сферах жизни современного постиндустриального общества.

Список источников

1. Комлева В.В. Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике [Religious institutions as regulators of the moral paradigm in geopolitics] // Миссия конфессий. 2017. № 24. С. 8–12. EDN ZRQMBD.
2. Кондраков З. Стратегии межрелигиозного диалога [Strategies of interreligious dialogue] // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. № 2(23). С. 171–185. EDN DICLST.
3. Лункин Р.Н. Социальное неравенство в современном обществе риска [Social inequality in modern risk society] // Современная Европа. 2023. № 7(121). С. 176–191. DOI: 10.31857/S0201708323070148. EDN RWWTHD.
4. Лункин Р.Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях [Religion and European populism: the Christian factor in political discussions] // Современная Европа. 2018. № 1(80). С. 102–113.
5. Лункин Р.Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения [Socio-political consequences of the pandemic for the Russian Orthodox Church: unlocking the internal potential of civic engagement and social service] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 547–558.

6. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом [International relations and the war of anti-traditionalism with identity] // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 4. С. 5–14.
7. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния [Interfaith differences in Europe and new ideological confrontations] // Современная Европа. 2018. № 3(82). С. 102–114.
8. Мельник С. Классификации типов межрелигиозного диалога: анализ существующих подходов [Classifications of types of interreligious dialogue: analysis of existing approaches] // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 4. С. 87–118. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-4-87-118. EDN YVFMCD.
9. Мельник С.В. Классификация форм межрелигиозного диалога [Classification of forms of interreligious dialogue]. НИР: грант № 18-311-00337. М.: Российский фонд фундаментальных исследований, 2018. EDN FMPTRV.
10. Мельник С.В. Когнитивный межрелигиозный диалог: задачи, принципы, формы реализации [Cognitive interreligious dialogue: objectives, principles, forms of implementation] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 2. С. 209–227.
11. Мельник С.В. Теология и межрелигиозный диалог: от полемики к сотрудничеству [Theology and interreligious dialogue: from polemics to cooperation] // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 307–333.
12. Религия и либерализм [Religion and liberalism] / Под ред. А.Бодрова и М.Толстолуженко (Серия «Современное богословие»). М.: Издательство ББИ, 2022. 221 с. ISBN 978-5-89647-405-0.
13. Токсанбаев А. Мировые религиозные лидеры и межкультурный диалог в XX – начале XXI века [World religious leaders and intercultural dialogue in the 20th – early 21st centuries]: Дисс. ... канд. филос. наук: 5.7.9. СПб., 2023. 368 с. EDN TRLSGC.
14. «Третий сектор» в мире: модели гражданской активности в XX – XXI вв. [“Third sector” in the world: models of civic activity in the 20th – 21st centuries] / В.А.Аватков, Е.С.Алексеевкова, Н.А.Борисов [и др.]. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. 452 с. ISBN 978-5-7281-3048-2. EDN UQAJYA.

Информация об авторах

ЛУНКИН Роман Николаевич. Доктор политических наук. Профессор РАН. Заместитель директора Института Европы Российской академии наук. Главный редактор журнала «Современная Европа». <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>. Адрес: Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11-3. romanlunkinn@yandex.ru

МЕЛЬНИК Сергей Владиславович. Доктор философских наук. Старший научный сотрудник, заведующий отделом философии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Доцент общецерковной аспирантуры и докторантуры, старший научный сотрудник Центра межрелигиозного диалога Болгарской исламской академии. <https://orcid.org/0000-0002-1491-7624>. Адрес: Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21. melnik.s.vl@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 22 апреля 2024 г. Принята к публикации: 25 апреля 2024 г. Опубликовано: 15 мая 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Komleva V.V. Religious institutions as regulators of the moral paradigm in geopolitics. Missiya konfessij [Mission of confessions]. 2017; 24:8-12 [In English]. EDN ZRQMBD.
2. Kondrakov Z. Strategies of interreligious dialogue. Vestnik Orenburgskoj duxovnoj seminarii [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary]. 2022; 2(23):171-185 [In Russian]. EDN DICLST.
3. Lunkin R.N. Social inequality in modern risk society. Sovremennaya Evropa [Modern Europe]. 2023; 7(121):176-191 [In Russian]. DOI 10.31857/S0201708323070148. EDN RWWTHD.
4. Lunkin R.N. Religion and European populism: the Christian factor in political discussions. Sovremennaya Evropa [Modern Europe]. 2018; 1 (80):102-113 [In Russian].
5. Lunkin R.N. Socio-political consequences of the pandemic for the Russian Orthodox Church: unlocking the internal potential of civic engagement and social service. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]. Series: Political science. 2020; 22 (4):547-558 [In Russian].
6. Lunkin R.N., Filatov S.B. International relations and the war of anti-traditionalism with identity. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]. 2020; 64 (4):5-14 [In Russian].
7. Lunkin R.N., Filatov S.B. Interfaith differences in Europe and new ideological confrontations. Sovremennaya Evropa [Modern Europe]. 2018; 3 (82):102-114 [In Russian].
8. Melnik S. Classifications of types of interreligious dialogue: analysis of existing approaches. Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2018; 36 (4): 87-118 [In Russian]. DOI 10.22394/2073-7203-2018-36-4-87-118. EDN YVFMCD.
9. Melnik S.V. Classification of forms of interreligious dialogue. Research work: grant № 18-311-00337. M.: Russian Foundation for Basic Research, 2018 [In Russian]. EDN FMPTRV.
10. Melnik S.V. Cognitive interreligious dialogue: objectives, principles, forms of implementation. Vestnik Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii. [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2019; 20 (2):209-227 [In Russian].
11. Melnik S.V. Theology and interreligious dialogue: from polemics to cooperation. Voprosy teologii [Questions of theology]. 2019; 1 (3):307-333 [In Russian].
12. Religion and liberalism / Ed. A. Bodrova and M. Tolstoluzhenko (Series "Modern Theology"). Moscow: BBI Publishing House, 2022:221 [In Russian]. ISBN 978-5-89647-405-0
13. Toksanbaev A. World religious leaders and intercultural dialogue in the 20th – early 21st centuries: dissertation... CandSc (Philos.): 5.7.9. St. Petersburg, 2023:368 [In Russian]. EDN TRLSGC.
14. "Third sector" in the world: models of civic activity in the 20th – 21st centuries / V.A. Avatkov, E.S. Alekseenkova, N.A. Borisov [and others]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2021:452 [In Russian]. ISBN 978-5-7281-3048-2. EDN UQAJYA.

About the authors

Roman N. LUNKIN. DSc.(Polit.). Professor of the Russian Academy of Sciences. Deputy Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-chief of the magazine "Modern Europe". <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation. romanlunkinn@yandex.ru

Sergey V. MELNIK. DSc.(Philos.). Senior Researcher, Head of the Philosophy Department of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Associate Professor of the General Church Postgraduate and doctoral studies, senior researcher at the Center for Interreligious Dialogue of the Bulgarian Islamic Academy. <https://orcid.org/0000-0002-1491-7624>. Address: 51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation. melnik.s.vl@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: April 20, 2024. Approved after peer review: April 22, 2024. Accepted for publication: April 25, 2024. Published: May 15, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-66-79](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-66-79)

Центральная Азия: проблема водопользования в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепе

Али Митхадович Мустафабейли✉

Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия
gulara1972@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-7158-6546>

Аннотация. Дефицит водных ресурсов, отсутствие справедливого доступа людей к безопасной воде, услугам санитарии, недостаточность принимаемых технических и финансовых мер для создания передовых систем использования и сохранения водных резервов являются мировыми проблемами, наносящими, однако, наибольший урон государствам Глобального Юга, в том числе Центральной Азии (ЦА). Проблемы, связанные с нехваткой воды в этом регионе, безусловно, усугубятся в случае неконтролируемой эксплуатации строящегося на территории Афганистана канала Куш-Тепе.

Государства ЦА стремятся наладить переговорный процесс с правительством талибов с целью договориться о сотрудничестве в сфере водопользования, выражая готовность оказывать содействие в сооружении канала, связанных с ним ирригационных систем, их техническом оснащении.

Афганская сторона, принимая на словах инициативы центральноазиатских партнеров, настаивает, однако, на своем праве пользоваться каналом по своему усмотрению и в тех объемах, которые отвечают ее интересам. Вместе с тем талибские власти, пока еще не признанные международным сообществом, стараются не обострять отношений с соседями, с которыми осуществляется торгово-экономическое сотрудничество. Центральноазиатские страны дают понять, что взаимодействие с афганцами в дальнейшем может развиваться в случае учета

сторонами взаимных интересов. Внешние акторы ведут себя по-разному. Россия предлагает свои услуги в решении задач, связанных с эксплуатацией канала Куш-Тепе. Американцы оказывают финансовую помощь с целью ускорить строительство канала.

Ключевые слова: Канал Куш-Тепе, дефицит водных ресурсов, правительство талибов, национальный эгоизм, совместное заявление, конференция ООН

Для цитирования: Мустафабейли А.М. Центральная Азия: проблема водопользования в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепе // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 66-79, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-66-79](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-66-79)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-66-79](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-66-79)

Central Asia: the Problem of Water Use in the Situation of the Construction of the Afghan Kush-Tepa Canal

Ali Mithadovich Mustafabeyli✉

Institute of Current International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
gulara1972@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-7158-6546>

Abstract. The scarcity of water resources, the lack of equitable access of people to clean water and sanitation services, the insufficiency of technical and financial measures to create advanced systems for the use and conservation of water resources are global problems, but they cause the greatest damage to the states of the Global South, including Central Asia. Problems associated with water shortages in this region will worsen if the Kush-Tepa canal, which is being built in Afghanistan, is uncontrolled.

The states of the region are committed to negotiations with the Taliban government in order to agree on cooperation in the field of water use, they are ready to help in the construction of the canal, associated irrigation systems and help in their technical equipment.

The Afghan side, accepting verbally the initiatives of its Central Asian partners, insists on its right to use the canal at its own discretion and to the extent that meets its interests. At the same time, the Taliban authorities, not yet recognized by the international community, are trying not to aggravate relations with their neighbors with whom they carry out trade and economic cooperation. The Central Asian countries are making it clear that interaction with the Afghans can further develop if the parties take into account mutual interests. External actors behave differently. Russia offers its services in solving problems related to the operation of the Kush-Tepa Canal. The Americans are providing financial assistance to speed up the construction of the canal.

Keywords: Kush-Tepa Canal, water scarcity, Taliban government, national selfishness, joint statement, UN Conference

For citation: Mustafabeyli A.M. Central Asia: the Problem of Water Use in the Situation of the Construction of the Afghan Kush-Tepa Canal. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 2(12): 66-79, doi.org/10.53658/RW2024-4-2 (12)-66-79

Введение

Проблема дефицита воды в Центральной Азии в последнее время приобрела особое значение, о чем свидетельствуют многочисленные публикации авторов [1, 2, 4, 5], в том числе и в журнале «Россия и мир: научный диалог» [3].

Обращение к этой теме объясняется еще и значимостью непростых отношений сегодняшнего Афганистана со странами Центральной Азии. Безопасность данного региона, позитивные связи между расположенными здесь государствами, устойчивое их развитие представляют несомненную важность для всего мирового сообщества. Именно с этим связана вовлеченность мировых держав – России, Китая, Индии, членов Европейского союза – в центральноазиатские, а также афганские дела. При этом Вашингтон и Брюссель откровенно нацелены на вытеснение России и Китая и взятие региона под свой контроль. В этом контексте во весь рост встает задача достижения конкурентоспособности России, которая зависит как от ее внутреннего потенциала, так и от эффективного взаимодействия с дружественными партнерами – Китаем, Индией, Ираном и др., а также самими государствами Центральной Азии.

Материалы и методы исследования

Источниковую и эмпирическую базу исследования составили материалы международных переговоров и решений относительно канала Куш-Тепа; статистические материалы стран Центральной Азии, материалы СМИ. Применялись методы анализа документов, кейс-стади, контент-анализ материалов СМИ.

Результаты исследований

Проблема водопользования в Центральной Азии

Для правильного представления степени возможного ущерба от неконтролируемой эксплуатации строящегося в Афганистане канала Куш-Тепа полагаем целесообразным остановиться на ситуации с водопользованием в Центральной Азии. Дефицит воды здесь связан с расходом большей ее части на ирригацию двух обильно водопоглощающих сельскохозяйственных культур – хлопка и риса; чрез-

мерным ростом температуры воздуха, происходящим быстрее, чем в среднем на планете, что приводит к сокращению площадей и объемов ледников; стремительным увеличением численности населения (в конце 80-х гг. прошлого века в ЦА проживало 49 млн человек, сейчас – более 75 млн, к 2050 г. прогнозируется преодоление планки в 100 млн); изношенностью ирригационной инфраструктуры, средний возраст которой превышает 50 лет, что обуславливает значительные потери водных ресурсов (до 25%)¹. Сложность обстановки объясняется еще и отсутствием налаженного взаимодействия между странами региона, проявляющимися национальным эгоизмом, стремящимися добиться для себя максимальных выгод. Киргизия и Таджикистан, владеющие истоками основных рек региона – Амударьи и Сырдарьи («верхние страны»), заинтересованы в развитии собственной гидроэнергетики, необходимой для внутреннего потребления. Для Таджикистана гидроэнергия является еще и экспортным товаром. «Нижние страны», расположенные, соответственно, в низовьях течения рек, нуждаются в максимальных объемах воды для выращивания хлопка и риса. Столкновение интересов государств региона имело порой тяжелые последствия. Более 230 вооруженных пограничных инцидентов, в том числе из-за доступа к воде, произошло на таджикско-киргизской границе в течение 12 лет. Мирное соглашение было подписано 20 сентября 2022 г. Тем не менее напряженность в двусторонних отношениях сохраняется. Однако в последнее время центральноазиатскими партнерами прилагаются усилия для достижения взаимоприемлемых, равноправных договоренностей. Важным шагом в этом контексте было принятие государствами ЦА на Конференции ООН по водным ресурсам (22–24 марта 2023 г.) Совместного заявления. В нем, в частности, отмечается, что водные ресурсы играют ключевую роль для обеспечения устойчивого развития ЦА, а трансграничное водное сотрудничество является значимым компонентом стабильности и процветания региона. В данном заявлении указывается на приверженность государств ЦА взаимопониманию и всестороннему взаимовыгодному сотрудничеству в сфере водопользования и выражается готовность совместно работать над реализацией принятых обязательств в рамках конференции ООН на всех уровнях². Примечательно, что сопредседателями конференции были король Нидерландов Виллем-Александр и президент Таджикистана Эмомали Рахмон³.

Позднее, на саммите, состоявшемся 14 сентября 2023 г. в Душанбе (официальное название – «Пятая консультативная встреча глав государств Центральной Азии»), позиции по водным проблемам центральноазиатских стран выглядели менее оптимистично и уверенно. Президент Киргизии С.Н.Жапаров заявил, что не-

1 Камарзин И. Выдавливает по капле: к чему приведет дефицит воды в Центральной Азии. URL: <https://iz.ru/1537493/igor-karmazin/vydavlivaiut-po-kaple-k-chemu-privedet-defitsit-vody-v-tcentralnoi-azii>.

2 Совместное заявление государств Центральной Азии на Конференции ООН по водным ресурсам 2023 года. URL: <https://sreda.uz/rubriki/voda/sovместное-zayavlenie-gosudarstv-tsentralnoj-azii-na-konferentsii-onn-po-vodnym-resursam-2023-goda/>.

3 В штаб-квартире ООН открылась конференция по водным ресурсам. URL: <https://kun.uz/ru/news/2023/03/23/v-shtab-kvartire-onn-otkrylas-konferentsiya-po-vodnym-resursam>.

хватка воды становится повсеместной и требует изменения отношения к водопользованию. Киргизский лидер предложил вернуться к существовавшему при СССР формату сотрудничества, предусматривавшему обмен воды на энергию, и создать региональный центр по внедрению энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий.

Президент Узбекистана Ш.М.Мерзиев был более категоричен в оценках. По его словам, проблема дефицита воды в регионе приобрела «необратимый характер». Из-за отсутствия достаточных водных запасов и неэффективного их использования государства региона ежегодно теряют 2 млрд долларов, а в обозримом будущем экономический ущерб может достичь 11% общерегионального валового продукта.

Президент Казахстана К.-Ж.Токаев подчеркнул, что взаимодействие стран ЦА должно осуществляться на основе равноправного использования водных ресурсов и учета интересов сторон. Он выразил согласие с киргизским коллегой относительно совместного управления ресурсами трансграничных рек.

Президент Таджикистана Э.Рахмон отметил важность разработки национальных, региональных и международных программ по сохранению водных запасов региона, реализации проектов Международного фонда спасения Арала – моря, гибнущего из-за отсутствия достаточного притока вод региональных рек.

Центральноазиатские руководители пришли к единому мнению о необходимости подготовки с участием международных консультантов планов развития бассейнов Амударьи и Сырдарьи с учетом появления нового афганского фактора – сооружения канала Куш-Тепа на территории Афганистана.

Узбекский президент предложил коллегам сформировать совместную рабочую группу для изучения влияния канала на полноводность Амударьи и включения Афганистана в региональный диалог о совместном использовании гидроресурсов. Афганская сторона не проявила, однако, готовности участвовать в переговорном процессе такого формата⁴.

Проект «Куш-Тепа»: основные характеристики и интересные

Технико-экономическое обоснование проекта «Куш-Тепа» было подготовлено еще в 2021 г. международными специалистами для Агентства США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID) и проамериканского правительства А.Гани. Реализация началась вскоре после прихода к власти талибов, и уже в мае 2023 г. строительство первого участка канала протяженностью 108 км было завершено. Сдать канал протяженностью 285 км в эксплуатацию плани-

4 Нехватка воды становится главной проблемой в странах Центральной Азии. URL: <https://news.rambler.ru/politics/51527556-nehvatka-vody-stanovitsya-glavnoy-problemoj-v-stranah-tsentralnoy-azii/>.

руется в 2028 г. Ширина сооружения – 100 м, глубина – 8 м⁵. В строительстве задействовано 6,5 тыс. рабочих и технического персонала. В дальнейшем работой будут обеспечены четверть миллиона человек⁶.

Пропускная способность канала составит 650 кубометров в секунду, что позволит орошать земли в трех северных афганских провинциях – Балх, Джаузджан и Фарьяб⁷. Талибы⁸ неоднократно заявляли об особой значимости канала и намерены приступить к его эксплуатации в кратчайшие сроки, несмотря на явную обеспокоенность центральноазиатских соседей. Талибские власти рассчитывают на то, что канал с его ирригационными сооружениями обеспечит существенный сдвиг в развитии сельского хозяйства, включая производство импортируемых зерновых культур, в которых остро нуждается Афганистан. Преследуются одновременно и внутриполитические цели. Появление новых обширных орошаемых площадей на севере страны позволит улучшить экономическое положение оппозиционно настроенного местного таджикско-узбекского населения, переместить туда пуштунов из засушливых районов, а также прибывающих из Пакистана в связи с решением Исламабада о поэтапной депортации нелегальных афганских беженцев⁹. Важность этой задачи в расчетах талибов объясняется еще и их стремлением перекрыть пополнение продолжающей вооруженную борьбу Фронта национального сопротивления Афганистана.

Стоимость проекта – 684 млн долларов. Правительство талибов заявило о наличии собственных средств, что представляется маловероятным. По некоторым сведениям, заслуживающим доверия, финансовую помощь оказывает США через Катар. Американцы наверняка заинтересованы во внедрении в развитие весьма сложной проблемы региона, затрагивающей государства ЦА. Во всяком случае, в 2021 г. USAID^{10**} осуществило программу «Умные воды», предусматривающую установку на всех главных реках ЦА счетчиков для сбора информации через спутниковую связь об уровне воды в ключевых артериях региона¹¹.

12 января 2023 г. в Комитете по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США состоялись слушания с участием специального представителя США по Афганистану Т.Уэста, а также представителя USAID^{12*}. Затрагивалась в том числе и

5 Канал Кош-Тепа только начали строить, а он уже разрушается? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20231218/kanal-kosh-tepa-tolko-nachali-stroit-a-on-uzhe-razrushaetsya>.

6 Кармазин И. Бешеная сушка: талибы добивают главную реку Центральной Азии. URL: <https://iz.ru/1489813/igor-karmazin/beshenaya-sushka-taliby-dobivaiut-glavnuyu-reku-tsentralnoi-azii>.

7 Афганистан строит огромный канал для забора воды из реки Амударья. Это может повлиять на ситуацию с доступностью воды в Центральной Азии. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/02/20/afghanistan-stroit-ogromnyy-kanal-dlya-zabora-vody-iz-reki-amudarya-eto-mozhet-povliyat-na-situatsiyu-s-dostupnostyu-vody-v-tsentralnoy-azii/>.

8 * Признаны террористической организацией и запрещены в РФ.

9 Бекниязов Р. Пакистан высылает афганских мигрантов: меры безопасности или рычаг давления на Кабул? URL: <https://tass.ru/opinions/19170103>.

10 ** Деятельность организации запрещена в РФ.

11 Крезерштерн И. USAID***. Кто контролирует воду, тот контролирует Центральную Азию. URL: <https://dzen.ru/a/YDDYGL1ynNHRiW9h>.

*** Деятельность организации запрещена в РФ.

12 ** Деятельность организации запрещена в РФ.

тема строительства канала Куш-Тепа. Заявление Т.Уэста об отсутствии у Вашингтона намерений соперничать с Москвой и Пекином в Афганистане, на наш взгляд, не соответствует действительности¹³.

С талибами осуществляются контакты на различных уровнях и в разных форматах. В частности, 30–31 июля 2023 г. в Дохе прошли талибо-американские переговоры, объявленные талибским правительством официальными. Афганская сторона выразила удовлетворение итогами диалога, в ходе которого обсуждались меры по укреплению доверия и безопасности, проблема снятия санкций и размораживания активов афганского Центрального банка, оказание Кабулу гуманитарной и другой помощи¹⁴. По сведениям некоторых представителей афганской диаспоры в Москве, полученным от афганских дипломатов, в дискуссиях была затронута тема финансирования проекта «Куш-Тепа». Подытоживая переговоры, американцы посоветовали представителям талибов проявлять осмотрительность, продвигая сотрудничество с Россией, «занятой» специальной военной операцией на Украине.

Регулярно проводятся встречи специальных посланников и представителей по Афганистану государств ЦА и Евросоюза. Последняя состоялась 25–26 мая 2023 г. в Ашхабаде без участия даже в качестве наблюдателей России и Китая – главных региональных держав. Позиция Евросоюза, несомненно, была согласована с США. Большая часть принятого совместного заявления относится к проблемам прав человека в Афганистане, в то время как ключевая социально-экономическая тема возврата активов Центрального банка Афганистана, заблокированных Вашингтоном, не была затронута. Зато обсуждались новые сложности с водопользованием в регионе, возникшие в связи со строительством канала Куш-Тепа¹⁵.

По данным специалистов, канал по завершении строительства будет забирать от 15 до 20% всего стока Амударьи¹⁶. Для Узбекистана это означало бы нехватку водных ресурсов для орошения хлопка, создающего около 17% ВВП. Важно иметь в виду и то, что в сельском хозяйстве занято примерно 40% населения этой республики. Согласно информации Комитета статистики Узбекистана, годовое потребление воды в стране составляет в среднем 51 млрд кубометров, 91% из которых уходит на нужды сельского хозяйства, в основном для ирригации хлопковых полей¹⁷. В этой связи «водная дипломатия» является для Узбекистана приоритетной задачей, что

13 США не считают необходимым соперничать с Россией и Китаем в Афганистане. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19712319>.

14 Путц К. Очень тихая встреча в Дохе: официальные лица США встречаются с представителями движения «Талибан»*. URL: <https://thediplomat.com/2023/08/a-very-quiet-meeting-in-doha-us-officials-meet-with-taliban-representatives/>.

* Признаны террористической организацией и запрещены в РФ.

15 В Ашхабаде завершилась встреча ЕС – Центральная Азия по Афганистану. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/05/26/v-ashgabad-zavershilas-vstrecha-eu-tsentrlnaya-aziya-po-afganistanu/>.

16 Канал Кош-Тепа только начали строить, а он уже разрушается? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20231218/kanal-kosh-tepa-tolko-nachali-stroit-a-on-uzhe-razrushaetsya>.

17 Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. URL: <https://stat.uz/ru/>; Мамадшоев М. Над Центральной Азией нависают водные конфликты. URL: <https://cabar.asia/ru/nad-tsentrlnoj-aziej-navisayut-vodnye-konflikty>.

подтверждают материалы Министерства водного хозяйства Республики Узбекистан¹⁸.

Не менее остро проблема стоит перед Туркменистаном, о чем свидетельствует деятельность Государственного комитета водного хозяйства Туркменистана¹⁹. Река Амударья питает Каракумский канал, обеспечивающий орошение 580 тыс. гектаров хлопчатника. Изменение уровня реки создало и социальные сложности. В частности, в июне 2023 г. фермеры провинции Лебап выразили недовольство по поводу нехватки воды для орошения хлопка, в то время как правительство обязалось снабжать их водой, удобрениями, семенами и сельскохозяйственной техникой в обмен на продажу определенного количества урожая по предварительно установленным ценам²⁰.

Сооружение гидрогиганта ведется без соблюдения технологических требований. В результате стены и дно канала не укреплялись должным образом, что привело к их частичному разрушению и разливу воды длиной 9 км. Более того, наблюдения из космоса показывают, что зона бедствия увеличивается, свидетельствуя о неспособности или нежелании талибов исправить ситуацию. Такого мнения придерживается большинство российских экспертов. Узбеки считают, что в данном случае речь идет о подъеме грунтовых вод. Так или иначе, образование новых озер представляет опасность для Таджикистана²¹. Таджикистан особо тревожит нарастающая водная проблематика. По данным Министерства энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан, за период с 2000 г. по инициативе Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Генеральная Ассамблея ООН приняла 7 резолюций, направленных на решение водных вопросов²².

Если Узбекистан, потеряв ресурсы Амударьи, начнет вычерпывать воду из Сырдарьи, питающей Казахстан, то казахстанские фермеры будут вынуждены сократить посевы хлопка и риса, что приведет не только к дефициту этих культур, но и к росту безработицы. Решение проблем возложено на Министерство водных ресурсов и ирригации Республики Казахстан²³.

Положение в ЦА еще более осложнится в случае реализации планов правительства талибов относительно сооружения Даштиджумского гидроузла, который аккумулирует большую часть летнего стока одного из притоков Амударьи – реки Пяндж²⁴.

18 «Водная дипломатия» в Центральной Азии. URL: <https://suvchi.gov.uz/ru/posts/1545735855/2768>; Выступление министра водного хозяйства Республики Узбекистан Ш.Хамраева на специальной сессии «Сотрудничество стран Центральной Азии для обеспечения водной безопасности в условиях изменения климата» в рамках 9-го Всемирного водного форума (24 марта 2022 г., 10:45, г. Дакар, Сенегал). URL: <https://suvchi.gov.uz/ru/page/2/26>.

19 Государственный комитет водного хозяйства Туркменистана. URL: <https://www.turkmenwater.gov.tm>.

20 Мамадшоев М. Над Центральной Азией нависают водные конфликты. URL: <https://cabar.asia/ru/nad-tsentrlnoj-aziej-navisayut-vodnye-konflikty>.

21 Канал Кош-Тепа только начали строить, а он уже разрушается? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20231218/kanal-kosh-tepa-tolko-nachali-stroit-a-on-uzhe-razrushaetsya>.

22 Глобальные водные инициативы Президента РТ. URL:

23 Министерство водных ресурсов и ирригации Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/water/activities/directions?lang=ru>.

24 Центрально-Азиатский водораздел: станет ли канал, который строят талибы, угрозой для Казахстана? URL: <https://www.caravan.kz/news/centralnoaziatskij-vodorazdel-stanet-li-kanal-kotoryjj-stroyat-taliby-ugrozoy-dlya-kazakhstana-966799/>.

Международный опыт переговоров по разделу трансграничных водных ресурсов

Исторический и современный, в том числе международный, опыт поиска путей достижения договоренностей по разделу трансграничных водных ресурсов свидетельствует о сложности переговорного процесса, приведшего к прямо противоположным результатам. Показателен пример китайско-казахстанских контактов по данной теме. Поясним: из китайской провинции Синьцзян в Казахстан текут две полноводные реки – Или, питающая крупнейшее в стране озеро Балхаш, и Иртыш, протекающий через основной промышленный регион на севере Республики Казахстан и далее в Сибирь. Китай расходует до половины воды каждой из них, что вызывает недовольство казахстанцев, опасаящихся того, что Балхаш может постигнуть судьба исчезающего Аральского моря. Пекин, однако, не реагирует на многочисленные просьбы Астаны ограничить забор воды в верхних течениях. Более того, отказывается подписать конвенцию ООН по трансграничным водам. Руководство Казахстана, по существу, смирилось с таким положением, стараясь не вызывать раздражения Китая, осуществляющего в Казахстане инвестиционные вливания в объеме миллиардов долларов, в том числе в рамках проекта «Один пояс, один путь». Интересно, что Астана вписала «Один пояс, один путь» в свою собственную государственную программу инфраструктурного развития «Нурлы Жол» («Светлый путь»)²⁵.

Равноправные водные договоренности между Индией и Пакистаном служили мощным сдерживающим фактором в перманентно весьма напряженных отношениях между этими странами.

Хорошо известна проблема с распределением водных ресурсов между Эфиопией, Суданом и Египтом. Более 80% вод Нила формируется на территории Эфиопии, расположенной в верховьях реки, однако эта страна использует не более 2% водных запасов. Находящиеся ниже по течению Судан и в большей степени Египет являются основными потребителями вод Нила.

В 1959 г. между Египтом и Суданом было заключено соглашение, которое не учитывало интересов Эфиопии. В ответ на заявления этой страны о необходимости пересмотра соглашения Египет и Судан всегда отвечали отказом²⁶.

Давний водный спор между Ираном и Афганистаном об использовании ресурсов трансграничной реки Гильменд вновь обострился. Пограничные стычки, произошедшие 27 мая 2023 г., привели к жертвам с обеих сторон. Причина конфликта состояла в том, что, по мнению Тегерана, талибские власти не выполняли договор 1973 г., по которому Афганистан обязался поставлять в Иран 320 млн кубометров воды в год. Кабул отверг претензии иранцев, объяснив перебои с поставками воды засухой и техническими трудностями. В итоге состоявшихся консультаций руководство Ира-

на формально согласилось с доводами афганцев. Однако наступившее примирение не означает мира²⁷.

Работа с Афганистаном Советского Союза, позже – России, на разных этапах приносила различные результаты. В 1946 г. СССР и Афганистан подписали соглашение по Амударье, согласно которому афганская сторона имела право использовать 9 из 19 кубических километров воды реки Пяндж. В 1977 г. прошли переговоры о заключении нового соглашения, в ходе которых советская сторона настаивала на сокращении квоты Афганистана до 6 кубических километров. Афганцы отказались от новой схемы. В дальнейшем Москва стремилась поддерживать потребление Афганистаном воды на минимально возможном уровне, содействуя развитию орошаемого земледелия на юге страны. В 2002 и 2014 гг. афганские власти под патронажем США предложили соседям подписать новый договор вместо соглашения 1946 г. Инициатива тогда не встретила поддержки у центральноазиатских партнеров²⁸.

Приступая к дискуссии с правительством талибов по поводу использования водных ресурсов Амударьи, центральноазиатские соседи предложили ему присоединиться к межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии, определяющей квоты водопользования. Обращение, однако, осталось без ответа.

Обсуждение результатов

Итак, на сегодняшний день Исламский эмират Афганистан не участвует ни в международных, ни в региональных договоренностях в сфере использования водных ресурсов и действует по своему усмотрению, руководствуясь правом, равным с правами соседних стран. Договориться с талибами о рациональном водопользовании с учетом интересов соседних государств на международно-правовой основе не представляется возможным, поскольку их правительство все еще не признано международным сообществом. Вместе с тем договоренности с Кабулом могут быть достигнуты на двух-, трехсторонней или региональной основе при условии добровольного неформального согласия сторон.

При рассмотрении общих подходов следует учитывать, что в контексте распределения водных ресурсов существуют три доктрины:

- доктрина территориального суверенитета, согласно которой государства контролируют водные источники, расположенные на их территории. К этой доктрине, разумеется, обращаются «верхние» страны;
- доктрина территориальной интегрированности. Она гласит о том, что страны, находящиеся ниже по течению рек, имеют право на получение необходимого объема

²⁵ Триллин Д. Китай победил Казахстан в споре о воде. URL: <https://inosmi.ru/20221213/kazakhstan-258814414.html>.

²⁶ Новые соглашения по воде в Центральной Азии: что делать Кыргызстану. URL: <https://rivers.help/n/1369>.

²⁷ Водные войны: что происходит на ирано-афганской границе? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20230529/vodnie-voini-chto-proishodit-na-iransko-afganskoi-granitse?ysclid=Itjylvpnm2585862057>.

²⁸ Панфилова В. Ташкент поделится с Кабулом технологиями. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-03-26/5_8689_asia.html.

и качества воды и могут препятствовать жизнедеятельности «верхних» стран, если те игнорируют потребности «нижних»;

• доктрина справедливого использования водных ресурсов призвана примирить противоречия сторон на основе взаимных интересов. Она имеет наибольшее число приверженцев среди экспертов и международного сообщества и воплощена в ряде правовых документов, включая Конвенцию ООН 1997 г. «О праве по ненавигационному использованию международных рек».

Очевидно, что в работе с Афганистаном целесообразно использовать именно третью доктрину.

Узбекистан, исходя из этого посыла, обсуждает с талибами проблему распределения водных ресурсов вкупе с многоаспектным торгово-экономическим сотрудничеством. В марте 2023 г. узбекская сторона инициировала визит в Кабул делегации во главе со специальным представителем президента страны по вопросам внешней политики А.Камиловым. В ходе переговоров с заместителем премьер-министра Афганистана А.Гани Барадаром, министром иностранных дел А.Муттаки, министром обороны Я.Муджахидом, другими членами правительства и представителями экономических структур состоялся подробный обмен мнениями по темам транспортного, логистического, энергетического взаимодействия, в частности, строительства железной дороги «Термез–Мазари-Шариф–Кабул–Пешавар»; прокладки линий электропередач по маршруту «Сурхан–Пули-Хумри»; увеличения объемов транспортировки различных грузов, в том числе транзитных, через территорию Афганистана; подготовки афганских кадров на базе образовательного центра в Термезе.

По данным Агентства статистики Узбекистана, эта республика поставляет на афганский рынок пшеничную муку, электроэнергию, предоставляет транспорт для грузовых железнодорожных перевозок. Афганскому правительству передана гуманитарная помощь объемом 1,3 тыс. тонн, состоящая из продуктов питания, медикаментов, одежды. Перспективными считаются проекты создания торговых домов Узбекистана в Кабуле и Мазари-Шарифе для поставок сельскохозяйственной и промышленной продукции, организации точек роста переработки афганской продукции, включая мрамор, изделия из лазурита, других полудрагоценных и драгоценных камней. Весьма важной является договоренность об узбекском содействии в восстановлении текстильных фабрик, масложировых заводов²⁹.

В водно-энергетическом сотрудничестве достигнута договоренность о некоей опеке канала Куш-Тепе, содействии в техническом оснащении строительных работ, а также ирригационных сооружений³⁰.

Туркменская делегация во главе с министром иностранных дел Р.Мередовым посетила с рабочим визитом Афганистан (провинцию Герат, граничащую с Туркменистаном) в декабре 2023 г. По примеру узбеков туркмены обсудили проблему

²⁹ Джумхурият. Детали визита делегации Узбекистана в Афганистан. URL: <https://dzen.ru/b/ZBv8CoLbPRp3xLRM>.

³⁰ В Центральной Азии растёт напряжение из-за канала Куш-Тепе. URL: <https://rivers.help/n/1208>.

Куш-Тепе в фоновом формате, сделав акцент на ключевых направлениях торгово-экономического сотрудничества. В ходе переговоров с министром иностранных дел Исламского эмирата А.Муттаки, министром горнорудной промышленности Ш.Делаваром, министром промышленности и торговли Н.Азизи речь шла о строительстве газопровода «Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия» (ТАПИ) на афганской территории, линии электропередач «Туркмения–Афганистан–Пакистан» (ТАП), расширении железнодорожной инфраструктуры Афганистана³¹. Туркменистан экспортирует в Афганистан электроэнергию, нефть, газ, импортирует из этой страны мрамор, сухофрукты, картофель³².

Таджикистан и Казахстан, также осуществляющие широкое торгово-экономическое взаимодействие с Афганистаном, пока не включаются в разговор с талибами, видимо, ожидая результаты контактов с ними узбеков и туркмен.

Выводы

В целом центральноазиатские соседи Афганистана надеются на то, что Кабул, планируя свои дальнейшие действия в отношении эксплуатации канала Куш-Тепе, будет учитывать важность партнерства с ними. Кроме того, талибские власти, и без того находящиеся в международно-правовой изоляции, не захотят провоцировать трения в отношениях с Центральной Азией.

Вместе с тем американцы в качестве итогов контактов с лидерами талибов распространяют информацию о том, что на переговорах главными темами являются якобы права человека, в первую очередь женщин, формирование инклюзивного правительства, борьба с терроризмом внутри Афганистана и за его пределами. На самом деле, по кулуарным сведениям, от сотрудников посольства Афганистана и представителей афганской общины, связанных с Кабулом, американские дипломаты значительное внимание уделяют так называемым проблемам региональной и международной безопасности, делая акцент на нежелательности тесных доверительных отношений Афганистана с Россией и ее центральноазиатскими друзьями. Такого рода давление на афганцев усилилось после того, как в российских экспертных кругах заговорили о возможном признании правительства талибов. Попытки склонить государства ЦА к более приземленным отношениям с Россией и расширению связей с Западом предпринимаются и в ходе общения с центральноазиатским руководством, в том числе на высшем уровне.

Предложение России о содействии в преодолении споров по водопользованию осталось незамеченным. Тем не менее следует непрерывно наблюдать за развитием обстановки, особенно действиями США и их европейских союзников.

³¹ Главы МИД Туркменистана и Афганистана обсудили в Герате начало строительства ТАПИ. URL: <https://www.hronikatm.com/2023/12/meredov-afghanistan-visit-3/>.

³² Товарооборот между Афганистаном и Туркменистаном достиг 481 миллиона долларов в 2023 году. URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/01/15/tovarooborot-mezhdu-afganistanom-i-turkmenistanom-dostig-481-milliona-dollarov-v-2023-godu/>.

Список источников

1. Белашченко Д.А., Шоджонов И.Ф. Гидротехнические проекты Афганистана как катализатор нового этапа водного кризиса в Центральной Азии [Afghanistan's hydrotechnical projects as a catalyst for a new stage of the water crisis in Central Asia] // Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: Материалы VIII международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 4–6 октября 2023 г. М.: ООО «Первое экономическое издательство», 2023. С. 18–23. DOI: 10.18334/9785912924927.18-23. EDN MXOVAG.
2. Жильцов С.С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана [The problem of water resource scarcity in Central Asia: the Afghan factor] // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 2. С. 110–119. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119. EDN OQTYBK.
3. Кочетков В.В., Медведков А.А., Кузьменко Е.А., Нессар О.М. «Водные войны» как источник и инструмент международных конфликтов [“Water wars” as a source and instrument of international conflicts] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. 118–133. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-118-133](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-118-133).
4. Маккамбаев П.А. Современное состояние формирующейся системы региональной безопасности Центральной Азии [Current state of the emerging regional security system in Central Asia] // Экономика Центральной Азии. 2021. Т. 5. № 3. С. 273–296. DOI: 10.18334/asia.5.3.112997. EDN ZANNOD.
5. Нори С.М. Проблемы управления трансграничными водными ресурсами в Афганистане [Problems of transboundary water resources management in Afghanistan] // Центральноазиатский журнал исследований водных ресурсов. 2020. Т. 6. № 1–2. С. 19–43. DOI: 10.29258/CAJWR/2020-R1.v6-1/19-43.rus. EDN KQKWJN.

Информация об авторе

МУСТАФАБЕЙЛИ Али Митхадович. Кандидат исторических наук. Заместитель директора Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0009-0007-7158-6546>. Адрес: 119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1. gulara1972@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 апреля 2024 г. Принята к публикации: 22 апреля 2024 г. Опубликована: 15 мая 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F. Afghanistan's hydrotechnical projects as a catalyst for a new stage of the water crisis in Central Asia. Prospects for the socio-economic development of border regions: materials of the VIII international scientific and practical conference, Petrozavodsk,

- October 04–06, 2023. Moscow: LLC “First Economic Publishing House”, 2023:18-23 [In Russian]. DOI 10.18334/9785912924927.18-23. EDN MXOVAG.
2. Zhiltsov S.S. The problem of water resource scarcity in Central Asia: the Afghan factor. Problemy postsovetского prostranstva [Problems of the post-Soviet space]. 2023; 10 (2):110-119 [In Russian]. DOI 10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119. EDN OQTYBK.
3. Kochetkov V.V., Medvedkov A.A., Kuzmenko E.A., Nessar O.M. “Water wars” as a source and instrument of international conflicts. Russia&World: Scientific Dialogue. 2023; 4(10):118-133 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-118-133](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-118-133).
4. Makkambaev P.A. Current state of the emerging regional security system in Central Asia. E'konomika Central'noj Azii [Economy of Central Asia]. 2021; 5. (3):273-296 [In Russian]. DOI 10.18334/asia.5.3.112997. EDN ZANNOD.
4. Nori S.M. Problems of transboundary water resources management in Afghanistan. Central'noaziatskij zhurnal issledovaniy vodny'x resursov [Central Asian Journal of Water Resources Research]. 2020; 6 (1-2):19-43 [In Russian]. DOI 10.29258/CAJWR/2020-R1.v6-1/19-43.rus. EDN KQKWJN.

About the author

Ali M. MUSTAFABEYLI. CandSc (Hist.). Deputy Director of the Institute of Topical International Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, Russia. <https://orcid.org/0009-0007-7158-6546>. Address: 53/2, building 1, Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russia. gulara1972@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 18, 2024. Approved after peer review: April 20, 2024. Accepted for publication: April 22, 2024. Published: May 15, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327.51

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-80-93](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-80-93)

Политические науки

Перспективы интеграции Китая и ОДКБ

Сергей Владимирович Уянаев^{1a}✉, Антон Викторович Бредихин^{2b}✉

¹² Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия

^a svuyav@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-5471-8224>

^b bredikhin90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Аннотация. Современные вызовы Запада, пакеты европейских и американских санкций, специальная военная операция на Украине способствовали переориентированию России на Восток не только в торгово-экономическом и энергетическом плане. Особую актуальность приобрел вопрос военно-политического сотрудничества, в частности, между странами Организации Договора о коллективной безопасности и Китайской Народной Республикой. Согласованность их действий как по линии «ОДКБ + 1», так и «ОДКБ + Шанхайская организация сотрудничества» способствовала проявлению довольно перспективных контуров их взаимодействия, определяющих новый виток в развитии ОДКБ, хотя некоторые его участники и заявляют о возможности выхода из состава Договора (Армения). Но есть и страны, готовые принять более активное участие в его работе (Сирия, КНДР). При этом ни одна из стран ОДКБ не направила свои военные контингенты в поддержку российской армии на СВО.

Особое место в системе взаимоотношений ОДКБ и Китая занимает Центрально-Азиатский регион: так, миротворческая операция стран ОДКБ в январе 2022 г. в Казахстане привлекла к себе пристальное внимание китайских властей, что еще раз продемонстрировало их заинтересованность в региональной стабильности. В условиях американского давления на Китай его власти неоднократно позитивно отзывались о совместном противодействии таким вызовам, как терроризм, сепаратизм и экстремизм («три зла»).

Цель данной работы – оценить перспективы сотрудничества в сфере противодействия «трем злам». Для достижения этой цели авторы используют метод сравнительного анализа и SWOT-оценку. Авторы приходят к выводу о том, что поскольку страны ОДКБ и Китай сталкиваются со схожими вызовами, то существует возможность ситуативного подключения Китая к военным операциям ОДКБ. Ввиду этого требуется более широкое рассмотрение вопроса о «смычке» ОДКБ и ШОС.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Китайская Народная Республика, Организация Договора о коллективной безопасности, Российская Федерация, Шанхайская организация сотрудничества

Для цитирования: Уянаев С.В., Бредихин А.В. Перспективы интеграции Китая и ОДКБ // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 80-93, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-80-93](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-80-93)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-80-93](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-80-93)

Political Sciences

Prospects for the Integration of China and the CSTO

Sergey V. Uyanaev^{1a}✉, Anton V. Bredikhin^{2b}✉

¹² Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a svuyav@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-5471-8224>

^b bredikhin90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Abstract. Modern challenges, packages of European and American sanctions, and a special military operation in Ukraine have contributed to Russia's reorientation to the East, not only in trade, economic and energy terms. The issue of military-political cooperation, in particular, between the countries of the Collective Security Treaty Organization and the People's Republic of China has acquired particular relevance. The coherence of their actions both in the direction of "CSTO + 1" and "CSTO + Shanghai Cooperation Organization" contributed to the development of interaction, a new round in the development of the CSTO, although some of its participants declare the possibility of leaving the Treaty (Armenia). But there are also countries that are ready to take a more active part in its work (Syria, North Korea). At the same time, none of the CSTO countries sent their military contingents to support the Russian army in the Northern Military District.

The Central Asian region occupies a special place in the system of relations between the CSTO and China: for example, the peacekeeping operation of the CSTO countries in Kazakhstan in January 2022 attracted the close attention of the Chinese authorities, which once again demonstrated their interest in regional stability. In the context of American pressure on China, its authorities have repeatedly spoken positively about jointly countering such challenges as terrorism, separatism and extremism ("three evils").

The purpose of this work is to assess the prospects for cooperation in the field of countering the "three evils". To achieve this goal, the authors use the comparative analysis method and SWOT assessment. The authors come to the conclusion that since the CSTO countries and China face similar challenges, there is a possibility of situational involvement of China

in the military operations of the CSTO. Therefore, a broader consideration of the “linkage” between the CSTO and the SCO is required.

Keywords: Eurasian integration, People’s Republic of China, Collective Security Treaty Organization, Russian Federation, Shanghai Cooperation Organization

For citation: Uyanaev S.V., Bredikhin A.V. Prospects for the Integration of China and the CSTO. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2024; 2(12): 80-93, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-80-93](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-80-93)

Введение

Внешнеполитический разворот Российской Федерации на Восток актуализировал вопрос о формировании новой военно-политической стратегии нашей страны. Речь в том числе идет о расширении круга наших возможных союзников и партнеров. В условиях продолжения специальной военной операции (СВО) [1] и усиления западного санкционного курса особую злободневность обрела проблематика деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). И особый интерес вызывают вопросы, связанные с подходами, которых придерживается КНР в отношении Организации. Прямо или косвенно официальный Пекин неоднократно демонстрировал внимание к ОДКБ. Как, например, отмечал в телефонном разговоре с В.В. Путиным в канун 2022 г. глава КНР Си Цзиньпин, китайская сторона готова «сотрудничать с Россией и государствами-членами ОДКБ по гибкому и различному формату в интересах безопасности и стабильности в регионе»¹.

Материалы и методы

В статье используется широкий спектр научно-аналитических исследований, в том числе ведущих ученых Института Китая и современной Азии Российской академии наук, что позволяет говорить о качественном и объективном подходе к тематике при подготовке научной работы. Рассмотрены действующие международные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность международных блоков и организаций, в первую очередь Шанхайской организации сотрудничества.

Авторами осуществлен контент-анализ российских и китайских СМИ в целях выяснения и уточнения мнения политиков и политических экспертов по данной проблематике.

Особое внимание уделено методу институционализма, позволяющему рассмотреть и сравнить принципы работы крупных международных наднациональных акторов, таких как ШОС, ОДКБ.

¹ Председатель Си Цзиньпин провел встречу с Президентом РФ В. Путиным в формате видеоконференции. 2021-12-15. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202112/t20211216_10470464.html.

Результаты исследования

Очевидно, что начавшаяся в феврале 2022 г. СВО расставила существенные акценты в эволюции международного военно-политического ландшафта, что не могло не затронуть текущую и будущую повестку ОДКБ.

Что касается позиции ОДКБ по СВО, то ни одна из стран-участниц не приняла участие в ней, за исключением Белоруссии, предоставившей свою территорию для размещения российских войск и госпиталей. Ни один из членов ОДКБ не признал частями Российской Федерации вошедшие в ее состав Республику Крым, город федерального значения Севастополь, Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую и Херсонскую области.

Вооруженные силы Республики Южная Осетия-Алания, которая признала ДНР и ЛНР, вошли в состав армии Российской Федерации². Но как государство РЮО не вступила в ОДКБ, при этом de facto оказавшись под защитой войск РФ – страны-участницы Организации.

Особый статус приобретают Приднестровье и Карабах, на территории которых находятся российские миротворцы, управление которыми осуществляется при участии официальной Москвы. В военной операции на территории Сирийской Арабской Республики приняли участие, кроме российских войск, военные подразделения Армении.

Карабахская война 2020 г. завершилась вводом российских миротворцев на территорию Нагорного Карабаха, что вызвало определенную негативную реакцию в Армении. По крайней мере одно из выступлений премьер-министра Армении Никола Пашиняна было расценено как начало движения Армении к выходу из ОДКБ. Подобная позиция была обусловлена «невмешательством ОДКБ» в армяно-азербайджанское противостояние 2022 г.

Относительно перспектив Организации Договора о коллективной безопасности, численности и состава ее участников имеются и иные оценки. По результатам Московского саммита ОДКБ, прошедшего 16 мая 2022 г., министр обороны Белоруссии Виктор Хренин заявил о возможном принятии новых членов: «Это будут десятки государств, которые ценят мир и стабильность, а не агрессивность и изменение политического строя других государств»³. В подобном же ключе высказался генеральный секретарь Организации Станислав Зась, не исключивший, что «ОДКБ будет прирастать партнёрами, наблюдателями и членами Организации»⁴.

О перспективе вступления в ОДКБ новых участников упоминают, в частности, в связи Сирией: «Если это будет выгодно всем – и Сирии, и России, и другим

² Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о порядке вхождения отдельных подразделений Вооруженных Сил Республики Южная Осетия в состав Вооруженных Сил Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456059687>.

³ Сенсация Московского саммита: ОДКБ будет расширяться. Кто и когда // Царьград. URL: https://tsargrad.tv/articles/sensacija-moskovskogo-sammita-odkb-budet-rasshirjatsja-kto-i-kogda_549214.

⁴ Там же.

нашим партнерам по ОДКБ – то я не исключаю такой возможности»⁵, – заявил, например, по поводу возможного расширения ОДКБ заместитель министра обороны Российской Федерации Андрей Картаполов. Добровольцы из Сирии приняли участие в СВО.

Аналогичным образом в случае участия в СВО северокорейского военного контингента, о чем как о возможной перспективе говорят в некоторых СМИ, рассматривается вероятность подключения к ОДКБ и Корейской Народно-Демократической Республики. При этом очевидно, что сирийский и северокорейский сюжеты изменили бы статус ОДКБ как наднационального интеграционного объединения государств сугубо постсоветского пространства.

Можно также встретить рассуждения о возврате в ОДКБ покинувшего ее ряды в 1999 г. Азербайджана, хотя сегодня в условиях все еще не урегулированного карабахского конфликта такая перспектива выглядит проблематичной. Кроме того, в качестве препятствия эксперты порой называют участие Азербайджана в Движении неприсоединения. Но членом ДН является и состоящая в ОДКБ Белоруссия, а странами-наблюдателями выступают Российская Федерация, Кыргызстан и Таджикистан, что нивелирует данное обстоятельство как невозможность параллельного членства в ОДКБ.

Импульсом к расширению ОДКБ может стать наращивание миротворческих операций силами входящих в ее состав государств. В июне 2022 г. президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев внес предложение в парламент страны «о направлении миротворческого контингента Вооруженных сил совокупной численностью порядка 430 военнослужащих для участия, во-первых, в многопрофильной комплексной миссии в Центрально-Африканской Республике, во-вторых, в миссии ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго, в-третьих – многопрофильной комплексной миссии по стабилизации ситуации в Мали и, в-четвертых, в миссиях временной силы в Ливане»⁶. Подведение таких миротворческих миссий под флаг ОДКБ могло бы стать серьезным поводом для обсуждений в рамках Организации. Первичная основа для продвижения этого вопроса имеется: в 2018 г. между Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности и Организацией Объединенных Наций был подписан Меморандум о взаимопонимании. Документ касается только сферы борьбы с терроризмом, однако он четко свидетельствует о вероятности сотрудничества двух организаций в принципе, а значит – и о возможности расширения векторов их взаимодействия⁷.

5 Минобороны не исключило вхождение Сирии в ОДКБ // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210820/siriya-1746640366.html>.

6 Казахстан направит миротворцев в Африку и Ливан // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/30/mirotvor/>.

7 Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности и Организацией Объединенных Наций в лице Контртеррористического управления Организации Объединенных Наций. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/un/memorandum-o-vzaimoponimanii-mezhdu-sekretariatom-odkb-i-oon-v-litsetku-oon/#loaded.

ОДКБ – Китай: новый блок на евразийском пространстве?

Китай признает роль ОДКБ как ведущего механизма безопасности в СНГ. Тому есть немало примеров. В частности, еще летом 2011 г. на фоне кровопролитных внутренних событий в Киргизии и звучавших тогда подспудных упреков в адрес Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в «бездействии» китайские представители не без оснований указывали, что круг вопросов антиэкстремистской и антитеррористической борьбы в гораздо большей степени является прерогативой ОДКБ, а не ШОС, которая «не является военным союзом». И не случайно, что спустя десятилетие в Пекине с пониманием отнеслись к участию в урегулировании событий на юге Казахстана именно ОДКБ.

Не будет большим откровением предположить, что вопрос «выхода» КНР на более высокую ступень взаимодействия с ОДКБ – это в значительной мере тема перспектив военно-политического союза между КНР и РФ.

На этот счет существуют различные экспертные точки зрения, и тема «союз – не союз» продолжает обсуждаться, несмотря на официальную позицию сторон, согласно которой их отношения «не являются союзом». При этом уместно обратить внимание на особенности китайского подхода, отражающего в известной мере традиционную политическую культуру Поднебесной. Он базируется на так называемом принципе «трех НЕ», где в первую очередь делается упор на понятии «несоюз» (две другие составные части – это «неконфронтация» и «ненаправленность против третьих стран»)⁸.

Параллельно в своей официальной политической и экспертной риторике стороны стали прибегать к тезису о том, что «не являясь военно-политическим союзом, подобно союзам, сложившимся в период холодной войны, российско-китайские отношения превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия»⁹.

Видимо, опираясь на такое достаточно широкое толкование вопроса, в экспертных разработках продолжают встречаться ссылки на следующие слова Си Цзиньпина, сказанные на заседании по случаю 95-летия КПК: «Я считаю, что Россия и Китай могут создать альянс, перед которым НАТО будет бессильно и это положит конец империалистическим стремлениям Запада»¹⁰.

В связи с подобными заявлениями в сообщениях информационных агентств стали появляться упоминания (пусть и большей частью спекулятивного характера) о создании некой «Восточной Антанты». Гораздо более близко к объективной картине стоит тезис о том, что оба государства в своем практическом взаимодействии в сфере обороны и безопасности подошли к состоянию «отложенного военно-политического

8 На эти принципы вновь указывали на рубеже 2022–2023 гг. бывший и нынешний министры иностранных дел КНР Ван И и Цинь Ган. Цит. по: Помня о мире, смело двигайтесь вперед и напишите новую главу о дипломатии великой страны с китайскими особенностями. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjbzhd/202212/t20221225_10994826.shtml.

9 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONxOFSpUGxPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf>.

10 Си Цзиньпин: Альянс с Россией сметет НАТО и изменит миропорядок. URL: <https://vegchel.ru/index.php?newsid=26210>.

союза». Это понятие было введено в политологический оборот экспертами Института Китая и современной Азии РАН и Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) [5].

Достаточно определенно недавно высказался по вопросу сотрудничества с ОДКБ председатель постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) КНР Ли Чжаньшу, заявивший, что Китай готов «продолжать взаимодействие с этой Организацией в гибком формате, совместно защищать региональную безопасность и стабильность», добавив, что тем самым КНР намерена «претворять в жизнь выдвинутую председателем КНР Си Цзиньпином инициативу по глобальному развитию и безопасности»¹¹.

Укрепление связей с ОДКБ обусловлено и ростом давления американской стороны на Пекин.

По словам постпреда Китая в ООН Чжан Цзюня, Китай «активизирует внешнеполитические контакты и координацию с государствами-членами ОДКБ и будет осуществлять тесное сотрудничество на многосторонних площадках, таких как ООН, с тем, чтобы внести позитивный вклад в поддержание международного порядка, основанного на международном праве, и сохранение ведущей координирующей роли ООН в международных делах»¹².

Одним из главных «узлов» пересечения военно-политических интересов ОДКБ и Китая выступает Центральная Азия. Миротворческая операция войск ОДКБ в Казахстане в январе 2022 г. показала заинтересованность китайской стороны в стабилизации региона. Войска государств-участников объединения были размещены на территории Казахстана в соответствии со ст. 2 и 4 Договора о коллективной безопасности ОДКБ.

По заявлению посла Китая в России Чжан Ханьхуэя, «Китай готов продолжать углублять стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией в Центральной Азии, твердо поддерживать нынешние режимы стран Центральной Азии, противостоять внешнему вмешательству, решительно предотвращать «цветные революции» и совместно бороться с «тремя силами» (терроризм, экстремизм и сепаратизм – прим. авт.)»¹³. Как полагают многие влиятельные эксперты, ситуация, связанная с участием ОДКБ в казахстанских событиях, показала, что у России и Китая есть много общих заинтересованностей и выигрышных импульсов к сотрудничеству¹⁴.

Центральная Азия выступает регионом, где расположены военные объекты ряда азиатских стран, не состоящих в ОДКБ. На территории Таджикистана в Горном

¹¹ В режиме «гибкого формата»: почему в Пекине заговорили о готовности развивать взаимодействие с ОДКБ // RT. URL: <https://russian.rt.com/world/article/990985-kitai-odkb-sotrudnichestvo>.

¹² Remarks by Ambassador Zhang Jun at Security Council Debate on Cooperation Between the United Nations and Regional and Subregional Organizations in Maintaining International Peace and Security (CSTO). URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbdb_665378/202202/t20220217_10643165.html.

¹³ Посол КНР опроверг сообщения о намерении Китая направить войска в Казахстан // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/815066>.

¹⁴ China and Russia Both Benefit From the CSTO Intervention in Kazakhstan // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/01/china-and-russia-both-benefit-from-the-csto-intervention-in-kazakhstan/>.

Бадахшане находится китайский военный пост. Индийские авиабазы расположены в Фархоре и Западном Душанбе. Активную работу ведет Организация тюркских государств по созданию «Армии Турана» с тюркоязычными государствами региона.

С одной стороны, данное обстоятельство (особенно в последнем случае) может служить поводом для озабоченностей. Но с другой – может рассматриваться как толчок к налаживанию мостов коммуникации, которые служили бы уставным интересам ОДКБ, включая профилактику возможных новых вызовов. Итогом такой коммуникации потенциально могло бы стать расширение военно-политического сотрудничества с заинтересованными странами, вплоть до их вступления в состав ОДКБ.

Интеграция ОДКБ и ШОС: не слияние, а взаимодополнение

Еще одним путем налаживания взаимодействия между ОДКБ и Китаем может служить направление, связанное с сотрудничеством между ОДКБ и Шанхайской организацией сотрудничества. Членами ШОС являются действующие члены ОДКБ – Российская Федерация, Казахстан, Киргизия, Таджикистан; наблюдателем ШОС, в отношении которого запущена процедура вступления в ряды Организации, является Белоруссия, а партнером по диалогу – Армения.

Взаимоотношения между двумя объединениями уже имеют определенную нормативно-правовую базу, включающую, например, Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ (подписан 5 октября 2007 г. в Душанбе), «Протокол о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и РАТС ШОС (подписан в июне 2011 г. в Астане) [8, с. 191]. Как отмечают эксперты, «идет принятие согласованных мер взаимодействия с ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС в интересах обеспечения коллективной безопасности» [7]. На это обращают внимание и авторитетные китайские специалисты, подчеркивающие, что «посредством ШОС и ОДКБ Китай и Россия должны усилить сотрудничество, чтобы совместно бороться с общими угрозами и укреплять взаимодоверие». Как отмечал один из ведущих китайских экспертов по России, профессор Центра России и Центральной Азии Института международных исследований Фуданьского университета Чжао Хуашэн, «очевидно, ШОС и ОДКБ должны состоять в тесных партнерских отношениях, а их сотрудничество не является нелогичным»¹⁵.

При этом важно учитывать, что сама ШОС не является военно-политическим блоком, но продвигает «Новую концепцию безопасности», в рамках которой достигнуты определенные результаты в противодействии вызовам и угрозам («три зла»), в выявлении, предупреждении и пресечении действий этих «сил» на территориях государств-членов ШОС, в устранении причин и условий возникновения и распространения данных опасных явлений, а также в противодействии распространению их идеологии и пропаганды [2].

Интеграция по линиям ШОС – ОДКБ, Китай – ОДКБ поставит перед участниками военно-политического блока вопрос о его позиции в свете территориальных

¹⁵ Ван Чаоцин. Международное сотрудничество в области безопасности между ШОС и ОДКБ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 123–127.

споров в Южно-Китайском море [9], а также на индийско-китайской границе, включая кашмирский вопрос [7]. В связи с этим ряд экспертов полагает, что формирование коллективной безопасности по линии ШОС – ОДКБ актуализирует задачу становления собственного институционального механизма евразийской безопасности посредством военно-экономического сотрудничества и стимулирования идей справедливого многополярного миропорядка [7]. Однако в любом случае речь вряд ли может идти о некоем «слиянии» двух организаций. Гораздо более реалистичным и продуктивным видится путь сближения, взаимодействия и взаимодополнения.

Такой интеграции ОДКБ и ШОС, кроме России и Китая, могут способствовать и другие страны. Например, Иран, вошедший в ШОС и направивший своих представителей на заседание Парламентской ассамблеи ОДКБ в 2022 г. Эта страна является членом Движения неприсоединения и имеет соглашение о зоне свободной торговли с ЕАЭС. О возможности более плотного сотрудничества ОДКБ и Индии заявляла российская сторона.

Что касается Афганистана, то его проблематика находится в фокусе внимания и ШОС, и ОДКБ. Об этом говорит сам факт проведения в сентябре 2021 г. совместного саммита лидеров государств-членов ШОС и ОДКБ по афганской проблеме. В выступлениях на форуме, в частности, в речи председателя КНР Си Цзиньпина содержался призыв к соседям Афганистана «совместно работать над смягчением ситуации в истерзанной войной стране и оказывать гуманитарную и противопандемическую поддержку ее народу»¹⁶.

Иными словами, потенциал сотрудничества есть. Проблема состоит в том, что на протяжении полутора десятков лет со времени принятия в 2007 г. Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности (он упоминался выше) претворение в жизнь его положений осуществляется медленно и пока не носит активного и целенаправленного характера. Редким исключением сравнительно недавнего времени служит принятый в 2018 г. «Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия между РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариатом ОДКБ». Однако и в этом случае мы имеем дело лишь с декларацией о намерениях, которые опять-таки нуждаются в практической имплементации.

Понятно, что сближение не может и не должно носить искусственный характер. Но современная ситуация быстро меняется. В условиях резко ускорившихся с весны 2022 г. международных трансформаций, которые в лице украинского кризиса и нагнетания обстановки вокруг Тайваня имеют либо уже реальное, либо потенциальное военное измерение, тема активизации деятельности ШОС по одной из ее базовых целевых линий – обеспечению безопасности – приобретает повышенную актуальность. Причем практическим наполнением такого сотрудничества видится как раз интенсификация взаимодействия с ОДКБ. Тем более что направления такого

взаимодействия, включая, прежде всего, «обеспечение региональной и международной безопасности и стабильности», были четко прописаны еще в двустороннем Меморандуме ШОС и ОДКБ от 2007 г.

Есть основания полагать, что такое видение все более отчетливо проступает в подходах «тяжеловесов» ШОС – России и Китая. Неслучайно, что в подписанном 21 марта 2023 г. в Москве «Совместном российско-китайском заявлении» подчеркнут «позитивный вклад ОДКБ в обеспечение региональной безопасности» и отмечен «потенциал для развития сотрудничества между ОДКБ и КНР». Понятно, что такое сотрудничество стало бы ключом и непосредственным импульсом к координации ОДКБ и ШОС и даже к их совместным действиям.

Включение данного положения в этот системный российско-китайский документ служит новым показателем того, что в отношениях России и Китая крепнет проявившееся в последние годы совпадающее представление об интегрированном евразийском пространстве безопасности «от Беларуси до Тайваня», которое как раз и является зоной ответственности и ШОС, и ОДКБ. Причем очевидно, что формированию такого подхода в немалой степени способствовали действия НАТО. Как это наглядно продемонстрировал, например, Мадридский саммит Альянса в 2022 г., доктринальной сферой интересов НАТО все более отчетливо становится не только традиционная Северная Атлантика, но и Восточная Азия¹⁷. Добавим, что к Центральной Азии НАТО проявляет повышенное внимание (в контексте ситуации в Афганистане) и далеко не первый год.

Повторим, что мотивы и потенциал взаимодействия у ШОС и ОДКБ есть. Но для конвертации намерений в совместные шаги в деле укрепления обороны и безопасности необходима твердая готовность двигаться по практическим линиям, причем во главе угла стоит задача дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, ставящей на должную легитимную основу направления и формы сотрудничества ОДКБ и ШОС.

Во-первых, здесь следует обратить внимание на совместную задачу скоординированного противодействия ШОС и ОДКБ ряду сравнительно новых рисков, которые, к слову, были порождены упомянутой выше активностью Запада. Речь, в частности, идет о проведенном в августе 2022 г. на территории Таджикистана – государства, входящего и в ШОС, и в ОДКБ, командно-штабных учений «Региональное сотрудничество-2022». Как подчеркнуто на сайте американского посольства в Душанбе, учения с участием стран Центральной и Южной Азии ежегодно «организуются Центральным командованием США» и проводятся в разных странах региона¹⁸. В учениях 2022 г. помимо организаторов в лице Пентагона и хозяев приняли также участие военные из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Монголии и Пакистана. Емкую оценку этому событию дал секретарь Совета Безопасности РФ Н.Патру-

¹⁶ Nations urged to assist Afghan reconstruction // ChinaDaily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202109/18/WS61451e44a310e0e3a68226de.html>.

¹⁷ «План Столтенберга» – план войны XXI века коллективного Запада против России и Китая. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/202272130-8C3gQ.html>.

¹⁸ Военные учения «Региональное сотрудничество – 2022» начались в Душанбе. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/>.

шев, подчеркнувший, что подобные мероприятия «нужны американцам, в первую очередь, для изучения потенциального театра военных действий, уточнения координат перспективных целей и корректировки цифровых карт для высокоточного оружия»¹⁹. Понятно, что такого рода события прямо противоречат интересам консолидации ОДКБ и ШОС.

Выводы

В связи с вышесказанным, хотя бы в рамках ОДКБ (в ШОС это сегодня вряд ли возможно), на текущий момент жизненно важным видится заключение Соглашения, которое содержало бы запрет на участие в учениях, подобных упомянутому выше.

Не менее актуальными являются выработка и принятие Соглашения, регламентирующего проведение отсутствующих пока военных учений по линии ШОС – ОДКБ. Важно, что такой подход разделяется китайским экспертным сообществом, некоторые специалисты которого прямо говорят, что реальное сотрудничество ШОС и ОДКБ «необходимо начать с совместных антитеррористических военных учений» [3].

Не лишним был бы и документ, регулирующий позицию ОДКБ в отношении страны-участницы Организации, ведущей боевые действия с внешними силами с целью защиты своих национальных интересов, и при этом – ориентированный на оказание помощи такому своему члену.

Далее (это, во-вторых), злободневной задачей представляется повышение возможностей ШОС и ОДКБ в деле реального противостояния нарастающим военным угрозам, в том числе на путях координации действий двух организаций. Напомним, что наиболее авторитетные участники обеих структур – Россия и Китай – объявлены в доктринальных документах США и НАТО «острой угрозой» (в случае с РФ) и «системным вызовом» (в случае Китая).

Одним из путей, который способствовал бы, с одной стороны, росту общего потенциала ШОС в обеспечении региональной безопасности, а с другой – создавал бы практические мосты взаимодействия ШОС в данной сфере с ОДКБ, является инициатива, с которой уже не один год выступает ряд российских экспертов, находящая, к слову, понимание и китайских коллег.

Инициатива учитывает, что ШОС – не военный союз, но одновременно исходит из того, что уже привычным явлением стали проводимые под эгидой ШОС ежегодные военные учения «Мирная миссия». Суть предложения состоит в том, чтобы создаваемые на период таких учений командно-штабные структуры в компактном виде и на постоянной основе были бы интегрированы в действующие механизмы ШОС, например, в Региональную антитеррористическую структуру (РАТС). В случае необходимости (критическое обострение региональных угроз) такая «сжатая» штабная группа могла бы быть быстро развернута в полноценный командно-штабной меха-

низм, способный, в свою очередь, стать основой развертывания соответствующих воинских контингентов стран-участниц, подготовленных в ходе тех же учений «Мирная миссия» [6].

Наличие в ШОС на официальной и легитимной основе такого рода структуры стало бы шагом к созданию насущно необходимой правовой базы для координации потенциалов ШОС и ОДКБ, которая обосновывала бы их совместные действия. Тогда государства-участники двух организаций получили бы возможность предпринимать те или иные шаги не только в обычном формате каждой из организаций, но и в составе временных коалиционных группировок для выполнения задач по устранению возникшей угрозы, включая внешние угрозы в отношении любой из стран ШОС или ОДКБ.

Все перечисленное, особенно в свете приведенного выше пункта российско-китайского заявления о сотрудничестве между ОДКБ и КНР, имеет отношение и к вопросу о возможности ситуативных подключений Китайской Народной Республики к деятельности ОДКБ. Тем более что именно о таком варианте в виде формата «ОДКБ + 1», предусматривающего «выборочное участие Китая в части обеспечения безопасности в Центральном-Азиатском регионе», уже не один год говорят (вновь подчеркнем это) и китайские ученые.

Подобный сценарий означал бы выход оборонного взаимодействия РФ и КНР на новый качественный уровень и заодно снизил бы неопределенность продолжающихся дискуссий относительно перспектив российско-китайского военного союза.

Список источников

1. Бредихин А.В. Гражданская война на Украине: научные подходы и фактор казачества [The Civil War in Ukraine: scientific approaches and the factor of the Cossacks] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 4. С. 260–269. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.23>.
2. Бредихин А.В. Южно-Китайское море – реальность и подход России [The South China Sea – the reality and approach of Russia] // Архонт. 2022. № 2(29). С. 4–11.
3. Ван Чаоцин. Международное сотрудничество в области безопасности между ШОС и ОДКБ [International security cooperation between the SCO and the CSTO] // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 123–127.
4. Клименко А.Ф. Некоторые вопросы развития российско-китайского партнерства в сфере безопасности и современных условиях [Some issues of the development of the Russian-Chinese partnership in the field of security and modern conditions] // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 51–65. DOI: [10.24411/2618-6888-2020-10003](https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10003).
5. Клименко А.Ф. Российско-китайское сотрудничество в сфере безопасности [Russian-Chinese cooperation in the field of security] // Евразийское пространство: новые векторы и приоритеты. Риски и возможности для России. М.: ИДВ РАН. 2021. С. 10–24.
6. Клименко А.Ф., Кулинцев Ю.В., Уянаев С.В. ШОС: проблемы и возможные пути их решения [SCO: Problems and possible solutions] // Аналитические записки ИККА РАН, 2023. № 3. С. 29–30. DOI: [10.48647/ICCA.2023.61.66.026](https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.61.66.026).
7. Ступаков Н.В. Генезис евразийского сотрудничества государств СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС в свете итоговых документов саммита ШОС 2018 г. в Циндао (Китай) как меры обеспечения коллективной безопасности в условиях многополярного мира [The genesis of Eurasian cooperation between the CIS, EAEU, CSTO, SCO states in the light of the final documents of the 2018 SCO summit in Qingdao (China) as measures to ensure collective security in a multipolar

¹⁹ Патрушев предупредил коллег по ШОС об опасности совместных с США учений. URL: <https://tass.ru/politika/15536949>.

- world] // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 1(14). С. 6–18.
8. Усенбаева Ж.Р., Абилова А.Ы. Особенности взаимоотношений Китайской Народной Республики и государств Центральной Азии в рамках региональных международных организаций [Peculiarities of relations between the People's Republic of China and the Central Asian states within the framework of regional international organizations] // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2022. № 1. С. 191–195. DOI: 10.26104/NNTIK.2019.45.557.
 9. Ядыкина Т.С. Многолетняя проблема Кашмира как ядро основного противостояния Индии и Пакистана: основные его периоды и последствия [The long-term problem of Kashmir as the core of the main confrontation between India and Pakistan: its main periods and consequences] // Архонт. 2020. № 3(18). С. 96–103.
 10. China and Russia Both Benefit From the CSTO Intervention in Kazakhstan // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/01/china-and-russia-both-benefit-from-the-csto-intervention-in-kazakhstan/>.

Информация об авторах

УЯНАЕВ Сергей Владимирович. Кандидат исторических наук. Заместитель директора Института Китая и современной Азии Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0002-5471-8224>. Адрес: Российская Федерация, 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32. svuyav@yahoo.com

БРЕДИХИН Антон Викторович. Кандидат исторических наук. Ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, Мир» Института Китая и современной Азии Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>. Адрес: Российская Федерация, 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32. bredikhin90@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 февраля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 31 марта 2024 г. Принята к публикации: 1 апреля 2024 г. Опубликовано: 15 мая 2024 г. Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bredikhin A.V. The Civil War in Ukraine: scientific approaches and the factor of the Cossacks. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodny'e otnosheniya. [Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4, History. Regional studies. International relations]. 2022; 27 (4):260-269. [In Russian]. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.23>.
2. Bredikhin A.V. The South China Sea – the reality and approach of Russia. Arxont. [Archont]. 2022; 2 (29):4-11. [In Russian].
3. Wang Chaoqing. International security cooperation between the SCO and the CSTO. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. [Theory and practice of social development]. 2015; 8:123-127. [In Russian].

4. Klimenko A.F. Some issues of the development of the Russian-Chinese partnership in the field of security and modern conditions. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. [China in world and regional politics. History and modernity]. 2020; 25 (25):51-65. [In Russian]. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10003.
5. Klimenko A.F. Russian-Chinese cooperation in the field of security. Evrazijskoe prostranstvo: novy'e vektory i priority. Riski i vozmozhnosti dlya Rossii. [The Eurasian space: new vectors and priorities. Risks and opportunities for Russia]. Moscow: IDV RAS, 2021:10-24.
6. Klimenko A.F., Kulintsev Yu.V., Uyanaev S.V. SCO: Problems and possible solutions. Analiticheskie zapiski IKSA RAN [Analytical Notes of ICCA RAS]. 2023; 3:29-30. [In Russian]. DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026
7. Stupakov N.V. The genesis of Eurasian cooperation between the CIS, EAEU, CSTO, SCO states in the light of the final documents of the 2018 SCO summit in Qingdao (China) as measures to ensure collective security in a multipolar world. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskix gosudarstv: politika, e'konomika, pravo. [International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law]. 2018; 1(14):6-18. [In Russian].
8. Usenbayeva Zh.R., Abirova A.Y. Peculiarities of relations between the People's Republic of China and the Central Asian states within the framework of regional international organizations Nauka, novy'e texnologii i innovacii Ky'rgy'zstana. [Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan]. 2022; 1:191-195. [In Russian]. DOI: 10.26104/NNTIK.2019.45.557
9. Yadykina T.S. The long-term problem of Kashmir as the core of the main confrontation between India and Pakistan: its main periods and consequences. Arxont [Archont]. 2020; 3 (18):96-103. [In Russian].
10. China and Russia Both Benefit From the CSTO Intervention in Kazakhstan. Diplomat. [The Diplomat]. [Available from]: <https://thediplomat.com/2022/01/china-and-russia-both-benefit-from-the-csto-intervention-in-kazakhstan/>. [In English].

About the authors

Sergey V. UYANAЕV. CandSc (Hist). Deputy Director, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-5471-8224>. Address: 32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117997, Russian Federation. svuyav@yahoo.com

Anton V. BREDIKHIN. CandSc (Hist). Leading Researcher at the Center “Russia, China, the World” of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>. Address: 32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117997, Russian Federation. bredikhin90@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: February 23, 2024. Approved after peer review: March 31, 2024. Accepted for publication: April 1, 2024. Published: May 15, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты
и процессы

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure

Social Institutions and Processes

Political sociology

Латышей и русских разделяют не столько этнические особенности или специфика культуры и традиций, сколько вопросы политической истории... Недружественное и даже враждебное отношение латвийского государства к России и русским инициируется в основном не жителями, а правящей политической элитой, поведение которой всецело определяется интересами западных стран.

Воронов В.В.

Профили дивергенции коммуникативных процессов между Латвией и Россией

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.77

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-96-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-96-123)

Профили дивергенции коммуникативных процессов между Латвией и Россией

Виктор Васильевич Воронов✉

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
voronov@isras.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1022-3692>

Аннотация. В статье, основываясь на большом объеме литературы, социологических исследований, различных статистических и аналитических материалов, нормативных актов, материалов различных массмедиа и социальных сетей, представлен анализ углубляющегося раскола исторически схожих (по критериям Г.Хофстеде) соседних обществ Латвии и России. Рассматриваются 12 групп коммуникаций, определяющих содержание информационного пространства Латвии по отношению к России: внешняя политика, экономика, отношение к России и русским, образование, наука, культура, медиа, некоммерческие организации, молодежь, свобода передвижения, религиозные и межрелигиозные, межрегиональные коммуникации. Результаты исследования показывают, что латышей и русских разделяют не столько этнические особенности или специфика культуры и традиций, сколько вопросы политической истории. При этом негативизация российского государства и русских предпринимается в основном не населением, а правящей политической элитой Латвии, поведение которой всецело определяется интересами стран англосаксонского мира. Очевидное в настоящее время расхождение (дивергенция) путей развития исторически схожих обществ, веками находившихся в одном цивилизационном пространстве, привело к дифференциации проявлений коммуникации. Признаки ускоряющегося расхождения коммуникационных процессов между Латвией и Россией характерны для внешнеполитических коммуникаций, отношений к России и русским, культуры, средств массовой коммуникации и некоторых других областей. Профили сдерживания дивергенции коммуникационных процессов характерны для религиозных и межрелигиозных

коммуникаций, молодежных, научных, свободы передвижения и некоторых других. Полученные результаты позволяют со сдержанным оптимизмом надеяться на восстановление добрососедских коммуникативных связей и отношений между Латвией и Россией в обозримом будущем.

Ключевые слова: коммуникационный режим, группы коммуникаций, Латвия, враждебность, дифференцированность процессов, Россия

Для цитирования: Воронов В.В. Профили дивергенции коммуникативных процессов между Латвией и Россией // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 96-123, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-96-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-96-123)

Original Article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-96-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-96-123)

Divergence Profiles of Communication Processes between Latvia and Russia

Viktor V. Voronov✉

Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
voronov@isras.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1022-3692>

Abstract. The article, based on scientific literature and a large number of sources: sociological studies, various statistical and analytical materials, regulations, materials from mass media and social networks, provides an analysis of the deepening split in historically similar (according to G.Hofstede's criteria) neighboring societies of Latvia and Russia. 12 groups of communications are considered that determine the content of the information space of Latvia in relation to Russia: foreign policy, economics, attitude towards Russia and Russians, education, science, culture, media, non-profit organizations, youth, religious and interreligious, freedom of movement, interregional communications. The results of the study show that Latvians and Russians are divided not so much by ethnic characteristics or the specifics of culture and traditions, but by their attitude to political history. At the same time, the negativization of the Russian state and Russians is undertaken mainly not by the population, but by the ruling political elite of Latvia, whose behavior is entirely determined by the interests of the countries of the Anglo-Saxon world. At the same time, the currently obvious divergence (divergence) in the development paths of historically similar societies that have been in the same civilizational space for centuries has led to differentiation in the manifestations of communication. Signs of an accelerating divergence in communication processes between Latvia and Russia are manifested in foreign policy communications, attitudes towards Russia and Russians, in culture, in the media and some other areas. Profiles of containing the divergence of communication processes – in religious and interreligious communications, youth, scientific communications, freedom of movement, etc. The results obtained allow us to hope with cautious optimism for the restoration of good-neighborly communication relations between Latvia and Russia in the foreseeable future.

Keywords: communication regime, communication groups, Latvia, hostility, differentiation of processes, Russia

For citation: Voronov V.V. Divergence Profiles of Communication Processes between Latvia and Russia. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 2(12): 96-123. doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-96-123

Введение

Завершение эпохи глобализации характеризуется нарастанием конфликтогенных процессов в экономических, политических, социокультурных сферах современных обществ в различных макрорегионах мира, которые обусловлены фундаментальными различиями политических элит западной и других цивилизаций в понимании ценностей будущего мироустройства. Не избежали этих процессов и постсоветские страны. Наиболее очевидно проявляется расхождение путей развития у стран, выбравших не традиционную модель развития, как Россия, а западную модель, как страны Балтии [8]. Рассмотрим признаки такого расхождения и их особенности на примере коммуникационных процессов в Латвии. При этом системный анализ показывает, что недружественное и даже враждебное отношение латвийского государства к России и русским инициируется в основном не жителями, а правящей политической элитой, поведение которой всецело определяется интересами западных стран. Цель статьи – проанализировать признаки ускорения или сдерживания дивергенции коммуникационных процессов в Латвии по отношению к России. Для этого в работе решаются задачи рассмотрения дифференцированности недружественных коммуникационных процессов, характерных черт различных коммуникационных групп Латвии (внешняя политика, экономика, отношение к России и русским, образование, наука, культура, средства массовой информации, некоммерческие организации, молодежь, свобода передвижения, религиозные и межрелигиозные, межрегиональные коммуникации), которые рассмотрены в данной статье более подробно.

Материалы и методы

В работе наряду с отечественной и зарубежной научной литературой по теме исследования широко использованы различные эмпирические источники: результаты социологических опросов (массовых и квотных), экспертные интервью, государственные документы, выступления представителей власти, статистические данные, нормативно-правовые акты, материалы различных средств массовой информации и социальных сетей, результаты мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран [3, 7]. К указанным материалам и источникам применены научные методы исследования: исторический и логический для исследования состояния изученности проблемы расхождения коммуникационных процессов Латвии и России; сравнительный и аналитический методы для выявления тенденций в области коммуникационного режима и коммуникативных групп в Латвии на основе собранного эмпирического материала; индуктивный – для обобщения, систематизации выводов по теме исследования. Анализ проводился по 12 видам коммуникаций, разработанным учеными Национального исследовательского института развития коммуникаций (НИИРК). В 2023 г. часть материалов данной статьи вошла в отчет о мониторинге коммуникационных режимов (НИИРК) [8].

Результаты исследования

1. Внешнеполитические коммуникации

Межгосударственные отношения Латвии и России носят конфронтационный характер. В «Публичном отчете Службы государственной безопасности за 2022 год» говорится о «конфронтации России с цивилизованной частью мира». Тем самым Россия исключена из мировой цивилизации и характеризуется как в прошлом, так и в настоящем как «империалистическое государство». Государственный строй в России характеризуется как «Российский режим»¹. При этом следует иметь в виду, что, например, в «Публичном отчете деятельности Полиции безопасности в 2013 году» Россия также рассматривалась в качестве государства, представляющего угрозу национальной безопасности Латвии «усилиями по укреплению своего влияния в соседних странах, используя как политику соотечественников, так и так называемую мягкую силу и экономические инструменты».

Президент Латвии (с июля 2023 г.), а до этого министр иностранных дел (2011–2023 гг.) Э.Ринкевичс во всех своих упоминаниях России использует негативные коннотации. Он призывает жителей Латвии не посещать Россию; использовал такой эпитет по отношению к российской элите, как «шакалы»²; гражданам России «нет места в Латвии, Европе, на Украине»³; выступает за закрытие Балтийского моря для России; действия России в информационном пространстве по отношению к другим государствам характеризует как «преступные действия»⁴ и т.д. Межпарламентское сотрудничество свернуто. 17 ноября 2022 г. Сейм Латвии принял решение отказаться формировать группы депутатов в целях способствования сотрудничеству с парламентами России и Белоруссии⁵.

Если оценивать проблемы, которые затрагивают территориальную целостность латвийского и российского государства, то следует назвать невозможность заключения пограничного договора между странами. 12 января 1992 г. Верховный совет Латвийской Республики признал присоединение района города Пыталово (Абрене) к России в 1944 г. «антиконституционным» на основании того факта, что при подписа-

1 VALSTS DROŠĪBAS DIENESTS. (2022) GADA PUBLISKAIS PĀRSKATS. URL: <https://vdd.gov.lv/uploads/materials/32/lv/vdd-2022-gada-parskats.pdf>.

2 VIDEO) “Kurš šakālis kuram rikli pārgriezis.” Rinkēvičs par situāciju Krievijā. (2023) URL: <https://www.apollo.lv/7802063/video-kurs-sakalis-kuram-rikli-pargriezis-rinkevics-par-situaciju-krievija>.

3 Rinkēvičs rosina diskutēt par Baltijas jūras slēgšanu, konstatējot Krievijas vainu zemūdens infrastruktūras bojājumos. (2023) URL: <https://www.liepajniekiem.lv/zinas/sabiedriba/latvija/rinkevics-rosina-diskutet-par-baltijas-juras-slegsanu-konstatejot-krievijas-vainu-zemudens-infrastru/>.

4 Rinkēvičs: Hibriduzbrukumu gadījumā jābūt gataviem vēl negaidītām lietām. (2023) URL: <https://zinas.tv3.lv/latvija/rinkevics-hibriduzbrukumu-gadijuma-jabut-gataviem-vel-negaiditam-lietam/>.

5 Saeimā neveidos deputātu grupas sadarbībai ar Krievijas un Baltkrievijas parlamentiem. (2022) URL: <https://www.saeima.lv/lv/aktualitates/saeimas-zinas/31618-saeima-neveidos-deputatu-grupas-sadarbibai-ar-krievijas-un-baltkrievijas-parlamentiem>.

нии мирного договора в 1920 г. эта территория оставалась за Латвией⁶. С 15 октября 1991 г. этнополитический конфликт разворачивается вокруг оценки правового статуса неграждан Латвии⁷, а также статуса русского этнического меньшинства в Латвии, содержания политических, социально-экономических, языковых и культурных прав⁸ и др. В Латвии политическая элита рассматривает вопрос о правах русского населения в качестве способа, к которому прибегает Россия, чтобы задержать интеграцию Латвии в международные структуры.

Конфликтный характер межгосударственных отношений на протяжении десятилетий приводил к тому, что с 1991 г. ни один Президент Российской Федерации так и не посетил Латвию. В 2006 г. Б.Ельцин прибыл в Латвию на церемонию вручения ему ордена Трех Звезд. При этом бывший президент России сказал, что основными препятствиями для нормальных российско-латвийских отношений являются отказ от заключения договора о границе и проблема жителей Латвии русской национальности⁹. Однако в 2005 г. Россию посетила президент Латвии В.Вике-Фрейберга, а в 2010 г. – президент Латвии В.Затлерс. Но в части латышской прессы эти визиты были оценены крайне негативно, как «флирт с российским империализмом»¹⁰.

2. Экономические коммуникации

В «Публичном отчете Службы государственной безопасности за 2022 год» говорится о необходимости для латвийских предпринимателей пересмотреть сохраняющиеся экономические связи с «востоком», иначе это будет связано для них с «репутационными рисками», а для Латвии в целом угрожает «национальной экономической безопасности». Касаясь оценки России как поставщика энергоресурсов, Отчет характеризует ее в качестве «ненадежного поставщика». Поэтому рекомендуется всему Западу пересмотреть свою политику в области энергетики¹¹. Однако крайне негативно экономическое сотрудничество с Россией, особенно в сфере энергетики, оценивалось Полицией безопасности и ранее, например, в 2013 г.¹² 1 августа 2022 г. было приостановлено «Соглашение между Правительством Латвийской Республики и Правительством Российской Федерации об экономическом сотрудничестве». Поэтому вряд ли

6 Гунтарс Лагановскис (Guntars Laganovskis). Как Латвия обрела и потеряла Абрене. 05 мая 2015. URL: <https://inosmi.ru/20150505/227861983.html>.

7 Перечень основных претензий и рекомендаций международных организаций и НПО к Латвии по правам национальных меньшинств. (Справочная информация) (2003). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1665245/.

8 Юрий Подоляка, Михаил Онуфриенко. Языковой геноцид русскоязычного населения Латвии. URL: https://vk.com/wall-212459013_473147.

9 Борис Ельцин пообещал Латвии сердца россиян // Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/700383>.

10 Tālavas Taurētājs (2023). Kā Latvijas Valsts prezidenti “flirtēja” ar 9. maiju un Krievijas imperiālistu. URL: <https://talavastauretajs.com/ka-latvijas-valsts-prezidenti-flirteja-ar-9-maiju-un-krievijas-imperialismu/>.

11 VALSTS DROŠĪBAS DIENESTS. (2022) GADA PUBLISKAIS PĀRSKATS, p. 43, 49, 51. URL: <https://vdd.gov.lv/uploads/materials/32/lv/vdd-2022-gada-parskats.pdf>.

12 Publiskais pārskats par Drošības policijas darbību 2013.gadā. URL: <https://vdd.gov.lv/uploads/materials/13/lv/dp-2013-gada-parskats.pdf>.

можно говорить о площадках для публичной коммуникации в сфере бизнеса латвийских и российских предпринимателей.

После 24.02.2022 Латвия присоединилась к финансовым и экономическим санкциям Европейского союза по отношению к России (замораживание банковских резервов Центрального банка России, запрет на сотрудничество с большинством банков РФ, ограничение доступа к финансовым рынкам ЕС, ограничения по депозитам, криптовалюте и т.д.; ограничения для экспорта товаров двойного назначения, наложение санкций на десятки военных и промышленных предприятий, закрытие воздушного пространства для самолетов России, запрет на вход морских судов под флагом России, запрет транспорту России на перевозку грузов по территории Латвии, запрет на инвестиции в энергетическую отрасль России и т.д.). Однако доступные данные говорят о продолжающемся экономическом сотрудничестве российского и латвийского бизнеса. В первой половине 2022 г. общий объем торговли России и Латвии составил 1,4 млрд евро, что стало на 13% больше объема торговли за первое полугодие 2020 г. В первом полугодии 2022 г. импорт из России был в объеме 897.33 млн евро. Более половины всего объема российского экспорта составляли минеральное топливо, минеральные масла и продукты их перегонки, битуминозные вещества, минеральный воск, железо и сталь, древесина и изделия из дерева, древесный уголь. В первой четверти 2022 г. объем российских инвестиций в Латвию составлял 1,8 млрд евро, латвийских в Россию – 112 млн евро¹³.

На момент подготовки этой статьи не было информации о прекращении действия следующих документов: «Соглашение между Правительством Латвийской Республики и Правительством Российской Федерации об осуществлении таможенных формальностей в период вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил и Пограничных войск Российской Федерации, временно находящихся на территории Латвийской Республики» от 02.06.1993; подписанный 25.06.2008 «Протокол Правительства Латвийской Республики и Правительства Российской Федерации о продлении действия Соглашения между Правительством Латвийской Республики и Правительством Российской Федерации от 2 июня 1993 года о пунктах пропуска через таможенную границу»¹⁴; Закон «О соглашении между Правительством Латвийской Республики и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах» от 15.10.2003¹⁵.

13 Eiropas Savienības sankcijas pret Krievijas Federāciju. (2023) URL https://www.mfa.gov.lv/lv/eiropas-savienibas-sankcijas-pret-krievijas-federaciju?utm_source=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

14 Latvijas Republikas valdības un Krievijas Federācijas valdības PROTOKOLS par Latvijas Republikas valdības un Krievijas Federācijas valdības 1993.gada 2.jūnija vienošanās par muitas robežas caurlaides punktiem darbības pagarināšanu. (2023) URL: <https://atd.lv/lv/latvijas-republikas-vald%24%ABbas-un-krievijas-feder%24%81cijas-vald%24%ABbas-nol%24%ABgumi>.

15 Latvijas Republikas valdības un Krievijas Federācijas valdības VIENOŠANĀS par Latvijas Krievijas starpvaldību komisijas izveidošanu ekonomiskās, zinātniski-tehniskās, humanitārās un kultūras sadarbības jomās. (2023) URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/212026>.

3. Отношение к России, русским, русскоязычному населению

Отношение к России крайне негативно, особенно в официальном издании Латвийской Республики «Latvijas vēstnesis» и в таких крупнейших изданиях, как «Latvijas avīze», «Neatkarīgā rīta avīze», «Diena», а также в интернет-порталах www.delfi.lv, www.apollo.lv, www.tvnet.lv, www.lsm.lv. Эта общая линия данных изданий, утвердившаяся еще с начала 1990-х гг.

На публичных акциях латвийских государственных деятелей, политиков, общественности в течение многих десятилетий дается крайне негативная оценка внешней и внутренней политики России. Особенно такие акции участились с 2014 г. Причем в качестве объекта критики выступал (когда это еще было возможно) сам факт организации культурных мероприятий, таких как конкурс молодых исполнителей популярной музыки «Новая волна». Напротив здания посольства России размещены с февраля 2024 г. плакаты, осуждающие ее внешнюю политику¹⁶.

В подавляющем большинстве записей в латышскоязычном сегменте Интернета оценки России, основных институтов государственной власти и прежде всего президента В.Путина, внутренней и внешней политики России, ее исторического пути, экономической жизни, культуры, морали, православной церкви носят крайне негативный характер. В значительной части латышских социальных сетей давно сформирована устойчивая тенденция расистской русофобии. Она проявляется всегда, когда заходит речь о темах, которые прямо или косвенно затрагивают Россию, ее институты, ценности, русский народ. Тотальное расчеловечивание распространяется на весь русский народ, отрицается его вклад в европейскую и мировую цивилизацию и культуру. Русофобия в речах политиков, статьях журналистов, в социальных сетях всегда оставалась без оценки со стороны правоохранительных органов. Однако русофобская тенденция не является тотальной. При этом уровень русофобии в латышских социальных сетях обратно пропорционален публичной информации об успехах России. В социальных сетях на латышском языке встречаются и записи, едко высмеивающие латышских русофобов, например: «Ukrainas fronte...»¹⁷; «Cūku komikss ...»¹⁸; Veidmane E.¹⁹; «VIDEO. Laima Vaikule ...»²⁰.

16 FOTO/GALERIJAS/PIKETS PRET KRIEVIJAS AGRESIJU UKRAINĀ. (2023) URL: <https://www.lsm.lv/galerijas/23985/pikets-pret-krievijas-iebrukumu-ukraina>.

17 "Ukrainas fronte nav sabrukusi!" Slaidiņš nepiekrīt apgalvojumam, ka Ukraina jau ir zaudējusi karā (2023). URL: <https://www.la.lv/ukrainas-fronte-nav-sabrukusi-slaidins-nepiekrit-apgalvojumam-ka-ukraina-jau-ir-zaudejusi-kara>.

18 Cūku komikss: Krievijas «miera» uzturētāji (2022). URL: <https://www.lsm.lv/raksts/arpus-etera/komiksi/cuku-komikss-krievijas-miera-uzturetaji.a444898/>.

19 Veidmane E. (2022) Tā ir Krievijas tradīcija – iznīcināt brīvus cilvēkus, tautas un valstis. URL: https://m.pietiek.com/raksti/ta_ir_krievijas_tradicija_-_iznicinat_brivus_cilvekus_tautas_un_valstis/komentari.

20 VIDEO. Laima Vaikule sajūsmina latviešu auditoriju, intervijā krievu žurnālistiem norādot: "Kāda kuram ir darišana, ko mēs Latvijā darām!?" (2023). URL: <https://www.la.lv/video-laima-vaikule-sajusmina-latviesu-auditoriju-intervija-krievu-zurnalisti-noradot-kada-kuram-ir-darisana-kommes-latvija-daram>.

Отметим, что латвийское общество принадлежит, согласно критериям Г.Хофштеде, к индивидуалистическому и «женскому» типам культуры (забота о близких, законопослушание, стремление к личному успеху)²¹ с доминирующей ментальностью сельского (крестьянского) консерватизма. Латвийцам ментально ближе взаимосвязанное функционирование, развитие местной и внешней экономической, социокультурной коммуникационной среды. Принадлежность к «женскому» типу культуры является общим для латышей и русских, и это их сближает, несмотря на противодействия внешних и внутренних враждебных политических и националистических сил [16].

За последние годы практически не было масштабных социологических исследований с целью выявить отношение жителей Латвии к Российской Федерации. В некоторой степени прояснить ситуацию могут данные таких исследований, как «Возможность дестабилизации общества: потенциальные угрозы национальной безопасности» (2016); «Патриотизм в среде латвийской молодежи и общество» (2018); «Желание латвийского общества защитить государство: способствующие и ограничивающие факторы» (2020); исследование общественного мнения социологической компании SKDS (2022). В этих исследованиях утверждается, что «в Латвии уменьшилось влияние России, так как сократились чувство принадлежности к России, число российских патриотов», а также доля лиц, ориентированных на российские СМИ. По данным этих исследований, с 2008 по 2022 г. доля «патриотов России» снизилась с 12 до 4%. При этом, по данным этих исследований, и доля «патриотов России» в семьях, разговорным языком в которых является русский, также невысока: 19% (в 2018 г.), 12% (в 2022 г.), при высокой доле «патриотов Латвии» (66 и 67% соответственно²²).

Отношение к русскому населению раскрывается в «Публичном отчете Службы государственной безопасности за 2022 год», о коллективной идентичности латвийских русских говорится как о разделяющих ценности «так называемого “русского мира”». Негативно характеризуются и общественные «организации Российских соотечественников» как «прокремлевский сегмент» в Латвии. Эта политика расценивается как вид «мягкой силы» России. Негативно оценивается политика России по привлечению в высшие учебные заведения латвийской молодежи, которая становится объектом внимания со стороны спецслужб Латвии²³. По сравнению с более ранними подобными отчетами в качестве «экстремистов» называются исключительно представители русских общественных организаций. Тогда как, например, в «Публичном отчете деятельности Полиции безопасности в 2013 году» помимо русских НПО, их лидеров назывались и латышские радикальные националисты И.Шишкинс и А.Гарда²⁴.

21 Hofstede G. 6 dimensions for website.xls. Dimension Data Matrix. URL: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/>.

22 Bērziņa I. (2023) Latvijas sabiedrības un valsts attiecības Krievijas–Ukrainas kara kontekstā. Rīga: Drošības un stratēģiskās pētniecības centrs. P. 2–4. URL: https://www.mod.gov.lv/sites/mod/files/document/DSPC_Griba%20Aizstavet%20Valsti_2020_0.pdf.

23 DIENESTS VALSTS DROŠĪBAS. (2022) GADA PUBLISKAIS PĀRSKATS. P. 25–26. URL: <https://vdd.gov.lv/uploads/materials/32/lv/vdd-2022-gada-parskats.pdf>.

24 Publiskais pārskats. 2013, p. 13. URL: <https://vdd.gov.lv/noderigi/2013-gada-parskats>.

Официальная статистика содержит информацию о межэтнических браках, не выделяя возрастные группы, при этом интересна динамика за последние 50 лет. Так, если в 1970 г. 11,4% латышек выходили замуж за русских и 14,2% латышей женились на русских женщинах, то 16,8% русских женщин выходили замуж за латышей и 17,1% русских мужчин женилось на латышках. В последующее советское время эти пропорции практически не менялись. Так, в 1990 г. 11,4% латышек выходили замуж за русских и 11,8% латышей женились на русских женщинах, 15,9% русских женщин выходили замуж за латышей и 16,0% русских мужчин женилось на латышках. А в 2022 г. эти пропорции заключения русско-латышских браков практически не изменились в отношении латышей, для которых русские становились партнерами в 10–12% случаев; русские вдвое увеличили долю супругов-латышей среди всех заключенных браков: если 10,2% латышек выходили замуж за русских и 11,8% латышей женились на русских женщинах, то 31,3% русских женщин выходили замуж за латышей и 28,8% русских мужчин женилось на латышках²⁵. Эти изменения нуждаются в отдельном исследовании. Хотя одной из причин является резкое сокращение числа русских в населении Латвии за постсоветское время (в 2 раза). И, как показывает статистика по малым этническим группам (белорусам, украинцам, полякам), для них характерна не преимущественная ориентация на заключение браков исключительно в «своей» этнической среде, а ориентация на межэтнические браки. Безусловно, одним из мотивов некоторой части русских является потребность обеспечить своим детям более комфортное вхождение в латышскую среду. Отсутствуют и такие точные данные в официальной статистике, как место проживания заключающих браки. Поэтому вполне вероятно, что часть латышско-русских браков заключалась в эмиграции (в Великобритании, Ирландии и т.д.), где действие этнического фактора при выборе партнера не столь уже актуально по сравнению с Латвией.

В публичном пространстве изредка появляется информация о записи в латвийском паспорте русскими людьми своей этнической принадлежности. (Латвийский паспорт допускает фиксацию своей этнической идентичности наряду с гражданством.) Такие вопросы актуализировались в прессе уже несколько десятилетий. Например, была заметка о необходимости записи своей этнической идентичности абсолютно русскоязычным поляком, закончившим школу с русским языком обучения в Латвии²⁶. Статьи в русскоязычном сегменте Интернета за последние два года в основном обсуждают ценность совмещения нескольких этнических идентичностей в одной личности (русской, украинской, латышской), а не отказа от русской принад-

лежности²⁷. Правда, латышские антропологи считают, что «латвийские русские переживают кризис идентичности», хотя и признаются, что эта оценка носит «гипотетический характер»²⁸.

В Латвии не было исследований по этнической дискриминации русских в сфере занятости, при приеме в вузы, на работу и т.д. Однако социологи констатируют факт этносоциальной стратификации, который проявляется и в экономической жизни, учитывая явную недопредставленность этнических меньшинств в социально престижных сферах занятости – в государственном управлении, в руководстве крупного бизнеса, в науке и культуре [6].

Вопрос о соблюдении прав и свобод русскоязычного населения с момента государственной независимости Латвии в 1991 г. является предметом острых политических дискуссий. Политические партии, общественные организации, средства массовой информации, лидеры общественного мнения, ориентирующиеся на латышскую часть общества, категорически отрицают сам факт нарушения прав людей, принадлежащих к этническим меньшинствам как таковым, включая и русское население. Хотя, например, Комитет министров Совета Европы в резолюции 2021 г. отметил, что «рынок труда требует высокого уровня владения латышским языком, что... ограничивает возможность для лиц, не являющихся носителями языка (...), получить доступ к должностям на государственной службе»²⁹. В «Страновом отчете о соблюдении прав человека за 2022 год: Латвия» Государственного департамента США отмечается: «Неправительственные организации, представляющие группы меньшинств, заявили, что о дискриминации и преследовании членов групп национальных меньшинств, включая то, что они считают разжиганием ненависти, по-прежнему не сообщается властям»³⁰.

Проблему соблюдения прав и свобод русскоязычного населения поднимали главным образом политические партии и общественные организации, публицисты, ориентированные на этнических русских. Это прежде всего партия «Русский союз Латвии». Существующая редакция программы этой партии говорит о государственной политике исторической мести, направленной по отношению к латвийским русским, о принудительной ассимиляции, о «полном запрете на использование русского

27 Федотова В.А. Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. Т. 47. № 1; Бубликов В.В. Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности. НИР: грант № 20-011-00676. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47251893>; Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 54–64 и др.

28 “Латвийские русские переживают кризис идентичности” (2023). Социальный антрополог Клавс Седлениекс о том, как война изменила общество. URL: <https://news.lv/Delfi-Plus-RU/2023/01/30/latvijskie-russkie-perezhivayut-krizis-identichnosti-socialnyj-antropolog-klavssedlenieks-o-tom-kak-vojna-izmenila-obshestvo>.

29 Resolution CM/ResCMN (2021) 9 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Latvia. URL: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectid=0900001680a14111.

30 2022 Country Reports on Human Rights Practices: Latvia. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/latvia/>.

25 Подсчитано по: Laulību skaits pēc laulāto tautības – līgavaiņa tautība, Laika periods un līgavas tautība (2023). URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START_POP_IL_ILN/ILN050/.

26 Antra Kļavinska THE ETHNOLINGUISTIC SITUATION IN INDRA MUNICIPALITY IN Ā THE RURAL PART OF KR SLAVA REGION. URL: https://www.researchgate.net/publication/304478093_THE_ETHNOLINGUISTIC_SITUATION_IN_INDRA_MUNICIPALITY_IN_THE_RURAL_PART_OF_KRASLAVA_REGION.

языка в школе, о развернутом сносе памятников, посвященных освобождению Латвии от нацизма, запрете русских телеканалов, развернутой кампании русофобии в СМИ»³¹. Наиболее известные отчеты по правам русскоязычного населения в течение десятилетий в Латвии готовил Владимир Бузаев, утверждавший о наличии 84 различий в правах человека граждан и неграждан Латвии [1; 8]. Также известен в Латвии экономист и руководитель «Конгресса неграждан» Александр Гапоненко³². Социал-демократическая партия «Согласие», которая в период 2011–2022 гг. обладала крупнейшей фракцией в Сейме, а в составе последнего Сейма вообще не представлена, в своей программе не использует нарратив о нарушении прав русскоязычного населения в Латвии. При этом партия выступает за ратификацию в полном объеме «Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» и отзыв оговорок (деклараций), сделанных при ратификации конвенции. «Согласие» выступает за «использование языков национальных меньшинств в общении с государственными и муниципальными институтами в местах, где национальные меньшинства проживают традиционно или в значительных количествах..., за более широкие возможности для использования иностранных языков и языков национальных меньшинств на всех уровнях системы образования посредством использования положительного опыта билингвального образования и одновременного сбалансированного решения нескольких задач: обеспечения эффективного освоения государственного языка, сохранения этнической идентичности всех жителей» (Программа Социал-демократической..., 2011). Однако длительное время в кратком варианте своей программы «4 тысячи знаков» «Согласие» даже не упоминало о наличии в Латвии этнических меньшинств [2]. Партия «За стабильность», которая ориентирована на русскоязычное население и смогла пройти в нынешний состав Сейма в 2022 г., в своей программе выступает за право получить образование на родном языке. При этом ни одна латышская партия не предусматривает прав на образование для русского населения на его родном языке и в той или иной степени выступает за полный перевод всего образования, в том числе и частного, на латышский язык [4].

Русский язык является вторым после латышского самым распространенным языком среди населения Латвии. По данным 2017 г. (более свежей информации нет), русский язык был родным для 36% жителей Латвии, в том числе для 55,5% жителей Латгалии, для 53,5% жителей Риги и окрестностей, для 23,8% жителей Земгале, для 19,4% жителей Курземе и 9,3% жителей Видземе³³. По данным Переписи населения (2011), 37,2% жителей в домашнем общении используют русский язык как основной. Наибольший удельный вес жителей, использующих в неформальной среде русский в

качестве основного языка, достигает 60,3% в Латгалии и 55,8% в Рижском регионе. По данным «Переписи населения» 2011 г., 78,9% респондентов в Даугавпилсе, 56,8% в Резекне, 49,6% в Риге, 43,2% в Юрмале, 37,9% в Лиепае, 37,5% в Елгаве и 36,3% в Вентспилсе дома использовали в основном русский язык. Данные Переписи населения 2000 г. показали, что русский язык в качестве иностранного понимали 43,7% жителей³⁴. Однако видна тенденция снижения числа латвийцев, понимающих русский язык. Если в 1996 г. 84% жителей расценивали свои знания русского языка как хорошие, то в 2008 г. эта доля упала до 69%. Наиболее низкий уровень знания русского языка в возрастной группе 15–34-летних: 54% хорошо понимали русский язык, для 38% характерны были очень слабые знания, 8% вообще не понимали ничего по-русски³⁵. Согласно Закону о государственном языке, за русским языком не закреплен статус государственного или языка национального меньшинства. При этом Закон гарантирует «право этническим меньшинствам использовать родные и другие языки». Однако эти языки рассматриваются в качестве «иностраннных»³⁶.

4. Образовательная коммуникация

Образовательное сотрудничество между Латвией и Россией в настоящее время отсутствует. К тому же в 2023 г. Министерство образования и науки Латвии призвало Министерство внутренних дел дать оценку публичным призывам осваивать российские учебные программы в удаленном режиме³⁷. При этом до 2022 г. образовательное сотрудничество России и Латвии было представлено достаточно широко на уровне самоуправлений, прежде всего Резекне и Даугавпилса [14], ряда университетов и академий Латвии, включая и Латвийский университет. Проводились совместные университетские научные конференции и издавались сборники научных трудов, например, «Ethnicity 2021/16»³⁸.

Осенью 2017 г. Министерство образования и науки выдвинуло инициативу перехода практически всего образования этнических меньшинств на государственный язык. В начале декабря правительство в целом одобрило предложение Министерства. Предполагается постепенное проведение реформы в школах этнических меньшинств к 2021/2022 учебному году. При этом билингвальное обучение остается в дошкольных учебных заведениях, в 1–6 классах начальной школы реализуются три возможные модели билингвального обучения, а в 7–9 классах 80% учебного процесса

34 Latvijas 2000. gada tautas skatīšanas rezultāti. URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaitis/publikacijas-un-infografikas/1307-latvijas-2000>.

35 VALODA. ATSKAITE. 2008. gadā veiktā Latvijas iedzīvotāju aptauja / Baltic Institute of Social Sciences. URL: https://valoda.lv/wp-content/uploads/docs/Petijumi/Sociolingvistika/14_Valoda_2008.pdf.

36 Valsts valodas likums. URL:

37 IZM aicinājusi Iekšlietu ministriju izvērtēt publiskos aicinājumus apgūt izglītības programmas talmācībā Krievijā (2023). URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/21.07.2023-izm-icinajusi-iekšlietu-ministriju-izvertet-publiskos-icinajumus-apgut-izglitibas-programmas-talmaciba-krievija.a517305/>.

38 Ethnicity, 2021/16: Ethnicity, Memory and Social Anthropology. URL: <https://dSPACE.lu.lv/dSPACE/handle/7/56996>.

31 Програма партии Русский союз Латвии на выборах 14-го Сейма Латвии (2022). URL: <https://rusojuz.lv/programma-partii-russkij-sojuz-latvii-na-vyborah-14-go-sejma-latvii/>.

32 Александр Гапоненко (2018): Власти Латвии пытаются закрыть мне рот. URL: <https://rg.ru/2018/05/12/aleksandr-gaponenko-vlasti-latvii-pytaiutsia-zakryt-mne-rot.html>; Александр Гапоненко (2022): «В Латвии началась “спецоперация” по высылке нелояльных к нацизму». URL: <https://russkiymir.ru/publications/301201/>.

33 Arējās migrācijas apsekojuma rezultāti (t.sk. dati par valodām) (2023). Centrālā statistikas pārvalde. URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/migracija/cits/1590-arejas-migracijas-apsekojuma-rezultati>.

осуществляется на латышском языке. Средняя школа (10–12 классы) работает только на латышском языке (подробнее: [5]). В таблице приводится допустимый объем преподавания русского языка и литературы в начальной и основной школе Латвии для этнических меньшинств, существовавший до 1 сентября 2023 г., когда стал осуществляться полный переход обучения на государственный язык. В средней школе (10–12 классы) преподавание на русском языке было уже исключено. А с 1 сентября 2023 г. осуществляется тотальный переход образования этнических меньшинств на государственный язык. Возможность освоить родной язык и историю родной культуры ученики из семей этнических меньшинств могут только в рамках факультативных занятий³⁹.

Таблица 1. Количество учебных часов в неделю, отводимые на учебные предметы в школах этнических меньшинств в общеобразовательной школе (нормы, действовавшие до 1 сентября 2023 г.)

Table 1. Number of teaching hours per week allocated to academic subjects in ethnic minority schools in general education schools (standards in force until September 1, 2023).

Учебный предмет	Классы								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Язык этнического меньшинства	4	5	5	4	4	4	3	3	3
Литература (преподавание на языке этнического меньшинства)	–	–	–	1	2	2	2	2	2

Источник: Волков, 2021 [5]

Source: Volkov, 2021 [5]

Возможность обучения на русском языке отсутствует даже в частных вузах с 2021 г.⁴⁰ «Закон об образовании» (статья 11.1) предусматривает механизм признания дипломов о высшем образовании. Этот Закон не содержит нормы об исключении российских дипломов. Доступ выпускников российских школ (граждан России) в вузы Латвии регулируется Распоряжением Кабинета министров Латвии № 599 «О въезде граждан Российской Федерации в Латвийскую Республику» (срок действия существующей редакции 27.06.2023 – 04.03.2024). Согласно этому документу, въезд разрешен только тем гражданам России, включая и с целью получения образования, которые обладают разрешением Латвии, ЕС, государств Европейской экономической зоны, Швейцарии; обладателям долгосрочной шенгенской визы; членам семей граждан и постоянных жителей Латвии, ЕС, Европейской экономической зоны, Швейцарии; членам семей дипломатов, аккредитованных в Латвии⁴¹.

39 Saeima 1. lasījumā apstiprina pāreju uz mācībām tikai latviešu valodā (2022). URL: <https://www.izm.gov.lv/lv/jaunums/saeima-1-lasijuma-apstiprina-pareju-uz-macibam-tikai-latviesu-valoda>.

40 Augstskolu likums (2023). URL: [https://www.vestnesis.lv/ta/id/37967; Liegums studijām krievu valodā privātajās augstskolās atbilst Satversmei, angļu valodā – ne \(2023\). URL: https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/liegums-studijam-krievu-valoda-privatajas-augstskolas-atbilst-satversmei-anglu-valoda-ne.a495625/](https://www.vestnesis.lv/ta/id/37967; Liegums studijām krievu valodā privātajās augstskolās atbilst Satversmei, angļu valodā – ne (2023). URL: https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/liegums-studijam-krievu-valoda-privatajas-augstskolas-atbilst-satversmei-anglu-valoda-ne.a495625/).

41 Par Krievijas Federācijas pilsoņu ieceļošanu Latvijas Republikā (2023). URL: <https://www.vestnesis.lv/op/2022/175B.1>.

В настоящее время в Латвии действует множество курсов русского языка, например, в Риге в Языковом центре «Pugmalion» (Курсы русского языка, 2023), в «Baltic Media® Language Training Centre» (Курсы русского языка онлайн и в Риге, 2023) и т.д. Интернет-портал «Language International» приводит адреса 14 таких курсов в Риге. Действуют подобные курсы и в Даугавпилсе. Дума Резекне выделила 21 тыс. евро на факультативные занятия по русскому языку и литературе для детей национальных меньшинств. Министерство образования и науки осудило это решение. Однако мэр города А.Барташевич выступил против политики властей на запрет русского языка: «Власти хотят, чтобы наши дети забыли родной русский язык, лишившись возможности изучать его в школах»⁴².

Данные масштабного социологического исследования (2022 г.) говорят о том, что 59% жителей Латвии ежедневно получают информацию из СМИ на русском языке, а на латышском языке – 85% (в основном из Интернета). При этом 95% представителей этнических меньшинств получают информацию на русском языке⁴³.

5. Научные коммуникации

После 24 февраля 2022 г. сотрудничество с российскими учеными было свернуто. В выпущенном обращении Латвийской АН «Остановить агрессию России против Украины» Российская АН призывается «объективно оценить вторжение Российской армии на Украину»⁴⁴. В списке «Партнерских организаций Академии Наук Латвии» нет ни одной научной организации России⁴⁵. АН Латвии 4 марта 2022 г. поддержало решение Европейской федерации академий наук и искусств (European Federation of Academies of Sciences and Humanities) приостановить членство Российской АН в этой организации⁴⁶.

В некоторых научных изданиях Латвии возможно публиковаться на русском языке. Это, например, журнал Института философии и социологии Латвийского университета «Православие в Балтии»⁴⁷, сборники трудов научных конференций⁴⁸. В Даугавпилском университете научный журнал «Sociālo Zinātņu Vēstnesis» («Social

42 Мэр Резекне назвал снос памятника советским воинам варварством. URL: <https://ria.ru/20221109/snov-1830196066.html>.

43 Nulle A. (2022) Biežāk izmantotais mediju veids Latvijā – interneta ziņu portāli. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/nationalities-papers/article/abs/microfoundations-of-threat-and-security-perceptions-in-ethnically-diverse-states-lessons-from-russias-near-abroad/AB60B0BBFCC1A20E5C26CDA16151DD6>.

44 Latvijas Zinātņu akadēmijas aicinājums apturēt Krievijas agresiju Ukrainā (2023). URL: <https://www.lza.lv/aktualitates/jaunumi/969-latvijas-zinatnu-akademijas-icinajums-apturet-krievijas-agresiju-ukraina>.

45 LZA PARTNERORGANIZĀCIJAS (2023). URL: <https://www.lza.lv/starpt-sakari/lza-partnerorganizacijas>.

46 LZA atbalsta ALLEA lēmumu apturēt Krievijas Zinātņu akadēmijas un Baltkrievijas Zinātņu akadēmijas dalību organizācijā (2023). URL: <https://www.lza.lv/aktualitates/jaunumi/986-lza-atbalsta-allea-lemumu-apturet-krievijas-zinatnu-akademiju-un-baltkrievijas-zinatnu-akademiju-dalibu-organizacija>.

47 Православие в Балтии. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007995465/.

48 Time of Challenges and Opportunities: Challenges, Solutions, Perspectives (2023). URL: https://bsa.edu.lv/docs/science/book/conference_20230513.pdf.

Sciences Bulletin» / «Вестник социальных наук») публикует статьи на любом их трех языков, если они соответствуют требованиям и профилю журнала⁴⁹.

Межличностные связи и научное сотрудничество латвийских ученых с российскими приобрели локальный характер, но не потерялся интерес к совместным исследованиям актуальных научных проблем [16].

Диссертации возможно защищать только либо на латышском, либо на английском языке. Хотя при этом Закон не включает позицию о запрете защиты диссертации на русском языке⁵⁰. В Латвии действует механизм признания документов о научных степенях, полученных за границей. Описание процедуры разработано⁵¹.

6. Культурная коммуникация

Весной 2022 г. Комиссия Сейма по иностранным делам приняла решение о приостановке или денонсировании договоров с Россией по экономическому сотрудничеству, культуре и приграничным контактам⁵². Поэтому негосударственные проекты культурного сотрудничества с Россией, если и возможны, то только как индивидуальная инициатива.

Сохранение памятников, памятных мест, связанных с культурой и историей России, является очень острой проблемой в Латвии. В марте 2022 г. вице-президент АН Латвии Оярс Спаритис заявил: «Памятник в Парке Победы – это оскорбление латышской нации, поработанной советской оккупацией»⁵³. «Центр публичной памяти» и Совет по памятникам Рижской думы в феврале 2023 г. призвали демонтировать «памятники, прославляющие тоталитаризм» из центра Риги, в список которых попали памятники М.Келдышу и А.Пушкину⁵⁴. Петиция за снос памятника Пушкину набрала 1 600 подписей. В социальных сетях Пушкин назывался «символом российского империализма»⁵⁵. Совет по памятникам Рижской думы в марте 2023 г. призвал пе-

реименовать рижские улицы Пушкина, Тургенева, Лермонтова, обосновывая это необходимостью ликвидировать последствия «русификации, проводившейся с 1860-х годов»⁵⁶. В ответ на эти инициативы члены отдела социальных и гуманитарных наук Академии наук Латвии призвали вопросы о памятниках решать после широких общественных дискуссий, а вовсе не путем «кампанейщины»⁵⁷. В конце ноября 2023 г. Рижская дума принимает решение о переименовании Пушкинского лицея в лицей Иоганна Кристофа Бротце⁵⁸.

Следует отметить, что вымарывание известных деятелей русской культуры из истории Латвии было отмечено еще в советское время, когда официальные органы крайне негативно относились к представителям русской эмигрантской культуры. Так, например, в первом очерке С.Циелавы на русском языке, вышедшем отдельным изданием в одном из центральных советских издательств «Искусство» в 1979 г., «Искусство Латвии» период 1920–1940 гг. озаглавлен «Латышское искусство», в котором нет ни слова упоминания о русских художниках Латвии этого периода. А в это время в Латвии занимались творчеством художник-передвижник Н.П.Богданов-Бельский (1868–1945), академик живописи С.А.Виноградов (1869–1938). В этом издании ничего не говорится и о немецких, еврейских и других деятелей художественной культуры межвоенной Латвии [11, с. 132-169]. Схожая ситуация «отмены русской культуры» повторилась и в энциклопедии «Советская Латвия». Это издание также обозначило период в художественной культуре Латвии в 1920–1940 гг. исключительно как «Латышское искусство» [10]. Поэтому уже к 1991 г. в общественном сознании активно создавался миф о том, что независимая Латвия – это именно страна с тотальным доминированием этнической латышской культуры.

Однако с конца 1980-х гг. в период либерализации в СССР деятели русской культуры, науки, публицистики в Латвии активно занялись «возвращением русских имен» в публичное пространство. В этих изданиях очень весомое «русское присутствие» обозначено в истории, культуре, науке, журналистике, театре, политике, экономике Латвии на протяжении многих столетий. Причем поддержка была получена и от АН Латвии для научных исследований и публикаций по русской тематике. И такие публикации многочисленных исследователей выходили и выходят до настоящего времени как на русском, так и на латышском языках [15]. Действует сайт «Русские Латвии» на русском, латышском и английском языках, своего рода энциклопедия русских имен и русской жизни в прошлом и настоящем Латвии (редактор – доктор истории Татьяна Фейгмане)⁵⁹. На отделении русистики и славистики Латвийского

49 Sociālo Zinātņu Vēstnesis. URL: <https://academic-accelerator.com/Journal-Profile/Socialo-Zinatnu-Vestnesis>.

50 Zinātniskā doktora grāda piešķiršanas (promocijas) kārtība un kritēriji (2023). URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/124787>.

51 Ārvalstīs iegūtu izglītības dokumentu akadēmiskā atzīšana Latvijā (2022). URL: <https://aic.lv/arvalstu-diplomu-atzisanu/arvalstis-iegutu-izglitibas-dokumentu-akademiska-atzisanu-latvija>.

52 Latvijas Republikas un Krievijas Federācijas divpusējās attiecības (2022). URL: https://www.mfa.gov.lv/lv/latvijas-republikas-un-krievijas-federacijas-divpusejas-attiecibas?utm_source=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F.

53 LZA viceprezidents Ojārs Spāritis: Piemineklis Uzvaras parkā ir apvainojums padomju okupācijas paverdzinātajai pamatnācijai (2023). URL: <https://www.lza.lv/aktualitates/jaunumi/1085-lza-viceprezidents-ojars-sparitis-piemineklis-uzvaras-parka-ir-apvainojums-padomju-okupācijas-paverdzinātajai-pamatnācijai>.

54 Ozola-Balode Z. Publikās atmiņas centrs aicina aizvēst totalitārismu slavinošus pieminekļus no Rīgas centra. URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/publikas-atminas-centrs-aicina-aizvest-totalitarismu-slavinosus-pieminekļus-no-rīgas-centra.a496973/>; Ozola-Balode Z. Rīgas Pieminekļu padome nolemj pārvietot pieminekli Andrejam Upītim un Annai Saksei. URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/rīgas-pieminekļu-padome-nolemj-parvietot-pieminekli-andrejam-upitim-un-annai-saksei.a499201/>.

55 Антоненко О. В Риге демонтировали памятник Пушкину. При чем тут хоккей? URL: <https://www.nur.kz/world/2022728-v-rige-demontirovali-pamyatnik-pushkinu-pri-chem-tut-hokkey/>.

56 Aicina derusifikācijas gaitā likvidēt Puškina ielas nosaukumu (2023). URL: <https://vs.lv/raksts/sabiedriba/2023/03/15/aicina-derusifikācijas-gaita-likvidet-puskina-ielas-nosaukumu>.

57 LZA Humanitāro un sociālo zinātņu nodaļas viedokļi: par Krievijas impērijas un padomju režīma atstāto pieminekļu demontāžu un par Atmiņas institūcijas dibināšanu (2023). URL: <https://www.lza.lv/aktualitates/jaunumi/1550-lza-humanitāro-un-socialo-zinatnu-nodalas-viedokli-par-krievijas-imperijas-un-padomju-rezima-atstato-pieminekļu-demontazu-un-par-atminas-institūcijas-dibināšanu>.

58 Рижская дума приняла решение переименовать Пушкинский лицей (2023). URL: <https://pravfond.ru/press-tsentr/litsey-v-latvii-lishili-imeni-aleksandra-sergeevicha-pushkina/>.

59 Русские Латвии (2023). URL: <https://www.russkije.lv/>.

университета регулярно проводятся международные научные конференции и издаются труды по русской литературе и культуре⁶⁰.

С конца февраля в Латвии проходит активная компания дерусификации, целью которой является полное устранение из публичного пространства страны символов, связанных с Россией и русской культурой⁶¹. При этом президент страны Э.Ринкевич высказался о том, что у него нет противоречий с движением «дерусификаторов», но ему самому ближе «латышизация Латвии»⁶².

Одним из наиболее острых является вопрос о трактовке исторических событий, связанных с Россией, в школьных учебниках. Так как территория Латвии в разные временные периоды была включена в состав России с 18 в., в течение всего 19 в. находилась в составе Российской империи, а большая часть истории 20 в. для Латвии – это история нахождения ее в составе Российского (18 лет) или Советского государства (51 год), то не случайно «российская (советская)» тема является одной из наиболее важных в освещении истории Латвии в 20 в. К тому же Латвия дважды (в 1918 и 1991 гг.) получала независимость именно от России. Даже после 1991 г. практически не найти исследований по истории Латвии, чтобы не рассматривалось влияние России. При этом для учебников истории, написанных современными латышскими авторами, характерно противопоставление «европейской цивилизации», к которой авторы текстов относят и Латвию, и России⁶³. Предельная дихотомия в рассмотрении Латвии и России приводило часть латышских историков к примитивизации в понимании России, ее институтов, ценностей, исторических смыслов, что и способствовало проникновению в исторические тексты, в том числе в школьные учебники, русофобских представлений. В учебнике истории 1992 г. уже включаются крайне негативные представления о России. Например, материал о Ливонской войне начинается с утверждения: «Войска Ивана Грозного... жгли, грабили и опустошали Ливонию, как могли», примерно в том же ключе рассматривается присоединение Лифляндии к России по результатам Северной войны, как проявление непомерного «аппетита царя». В целом присоединение Латвии к России в 18 в. оценивается по отношению к латышам негативно – «окно в Европу» означало новые страдания и новых угнетателей». Оценки императоров: Николай Первый – «безжалостный правитель, подавивший в 1825 г. восстание образованных русских офицеров». Много говорится в этом учебнике о позитивном росте культуры и общественной жизни латышей в 1850–1860-е гг., но при этом совсем не упоминаются реформы Александра Второго. Одной из важнейших причин революции 1905–1907 гг. было «бесправие латышского народа – не случайно Россию называли “тюрьмой народов”»⁶⁴.

60 Goldmane S., Kļaviņa A., Misāne I., Straube L. Latvijas vēsture pamatskolai. 4. Mācību grāmata 9. klasei. Rīga: Zvaigzne ABC, 2015. 152 p.

61 Latvijas novadu un valstspilsētu tīmekļvietnes ir derusificētas. (2023) URL: <https://www.la.lv/latvijas-novadu-un-valstspilsetu-timeklvietnes-ir-derusificetas>.

62 «Латышизация» или «Дерусификация»: Ринкевич объяснил, в чем отличие его подхода. URL: <https://rutube.ru/video/28c39e92b5ec408078c72ab57c058ad3/>.

63 Kēniņš I. Latvijas vesture. Rīga: Zvaigzne, 1998. P. 4, 38.

64 Auns M., Auns O., Ābelnieks R., Kostanda O., Pelkaus E., Vjacira I. Latvijas vesture. Rīga: Zvaigzne ABC, 1992. P. 71, 111, 115, 131, 140–151, 156.

Наиболее острая тема для латвийских учебников истории, как и исторической науки в целом, – это трактовка истории 20 в., прежде всего этапа пребывания в составе СССР (1940–1991 гг.). В Латвии законодательно оформлена идея о нахождении в составе СССР как периода «советской оккупации», что и определяет содержание как исторических исследований в Латвии, касающихся 20 в., так и учебников по истории для основной, средней и высшей школы. Еще в годы нахождения в составе СССР Верховный Совет Латвийской ССР 28 июля 1989 г. принял «Декларацию о суверенитете латвийского государства», которая характеризует «утрату государственной независимости, включение Латвийской Республики в состав СССР» в 1940 г. в результате «сталинской преступной внешней политики»⁶⁵. Декларация Верховного Совета ЛССР от 4 мая 1990 г. период нахождения в составе СССР характеризует как «оккупацию Латвии и ликвидацию суверенной власти Латвийской Республики»⁶⁶. 22 августа 1996 г. Сейм принял «Декларацию об оккупации Латвии», начало которой связывается с подписанием Договора о ненападении между СССР и Германией в 1939 г. и введением советского военного контингента на территорию Латвии и ее последующим включением в состав СССР в июне – августе 1940 г. Согласно этому документу, Россия до сих пор рассматривается как страна, к которой «незаконно присоединен район Абрене (Пыталово)». СССР характеризуется как сила, которая «целенаправленно реализовывала геноцид по отношению к народу Латвии». В Декларации выражается сожаление о том, что Россия «не признала осуществления со стороны СССР оккупации Латвии»⁶⁷. В мае 2014 г. Сейм принял поправки в Уголовный закон, которые предусматривают ответственность до 5 лет лишения свободы лицам, которые «отрицают факт оккупации Латвии со стороны СССР»⁶⁸.

Эти оценки советского этапа истории Латвии непосредственно воспроизводятся и в школьных учебниках. При этом следует иметь в виду, что версии одних и тех же авторов учебников, которые изданы на латышском языке даже отличаются в названиях некоторых важных событий советской истории Латвии в версиях учебников на русском языке. Так, например, на русском языке в учебнике доктора истории Индулиса Кениньша «История Латвии. XX век» одна из глав послевоенной истории в Латвии носит название «Строительство социализма в Латвии», которая включена в раздел «Латвийская Советская Социалистическая Республика в составе СССР»⁶⁹. В латышском же варианте учебника этого автора – название главы «Строительство социализма в Латвии – колонизация и русификация» в разделе «Латвийская Советская Социалистическая Республика – одна из колоний Советской империи». В целом этот автор придерживался крайне негативного восприятия Советской России, полагая,

65 Deklarācija par Latvijas valsts suverenitāti, 1989. gada 28. jūlijā. URL: https://www.barikadopedija.lv/raksti/Deklaracija_par_Latvijas_valsts_suverenitati_1989_gada_28_julija.

66 1990.gada 4.maija Latvijas PSR Augstākās padomes “Deklarācija par Latvijas Republikas neatkarības atjaunošanu”. URL: <https://www.atlants.lv/referats/1990gada-4maija-latvijas-psr-augstakas-padomes-dek-/492372/>.

67 Deklarācija par Latvijas okupāciju (1996). URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/63838>.

68 Krimināllikums LR 1998. URL: <https://www.vestnesis.lv/>.

69 Кениньш И. История Латвии: Учеб. для 8–9-х кл.: [Пер. с латыш.] Рига: Звайгзне, 1990. С. 218–224.

что сразу с октября 1917 г. наступила «неограниченная диктатура большевиков..., которая опиралась на беспрецедентный террор» [13, р. 77, 119-129]. Современные латышские историки оценивают позитивно цепь событий 1918 г., включая и Брестский мир, которые в конечном счете привели к независимости Латвии [14, р. 105-106]. При этом И.Кениньш признает очень весомую роль латышей в укреплении советской власти. Автор крайне негативно описывает хозяйственную, политическую и общественную ситуацию в Советской Латвии и ничего не говорит о развитии латышской культуры в этот период. Автор этого учебника некоторые позитивные моменты усматривал в деятельности тех советских руководителей, которые создавали предпосылки для независимости Латвии. Это относится к В.И. Ленину, стороннику «права наций на самоопределение», но, по мнению И.Кениньша, отошедшему от поддержки этого принципа во время подготовки Брест-Литовского мирного договора; к Л.П.Берии, который после смерти И.В.Сталина, выступил «против русификации» союзных республик; к Н.С.Хрущеву, заявившему о «преступлениях сталинского режима» и М.С.Горбачеву как инициатору «перестройки» и «нового мышления»⁷⁰. В некоторых изданиях отношение к процессу советизации Латвии после войны историки оценивают как противоречивое явление, которое включало в себя как «страх репрессий», так и «усталость от ужасов войны», надеясь на нормальную жизнь. При этом была часть населения, которая «хотела сотрудничать» с советской властью, включая и людей, желавших делать карьеру как по партийно-государственной линии, так и в гражданской жизни [14, р. 301-302].

Следует отдельно остановиться на информации о русских писателях и поэтах в школьных учебниках литературы. В учебнике литературы на латышском языке для 12 класса, очень кратко знакомящего с произведениями мировой прозы и поэзии, имеется небольшой отрывок из романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» и несколько стихотворений А.А.Ахматовой. Учебник литературы на латышском языке для 11 класса, отражающий направления в мировой литературе 17 – первой трети 20 в., говорится о поэзии А.А.Блока в разделе «Романтизм» и публикуется маленький отрывок из романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»⁷¹. В учебниках, ориентированных на программы национальных меньшинств, существуют серия учебников литературы, подготовленных на русском языке. Их автор – профессор Балтийской международной академии (г. Рига) Оксана Леонидовна Филина. Некоторые из этих учебников знакомят учеников с прозой и поэзией, главным образом русской (включая и советский её период) литературой. Например, учебник для 4-го класса объемом в 224 страницы включает в себя фрагменты произведений свыше пятидесяти русских писателей, одного латышского поэта, одного итальянского писателя и фрагмент из текста одного австрийского ученого. Учебник для 8 класса объемом в 488 страниц содержит отрывки из произведений 20 классиков

70 Кениньш И. История Латвии: Учеб. для 8–9-х кл.: [Пер. с латыш.] Рига: Звайгзне, 1990. С. 59-68, 220, 221, 237.

71 Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvijas vēsture. 20. Gadsimts. Rīga: Jumava, 2005. P. 69-71, 88-93.

мировой литературы начиная с Античности. Из них 12 представителей русской литературы и русистики. Эти учебники были утверждены Министерством образования и науки Латвийской Республики. Информация о русских ученых в школьных учебниках представлена скудно. На форзаце учебников по химии 8, 10 и 12 классов размещена «Периодическая система химических элементов», но без фамилии ее автора – Д.И.Менделеева.

В настоящее время контакты по линии культуры с Россией отсутствуют. Но с фортепианными концертами С.В.Рахманинова в августе 2023 г. в Юрмале выступал пианист М.В.Плетнев. В латвийском Национальном театре оперы и балета труппой этого театра в ноябре 2023 г. был заявлен балет П.И.Чайковского «Лебединое озеро»⁷². Базы данных официальной статистики не предоставляют никакой информации о количестве книг русских писателей и поэтов, которые издаются в Латвии в последние годы. В то же время есть данные о количестве книг на русском языке и их тираже, которые изданы в Латвии в 2022 г. (на 2023 г. данные еще не обнародованы). Это 107 книг тиражом 41,5 тыс. экземпляров (в 2021 г. было 115 книг с общим тиражом 53,5 тыс., а в 1992 г. – 358 и 9 065.0 тыс. соответственно). Удельная доля изданных книг на русском языке среди всех изданных книг в Латвии составляла на 2022 г. 5%, а их тираж составлял примерно 2%⁷³.

7. Медиакоммуникация

В «Публичном отчете Службы государственной безопасности за 2022 год»⁷⁴ говорится о закрытии более 130 российских источников в Интернете, включая платформы «VKontakte», «Odnoklassniki», ограничен доступ к российским материалам в «YouTube»^{75*}. При закрытии доступа к таким изданиям, как «Российская газета», «Комсомольская правда», «Известия», «Ведомости», «Коммерсант» и т.д., без проблем доступны «Советская Россия», «Завтра», km.ru и другие левоориентированные газеты и интернет-порталы в «YouTube»^{76*} («Красное радио»^{77*}, «Аврора»^{78*} и т.д.). Информация о российских СМИ, допущенных Министерством иностранных дел Латвии для работы в этой стране, носит закрытый характер⁷⁹. Поэтому трудно с точностью определить их долю в числе иностранных СМИ. С большой долей вероятности среди до-

72 Pēteris Čaikovskis 2023. URL:

73 Statistikas datubāze. Grāmatas un periodiskie izdevumi (2023). URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START_Izg_BI_BIG/?tablelist=true.

74 VALSTS DROŠĪBAS DIENESTS. (2022) GADA PUBLISKAIS PĀRSKATS. P. 16-41. URL: <https://vdd.gov.lv/uploads/materials/32/lv/vdd-2022-gada-parskats.pdf>.

75 * РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

76 * РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

77 * РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

78 * РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

79 Spalvēns R. (2023) Ārlietu ministrija klūdijās, ielaižot Latvijā Krievijas medijus, uzsver Snore. URL: <https://www.delfi.lv/193/politics/55162954/arlietu-ministrija-kludijas-ielaizot-latvija-krievijas-medijus-uzsver-snore>.

пущенных «Дождь»^{80*}, «Медуза»^{81*}, «Новая газета Европа»^{82*83}. При этом среди латышских политиков все чаще звучат подозрения в том, что и представители этих СМИ являются «великодержавными русскими империалистами», а присутствие «независимых российских СМИ в Латвии... привносит риски» (оценка, вынесенная Службой государственной безопасности)⁸⁴.

8. Коммуникации НКО

Совместные проекты латышских НКО с российскими отсутствуют. В 2006 г. в Латвии было зарегистрировано общество «Русский мир Латвии»⁸⁵. Однако в публицистике на латышском языке само явление «Русский мир» оценивается исключительно негативно⁸⁶. В Отчете Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) за 2022 г. говорится лишь о повышении квалификации преподавателей, преподающих на русском языке в 2022 г.⁸⁷ При этом в Отчете Службы государственной безопасности еще за 2020 г. деятельность Россотрудничества рассматривается как враждебная Латвии «русская пропаганда»⁸⁸. На домашней странице Института русского языка имени А.С.Пушкина нет информации о реализованных проектах в Латвии. Указывается, что в 2014–2015 гг. были организованы методические семинары повышения квалификации преподавателей в Латвии⁸⁹. На домашней странице Фонда общественной дипломатии им. А.М.Горчакова также нет информации о проектах в Латвии. При этом деятельность Фонда стала объектом крайне резкой критики Бюро по защите конституции Латвии еще в 2012 г.⁹⁰

80 * РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

81 * Деятельность организации признана нежелательной на территории России.

82 * Деятельность организации признана нежелательной на территории России.

83 "Grūtāk kļuvis atspoguļot pašas sabiedrības viedokli." Vairāki Krievijas neatkarīgie mediji savu darbību turpina Latvijā (2022). URL: <https://www.apollo.lv/7536323/grutak-kluvis-atspogulot-pasas-sabiedrības-viedokli-vairaki-krievijas-neatkarīgie-mediji-savu-darību-turpina-latvija>.

84 Apalups K. (2022) VDD: Krievijas neatkarīgo mediju darbs Latvijā rada informatīvās telpas un izlūkošanas riskus. URL: <https://www.pardrosibu.lv/2022/07/31/vdd-krievijas-neatkarīgo-mediju-darbs-latvija-rada-informatīvas-telpas-un-izlūkošanas-riskus/>; Ne visi, kas ir pret Putinu, ir Latvijas draugi (2023). URL: <https://jauns.lv/raksts/zinas/541788-ne-vedi-kas-ir-pret-putinu-ir-latvijas-draugi-uzskata-deputats-snore>.

85 Latvijas krievu pasaule (2023). URL: <https://company.lursoft.lv/latvijas-krievu-pasaule/40008104478>.

86 Niklass 2022. URL: <https://bobe.me/index.php/news/niklass-says-goodbye-to-his-old-self-in-song-and-music-video-for-leti-un-naivi>.

87 Россотрудничество 2022. С. 6. URL: <https://rs.gov.ru/doc/otchet-o-realizacii-publichnoj-deklaracii-czelej-i-zadach-v-2022-g/>.

88 Krievijas propagandas izplatīšanai latvija tiek verveti arvien vairak jauniešu. URL: <https://www.sargs.lv/lv/latvija/2021-03-26/krievijas-propagandas-izplatīšanai-latvija-tiek-verveti-arvien-vairak-jauniešu>.

89 РУССКИЙ ЦЕНТР (2023). URL: <https://www.pushkin.institute/projects/ruscentr/>.

90 Satversmes aizsardzības birojs (SAB) 2013. URL: <https://www.sab.gov.lv/?a=s&id=178pgoffse&t=1&jid=70>.

9. Молодежные коммуникации

В настоящее время можно говорить только об индивидуальных контактах латвийской молодежи, обучающейся или работающей в России, и, соответственно, российской молодежи в Латвии. Так, например, в вузы России ежегодно только по квотам отправляется более ста молодых людей из Латвии. Однако такой интерес латвийцев к российскому образованию крайне негативно оценивают латвийские спецслужбы.

10. Религиозные и межрелигиозные коммуникации

Отношения Латвийской самоуправляемой православной церкви и Русской православной церковью крайне осложнились с 2022 г. «Священный Синод осудил действия митрополита Рижского Александра, направленные на разрушение церковного единства, и констатировал, что впредь до рассмотрения Архиерейским Собором, а затем – Поместным Собором Русской Православной Церкви обращения Собора ЛПЦ от 20 октября 2022 г. в отношении упомянутой Церкви действуют нормы, предусмотренные главой XII Устава Русской Православной Церкви»⁹¹. 5 сентября 2022 г. тогдашний президент Латвии Э.Левитс высказался о необходимости поправок в Закон о Латвийской православной церкви (ЛПЦ), предусматривающие полную независимость ЛПЦ от Московского патриархата и фактически объявляющие ее автокефальный статус⁹². Сейм Латвии утвердил этот законопроект⁹³. 9 сентября 2022 г. Синод ЛПЦ подтвердил решение Сейма об определении автокефального статуса. 20 октября на Соборе ЛПЦ из 161 его участника за автокефалию проголосовало 160. В 2023 г. разрыв связей с РПЦ продолжился.

11. Свобода передвижения

Латвия принимает заявления на получение визы только от определенных категорий граждан Российской Федерации:

- 1) членов семей граждан Латвии (супруги, родители, бабушки и дедушки, дети, внуки, а также иждивенцы);
- 2) членов семей граждан Европейского союза, Европейской экономической зоны или Швейцарской Конфедерации (в соответствии с Правилами Кабинета министров № 675 от 30 августа 2011 года «Порядок въезда и пребывания граждан Союза и членов их семей в Латвийской Республике»);
- 3) лиц, получивших право на проживание в Латвии;

91 Латвийская самоуправляемая Православная Церковь. (2023) URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/79088.html>.

92 Президент Левитс инициировал расторжение связей Латвийской православной церкви с Московской патриархией (2022). URL: <https://web.archive.org/web/20220905102517/>.

93 ATZINUMS 2022. URL: <https://tapportals.mk.gov.lv/reviews/resolutions/bdd6ce68-824e-43a6-b8ab-a08d3bd0f8e9>.

4) лиц, въезд которых связан с гуманитарными соображениями (в случае тяжелого заболевания близкого человека или участия в похоронах, когда существует угроза безопасности, здоровью или жизни человека или члена его семьи)⁹⁴.

Возможность двойного гражданства (Латвии и России) отсутствует. Произошли изменения для граждан России для предоставления вида на жительство. Прекращается выдача как первичных, так и повторных разрешений на временное проживание. Поправки не затрагивают процесс оформления разрешений на временное проживание – регистрация разрешений продолжается.

Первичный и повторный вид на жительство можно запросить:

- в связи с воссоединением семьи (супруги, несовершеннолетние дети, лица, находящиеся под опекой и попечительством, родители граждан Латвии и неграждан Латвии, достигшие пенсионного возраста, опекуны или попечители, совершеннолетние дети граждан Латвии);
- кандидаты на получение синей карты Европейского союза и специалисты, менеджеры и стажеры, переведенные в компанию;
- научные сотрудники и студенты (в том числе научные сотрудники и студенты в течение девяти месяцев после окончания научного проекта или программы обучения в магистратуре или докторантуре);
- лица, получившие временную защиту или альтернативный статус в Латвии;
- лица, которым предоставлен статус постоянного жителя Европейского союза в Латвии или такой статус предоставлен в другом государстве-члене Европейского союза;
- любое лицо, независимо от причины выданного ему временного вида на жительство (стартап, любой временный вид на жительство, связанный с трудоустройством или коммерческой деятельностью, инвестициями и т. д.), которое работало в Латвии в течение последних трех месяцев до подачи заявления о выдаче разрешения на временное проживание и за которые произведены выплаты подоходного налога, а также если лицо продолжает осуществлять предоставленное ему право на трудоустройство⁹⁵.

Согласно изменениям в Законе об иммиграции, внесенным в Сейм 22 сентября 2022 г., срок действия постоянного вида на жительство, выданного гражданам России, истекает 1 сентября 2023 г. Чтобы жить в Латвии, им необходимо подать заявление на получение статуса постоянного жителя ЕС. Для получения этого статуса гражданам России необходимо предоставить в Управление по делам гражданства и миграции копию документа, удостоверяющего личность, а также сертификат о знании национального языка на уровне A2 и наличии финансовых средств⁹⁶. Кабинет

94 Krievijas Federācijas pilsoņu iecelšana Latvijā (2023). URL: https://www.mk.gov.lv/lv/jaunums/ierobezos-krievijas-federacijas-pilsonu-iecelsanu-latvijas-republika?utm_source=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

95 Izmaiņas uzturēšanās atļauju saņemšanas kārtībā Krievijas un Baltkrievijas pilsoņiem (2022). URL: <https://www.pmlp.gov.lv/lv/jaunums/izmainas-uzturesanas-atlauju-sanemsanas-kartiba-krievijas-un-baltkrievijas-pilsoniem>.

96 Jurkāns I. (2023) PMLP informē, kas sagaida tos Krievijas pilsoņus, kuri nebūs darījuši neko sava uzturēšanās statusa sakārtošanai. URL: <https://zinas.tv3.lv/900-sekundes/pmlp-informe-kas-sagaida-tos-krievijas-pilsonus-kuri-nebus-darijusi-neko-sava-uzturesanas-statusa-sakartosanai/>.

министров Латвии 22 августа 2023 г. поручил МВД подготовить поправки в Закон об иммиграции, которые предусматривают для граждан России, проживающих в Латвии, еще два года на сдачу теста по латышскому языку, чтобы легально проживать в Латвии⁹⁷.

12. Межрегиональные коммуникации

В настоящее время свернуты проекты межрегионального приграничного и/или трансграничного сотрудничества. Приостановлены и встречи официальных лиц, чиновников, ученых, деятелей культуры, науки, образования и др. с целью развития диалога и сотрудничества.

Среди 25 городов-побратимов Риги нет ни одного российского города. У Даугавпилса города-побратимы в России – Нарофоминск, Центральный административный округ г. Москвы, Санкт-Петербург, Псков⁹⁸. Нет российских городов-побратимов у крупнейших латвийских городов: Лиепай⁹⁹, Елгавы¹⁰⁰, Резекне, Юрмалы, Вентспилса¹⁰¹.

Обсуждение результатов

В латвийских информационных и коммуникационных практиках, которые институционализированы национальным законодательством, недвусмысленно утверждается принцип о различных правах и возможностях латышей как государствообразующей нации и этнических меньшинств как коллективных акторах, не являющихся составной частью латвийской нации, понимаемой по Конституции исключительно как «латышская нация» (этнические меньшинства категоризируются как часть «народа Латвии»). Такие законодательные нормы определяют и основные параметры официальной модели коммуникации в Латвии. В эту модель входит организация публичной коммуникации, в том числе и между латышами и представителями этнических меньшинств, только на латышском языке с выражением лояльности к латышской культуре, утвержденной на государственном уровне интерпретации истории и геополитической реальности. Приняты и активно применяются различного рода санкции, в том числе и нормы уголовного законодательства за публичное игнорирование официальных идеологических и коммуникационных нарративов. На

97 Mikuda S. (2023) Krievijas Federācijas pilsoņu uzturēšanās Latvijā pēc 2. Septembra. URL: <https://lvportals.lv/e-konsultacijas/30248-krievijas-federacijas-pilsonu-uzturesanas-latvija-pec-2-septembra-2023>.

98 МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО (2022). URL: <https://www.daugavpils.lv/ru/gorod/o-daugavpile/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo>.

99 Sadraudzības pilsētas. URL: <https://www.daugavpils.lv/pilseta/par-daugavpili/sadraudzibas-pilsetas>.

100 Sadraudzības pilsētas. 2023. URL: <https://www.daugavpils.lv/pilseta/par-daugavpili/sadraudzibas-pilsetas>.

101 Там же.

институциональном уровне, а также в распространенных общественно-политических, идеологических практиках коммуникации реализуется модель жесткой субординации общественной ценности коллективной идентичности латышей и этнических меньшинств.

В то же время Латвия декларируется в качестве демократического государства, которое соблюдает права человека, в том числе и права людей, принадлежащих к этническим меньшинствам. Это предполагает гарантии государства по сохранению и воспроизводству коллективной этнокультурной идентичности этнических меньшинств, в том числе и как субъектов, имеющих право формировать общее для всех жителей Латвии коммуникационное пространство. Некоторые элементы такой публичной субъектности этнических меньшинств, главным образом русского населения, имеются, правда, при постоянном сокращении сферы допустимой публичной коммуникации на русском языке (небольшое количество часов в начальной школе на уроки, связанные с сохранением этнокультурной идентичности, небольшая часть средств массовой информации на русском языке, отделы книг на русском языке в небольшом количестве магазинов и т.д.). В то же время информационное содержание латвийских СМИ на русском языке является калькой латышского информационного пространства. При этом в таких «русскоязычных» СМИ полностью доминирует исключительно официальная трактовка истории и существующей геополитической реальности. За последние годы в Латвии не проводились социологические исследования уровня доверия этническими меньшинствами к содержанию национальных СМИ на латышском и русском языках. Однако, как показывает даже фрагментарный анализ небольшого количества комментариев на русском языке материалов, размещенных в Интернете, периодических изданий, отношение к их содержанию в большинстве случаев негативно. Среди радикально настроенной части латышских политических кругов, общественных организации, интеллигенции активно продвигается мысль о полном исключении русского языка из публичного пространства, а также из частной коммуникации латышей и русских. «Зачистке» подвергаются любые позитивные и даже нейтральные упоминания о России, русской истории, культуре в целом, из латвийской городской и сельской среды устраняются оставшиеся элементы русской топонимики. Наиболее емко негативное восприятие России позвучало в призыве президента Латвии Э.Ринкевича: «Russia Delenda est» («Россия должна быть разрушена») (март 2024 г.).

Оборотной стороной такой формы публичной коммуникации государства с этническими меньшинствами, прежде всего латвийскими русскими, является утверждение принципов псевдокоммуникации, игнорирующей законное присутствие в обществе русского населения как полноценного субъекта и объекта всего спектра прав человека, принятого мировым сообществом. Потенциальный партнер по публичной коммуникации – латвийские русские, которые только и могут представлять свою идентичность и интересы, – в преобладающих публичной и частной сферах радикального националистического сознания латышского общества фальсифицируется, подменяется психологической и идеологической конструкцией некоей «популярности», которая и вводится в оборот публичных дискурсов.

Выводы

Проделанный анализ состояния и динамики основных групп коммуникаций в латвийском обществе позволяет со сдержанным пессимизмом утверждать, что в ближайшие годы вряд ли следует ожидать выверенные позитивные социально-экономические, социокультурные и иные, особенно политические, коммуникационные связи Латвии с Россией как соседней страной. Латышей и русских разделяют не столько этнические особенности или специфика культуры и традиций (русский язык – второй после латышского язык общения, он родной для 36% жителей страны), сколько вопросы политической истории, в которой Россия представлена как агрессивное государство, представляющее угрозу национальной безопасности Латвии. Недружественное и даже враждебное отношение латвийского государства к России и русским инициируется в основном не жителями, а правящей политической элитой, поведение которой всецело определяется интересами западных стран. Потому что в не имеющей реального суверенитета стране-члене НАТО иной направленности внешнеполитической коммуникации быть и не может. Вместе с тем результаты исследования двенадцати различных групп межличностных коммуникаций показывают, что в таких группах коммуникаций, как наука, молодежь, свобода передвижения, медиа (онлайн), религиозные и межрелигиозные коммуникации, и в некоторых других группах присутствуют позитивные явления, процессы по отношению к России и русским, которые позволяют надеяться со сдержанным оптимизмом на восстановление добрососедских отношений Латвии с Россией в обозримом будущем.

Список источников

1. Бузаев В. Как выживают русских. О последствиях национальной политики Латвии [How Russians survive. On the consequences of Latvia's national policy]. Рига: SIA «Averti-R», 2010. 65 p.
2. Волков В.В. Этнические меньшинства в латвийском политическом дискурсе [Ethnic minorities in Latvian political discourse] // Этнографическое обозрение. 2017. № 2.
3. Волков В.В., Воротников В.В., Комлева В.В., Стариков А.Д. Коммуникационные режимы Латвии, Литвы и Эстонии: научная дискуссия [Communication regimes of Latvia, Lithuania and Estonia: scientific discussion] // Россия и мир: научный диалог. 2021. Т. 1. № 2. С. 138–161. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-2-138-161>.
4. Волков В.В., Полещук В.В. Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии [The current state of interethnic communication in Latvia and Estonia] // Социологические исследования. 2019. № 2.
5. Волков В.В. Русская школа в общественно-политическом пространстве Латвии (1991–2021) [Russian school in the socio-political space of Latvia (1991–2021)] // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 1(1). С. 105–114. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-105-114
6. Волков В.В. Самокатегоризация молодежи в русскоязычной среде Латвии в дискурсивных практиках [Dynamics of Friendliness of Communication Regimes of Neighboring Countries (Based on the Results of Annual Monitoring)] // Этнографическое обозрение. 2022. № 5.
7. Комлева В.В. Динамика дружелюбности коммуникационных режимов стран ближнего зарубежья (по результатам ежегодного мониторинга) // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1. С. 24–39. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-24-39](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-24-39).

8. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности-2023. Научный доклад по результатам ежегодного мониторинга [Communication regimes of post-Soviet countries: friendliness rating 2023. Scientific report on the results of annual monitoring] / Под научной редакцией В.В.Комлевой. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2024. 268 с.
9. Правовое и фактическое положение национальных меньшинств в Латвии [Legal and actual situation of national minorities in Latvia] // Демография, язык, образование, историческая память, безгражданство, социальные проблемы / Сб. статей под ред. В.Бузаева. Рига: SIA Averti-R, 2015. 320 р.
10. Советская Латвия. Энциклопедия [Soviet Latvia. Encyclopedia] /Ред. П.П.Еран. Рига: Гл. ред. энци., 1985. 815 с.
11. Циелава С. Искусство Латвии [Art of Latvia]. М.: Искусство, 1979. 310 с.
12. Globālie un lokālie procesi slāvu valodās, literatūrā un kultūrā 2 [Global and local processes in Slavic Languages, Literature and culture 2]. (2019) Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. 182 lpp.
13. Lerhis A., Bērziņš G., Keišs A., Latišenko A. (2019) Krievijas sadarbība ar Latvijas pašvaldībām: Daugavpils un Rēzeknes piemēri [Cooperation between Russia and the Latvian self-government: examples of Daugavpils and Rēzekne] Rīga: APPC. 60 p.
14. Volkovs V. (2018) Latvijas etnisko minoritāšu identitātes vērtības: starp nomatīvismu un plurālismu [Latvian ethnic minority identity values: between nomativism and pluralism]. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts.
15. Voronov V. Russians in Latvia: peculiarities of socio-cultural adaptation and identity // Baltic Region. 2009. № 1(1). P. 79–82.
16. Voronov V.V., Menshikov V.V., Ruza O.P. Artificial intelligence: a catalyst for entrepreneurship education in the Baltics // Baltic Region. 2023. № 15(3). P. 45–65.

Информация об авторах

ВОРОНОВ Виктор Васильевич. Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0002-1022-3692>. Адрес: Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. voronov@isras.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 апреля 2024 г. Принята к публикации: 25 апреля 2024 г. Опубликовано: 15 мая 2024 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Buzaev V. How Russians survive. On the consequences of Latvia's national policy. Riga: SIA "Averti-R", 2010:65 [In Russian].
2. Volkov V.V. Ethnic minorities in Latvian political discourse. E`tnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 2017, 2. [In Russian].

3. Volkov V.V., Vorotnikov V.V., Komleva V.V., Starikov A.D. Communication regimes of Latvia, Lithuania and Estonia: scientific discussion. Russia and the world: Scientific dialogue. 2021; Vol. 1, 2(2):128-161. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-2-138-161> [In Russian].
4. Volkov V.V., Poleshchuk V.V. The current state of interethnic communication in Latvia and Estonia. Sociologicheskie issledovaniya. [Sociological research]. 2019, 2. [In Russian].
5. Volkov V.V. Russian school in the socio-political space of Latvia (1991-2021). Russia and the world: Scientific dialogue. 2021, 1(1):10-114. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-105-114/ [In Russian].
6. Volkov V.V. Self-categorization of youth in the Russian-speaking environment of Latvia in discursive practices. E`tnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 2022, 5. [In Russian].
7. Komleva V.V. Dynamics of Friendliness of Communication Regimes of Neighboring Countries (Based on the Results of Annual Monitoring). Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 1(7):24-3 [In Russian].
8. Communication regimes of post-Soviet countries: friendliness rating 2023. Scientific report on the results of annual monitoring / Edited by V.V. Komleva. M.: National Research Institute for the Communications Development, 2024:268. [In Russian].
9. Legal and actual situation of national minorities in Latvia. Demography, language, education, historical memory, statelessness, social problems / Ed. by V. Buzaeva. Riga: SIA Averti-R, 2015:320. [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-24-39](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-24-39).
10. Soviet Latvia. Encyclopedia / Ed. P.P. Eran. Riga: Main editor's office, 1985:815. [In Russian].
11. Tsielava S. Art of Latvia. Moscow: Iskustvo, 1979:310. [In Russian].
12. Global and local processes in Slavic Languages, Literature and culture 2. (2019) Rīga: LU Akadēmiskais apgāds:182. [In Latvian]
13. Lerhis A., Berzins G., Keish A., Latishenko A. (2019) [Cooperation between Russia and the Latvian self-government: examples of Daugavpils and Rēzekne. Riga: APPC:60. [In Latvian]
14. Volkovs V. (2018) Latvian ethnic minority identity values: between nomativism and pluralism Riga: LU Filozofijas un socioloģijas instituts. [In Latvian]
15. Voronov V. (2009) Russians in Latvia: peculiarities of socio-cultural adaptation and identity. Baltic Region, 1(1):79-82. [In Latvian]
16. Voronov V.V., Menshikov V.V., Ruza O.P. (2023) Artificial intelligence: a catalyst for entrepreneurship education in the Baltics. Baltic Region. 15(3):45-65. [In English].

About the author

Viktor V. VORONOV. DSc (Soc), Professor, chief researcher of the Institute of Sociology the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-1022-3692>. Address: 24/35, Krzhizhanovskiy street, Moscow, 117218, Russian Federation. voronov@isras.ru.

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 6, 2024 Approved after peer review: April 20, 2024. Accepted for publication: April 25, 2024 Published: May 15, 2024.
The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений
и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations
and Foreign Policy

RUSSIA & WORLD. SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

...Будучи системным условием развития сетевых цивилизаций, само по себе соединение в сети коммуникаций разных по своему происхождению и характеру культур не определяет перспективы сохранения этих сетей как фактора преодоления локальных – этнических и национально-государственных интересов и ценностей.

Следзевский И.В.

Условия и перспективы диалога цивилизаций в современном мире: симбиоз культур (опыт истории стран Центральной Азии и их взаимодействия с Россией)

В настоящее время встречаются случаи мифологизации и субъективизации умозаключений ряда ученых, оказывающих влияние на дальнейшие научные разработки, государственную политику памяти и идеологию. Научному сообществу следует сообщать противостоять этому.

Майтдинова Г.М., Сажин В.И., Мамадазимов А.М., Загребин А.Е.

Межцивилизационный диалог в Центральной Азии: взгляды российских и таджикских ученых

За годы самостоятельного существования республик Центральной Азии, вне зависимости от степени авторитарности или демократичности режимов, под влиянием богатых ресурсов, а также советского наследия сформировались политические институты, идеологемы и соответствующие подходы к управлению, которые проецируются в систему властных структур.

Бобохонов Р.С.

Постсоветский цивилизационный транзит в Центральной Азии

Предстоятели и духовенство [Сербской православной] церкви внесли значительный вклад в межконфессиональное примирение и сосуществование, несмотря на то, что православные христиане были жертвами оккупационных режимов, с которыми сотрудничала мусульманская политическая элита.

Прашчевич А.

Роль Сербской православной церкви в отношениях с мусульманами с 1920 по 2020 г.

Попытки воплощения в жизнь геополитических проектов, базирующихся на идее «Интермариума», тесно сопряжены с политикой КП [Константинопольского патриархата] в отношении восточнославянских территорий, входящих в пространство исторической Киевской митрополии.

Слесарев А.В.

Концепция «Интермариума» и конфессиональный вопрос: геополитические вызовы белорусскому православию в XX – начале XXI в.

...Последствия кризиса не исчерпываются опытом использования арабскими странами «нефтяного оружия» и превращением стран ОПЕК в реальных субъектов мирового хозяйства и мировой политики. Названные процессы положили начало глобальному энергетическому переходу, технологической революции и возникновению начал постиндустриального мира.

Яковлев А.И.

Нефтяной кризис 1973 г.: взгляд спустя полвека

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
История международных отношений и внешней политики
HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

УДК 341.232.7

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-126-135](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-126-135)

**Условия и перспективы диалога
цивилизаций в современном мире:
симбиоз культур
(опыт истории стран Центральной Азии
и их взаимодействия с Россией)**

Игорь Васильевич Следзевский✉

Институт Африки Российской академии наук. Москва, Россия
igor25011904m@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8245-5727>

Аннотация. Статья посвящена возможностям диалога цивилизаций в условиях развития глобального, трансграничного культурного пространства. Новое и перспективное значение приобретает концепция цивилизации как сети широких взаимодействий и коммуникаций, снимающих привязанность цивилизационных общностей к территории или государству и превращающих цивилизации в открытые, инклюзивные, культурно-коммуникационные образования. В контексте обширного и уникального исторического опыта межкультурных связей и отношений регион Центральной Азии может быть отнесен к числу наиболее успешных и продолжительных по времени своего существования «цивилизаций встреч». В докладе рассматривается коммуникативное значение этого опыта как наследия продолжительного и успешного симбиоза разных культур и религий, роль в этом наследии, его сохранении и возрождении диалога с Россией как сети исторических и современных отношений и взаимодействий наших стран. Статья подготовлена на основе доклада, сделанного автором на Душанбинской сессии «Цивилизационный диалог России и стран Центральной Азии» VIII международной конференции «Россия и мир: диалоги – 2024. Силы притяжения».

Ключевые слова: диалог цивилизаций, культурные коммуникации, симбиоз культур, цивилизация Центральной Азии, культурно-цивилизационное взаимодействие России и стран Центральной Азии

Для цитирования: Следзевский И.В. Условия и перспективы диалога цивилизаций в современном мире: симбиоз культур (опыт истории стран Центральной Азии и их взаимодействия с Россией) // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 126-135, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-126-135](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-126-135)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-126-135](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-126-135)

Historical Sciences

**Conditions and Prospects of the
Civilizations Dialogue in the Modern
World: Symbiosis of Cultures**
(based on the History of the Central Asian Countries
and their Interaction with Russia)

Igor V. Sledzevsky✉

Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia
igor25011904m@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8245-5727>

Abstract. The article is devoted to the possibilities of dialogue of civilizations in a global, trans-border cultural space. The concept of civilization as a network of broad communications is new and promising, which removes the attachment of civilizational communities to a territory or state and turns civilizations into open, inclusive, cultural and communication entities. In the context of the extensive and unique historical experience of intercivilizational ties and relations, the Central Asian region can be classified as one of the most successful and longest-lasting “civilizations of encounters.” The communicative significance of this experience as a long and successful symbiosis of different cultures and religions and the role of dialogue with Russia in this heritage, in its preservation and revival are considered. Dialogue with Russia is a network of historical and modern relations and interactions between our countries. The article was prepared on the basis of a report made by the author at the Dushanbe session “Civilizational dialogue between Russia and the countries of Central Asia” of the VIII international conference “Russia and the world: dialogues - 2024. Forces of attraction.”

Keywords: dialogue of civilizations, cultural communications, symbiosis of cultures, civilization of Central Asia, cultural and civilizational interaction between Russia and Central Asian countries

For citation: Sledzevsky I.V. Conditions and Prospects of the Civilizations Dialogue in the Modern World: Symbiosis of Cultures (based on the History of the Central Asian Countries and their Interaction with Russia). Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 2(12): 126-135, [doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-126-135](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-126-135)

Введение

Современная глобализация не только усиливает мировые межкультурные связи, но и обостряет в широких масштабах их противоречивость, напряженность и конфликты в мировой системе межкультурных, межкультурных взаимодействий. Новый и крайне проблематичный характер этим взаимодействиям придают, с одной стороны, стремительное сетевое сближение в рамках общемировой культуры культур Запада, Востока и Африки, а с другой – стремление культур разных (этнического, национального, цивилизационного) уровней сохранить и в новых условиях мира без границ свою самобытность, свое культурное наследие и традиции.

Целью данной статьи является анализ возможностей диалога цивилизаций в условиях развития глобального, трансграничного культурного пространства с точки зрения концепции цивилизации как сети широких взаимодействий и коммуникаций.

Материалы и методы исследования

Научному осмыслению и критическому анализу подверглись основные, наиболее распространенные научно-теоретические подходы и концепции цивилизации (Хантингтон, Яковенко, Мишучков, Ионов и др. [3, 5, 7, 8]). Отмечается высокий гносеологический потенциал коммуникативно-сетевых подходов, в котором цивилизация рассматривается как открытая система внутренних и внешних устойчивых коммуникаций, обмена информацией. Методами исследования стали диалектический метод, метод анализа, синтеза, обобщения, конкретно-исторический метод, сравнительный анализ исторического опыта симбиоза разных культур.

Результаты исследования

Апологетику неудержимого и всеохватывающего распространения западной цивилизации ощутимо подорвала концепция нарастающих конфликтов между цивилизациями Запада и Востока и их грядущего столкновения американского политолога С.Хантингтона. Альтернативой этому разрушительному видению мирового будущего стал с конца XX в. концепт «диалога цивилизаций», перенесший обыденное понимание диалога как устного или письменного обмена мыслями между двумя и более людьми на огромное пространство культурно-цивилизационных связей и взаимоотношений стран, народов, государств. Признано позитивное международное значение концепта: необходимость диалога как для каждой цивилизации, так и для человечества в целом [8, с. 96]. Однако смысловое поле и рамки корректного научного использования концепта остаются достаточно дискуссионными. Диалог цивилиза-

ций понимается и как интерсубъектная форма межкультурных взаимодействий и отношений – обмен информацией, ценностями, продуктами между общественными институтами и социальными образованиями различных цивилизаций, и как межличностное общение носителей разных цивилизационных идентичностей, влияющее на развитие субъектности участников цивилизационного диалога, и как внутренний диалог бикультуральной личности – носителя не одной, а нескольких цивилизационных идентичностей [5, с. 219]. Отмечается, что «само по себе стремление к диалогу и даже провозглашение тех или иных диалогических принципов еще не обеспечивают эффективности или самого наличия диалога, который требует тонкого баланса теоретического знания и практических умений, в частности, специфического сочетания макроисторических и микроисторических подходов» [3, с. 25].

Но при всех различиях в трактовках понятия цивилизационного диалога его содержание привязывается обычно к смысловому образу существующих отдельно или даже изолированно друг от друга цивилизационных общностей (систем) со своими особыми мировоззренческими принципами, духовно-нравственными ценностями и идеалами. Критерии целостности и единства цивилизаций преобладают над критериями их взаимосвязи, коммуникативных отношений, ориентированных не на выстраивание институтов, структур, систем, а на устойчивый обмен информацией и создание сетей интерсубъектных отношений. У этого образа есть и свой нормативно-ценностный эталон: типичная для западного общества эпохи Модерна модель культурно-гомогенного общества, в котором понятным, правильным, осмысленным становится то, что существует как культурно-политическое единство множественности граждан-индивидов, а не культур, и обладает качеством непрерываемого бытия и морально-правовой абсолютности для всех граждан.

Между тем сами реалии современной глобализации, подрывающие или вычеркивающие из общественного сознания глубинную связь места и общности («локальное без границ» (во множестве локальных идентификаций), «глобальное без места» (во многих местах одновременно)), размывают базовый принцип теории цивилизации: цивилизация как пространственно-временной континуум культуры и истории «большого общества». На фоне постоянных трансграничных взаимодействий людей, ширящихся благодаря развитию мировой коммуникационно-информационной инфраструктуры, все труднее представлять мир цивилизации исключительно как воплощение единого духовного начала, общего мировоззрения, привязанного к определенной территории или обширному государству. Сегодня уже трудно не заметить, что и в прошлом сложившиеся цивилизационные образования, например, средневековая европейская, византийская, исламская цивилизации, никогда не были изолированы в такой степени, чтобы их можно было рассматривать как независимых друг от друга. В этом контексте новое и перспективное значение (познавательное и научно-практическое) приобретает впервые сформулированная в трудах французских историков школы «Анналов» и некоторых американских исследователей (Р.Максвелла, Д.Уилкинсона) концепция цивилизации как сети широких, надлокальных связей и отношений, преодолевающих пространство и сохраняющихся в течение долгого

времени даже в случае распада и исчезновения мировоззренческого и символического ядра цивилизационной системы [2, с. 108-109].

Заложенный в этой концепции коммуникативно-сетевой подход к природе цивилизаций – цивилизация как не только особая и единая в своей основе система социокультурной регуляции, но и открытая система внутренних и внешних устойчивых коммуникаций, обмена информацией – значительно расширяет смысл и значение концепта «диалога цивилизаций». Это уже не простые акты, процессы успешной коммуникации представителей отдельных самобытных культурно-цивилизационных миров, но более или менее устойчивая и длительно сохраняющаяся система межкультурных коммуникаций.

Но коммуникативный профиль цивилизаций-сетей выражает только общий принцип и потенциал организующего, консолидирующего цивилизационного диалога. Чтобы диалог приобрел смысл и значение особого и протяженного во времени и пространстве механизма стягивания огромных и разнообразных конгломератов населения в устойчивую систему межкультурных связей и отношений, необходимы определенное смешение и взаимная культурная адаптация участников диалога. Хотя бы минимальное, но постоянное присутствие этого условия хорошо выражает термин «симбиоз культур» – взаимодействие разнородных по своему происхождению и признакам культур, социокультурных образований, в результате которого собственные и заимствованные элементы культур вступают в совместную жизнь, не утрачивая при этом своей самостоятельности и независимости в общей сети межкультурных связей и отношений.

Цивилизационный потенциал длительного и широкого симбиоза разных культур хорошо демонстрирует история Средиземноморья. Влияние разнообразных культур вобрали в себя практически все древние цивилизации этого региона: шумерская, египетская, финикийская. Несомненно, цивилизационную целостность развитию древних культур региона придала Римская империя. Однако и после ее распада сохранилась достаточно устойчивая и значимая сеть взаимодействия разнородных стран и народов бассейна Средиземного моря, создавшая органичный цивилизационный сплав греко-римских и восточных традиций, азиатских и европейских взаимовлияний – особую средиземноморскую цивилизацию [4, с. 281-292]. Ранняя традиция симбиоза культур Средиземноморья была продолжена в эпоху Средневековья Византией на востоке Европы и мусульманской Испанией (аль-Андалус) на юге и западе европейского континента.

Опыт «симбиоза» культур в Центральной Азии

Понимание возможности развития цивилизации, цивилизационной общности разных культур и народов как устойчивой и продолжительной сети культурно-исторических связей и отношений весьма актуально и для сравнительно-исторического изучения стран Центральной Азии, объяснения природы и перспектив их развития как региональной социально-культурной системы, выходящей далеко за рамки де-

ления территории региона по национальному признаку. Существенная и хорошо заметная культурная разнородность населения Центральной Азии обуславливает и значительные различия в классификации уровней и оснований ее цивилизационного единства. В одних трактовках Центральная Азия рассматривается как целостная и единая региональная цивилизация – «тюрко-иранская», «туранская» и т.д., в других – статус отдельных цивилизаций присваивается основным этническим, нациообразующим общностям региона: узбекская, туркменская, таджикская. Но Центральная Азия может быть представлена и как характерный, образцовый пример цивилизации сетевого типа с огромным историческим опытом, живыми и развивающимися традициями симбиоза мировых цивилизаций [6]. Располагаясь между культурными ареалами Западной и Восточной Азии, страны Центральной Азии на протяжении многих столетий активно воспринимали и осваивали лучшие образцы и достижения культур этих регионов, включая формы религии, эстетические универсалии, образцы архитектуры. Цивилизационное своеобразие региона нельзя представить без пространственно-сетевой оси региональных культурно-исторических взаимодействий – проходившего через территорию Центральной Азии Великого шелкового пути, соединявшего Китай и Европу и игравшего важную роль интегратора и трансформатора культур Востока и Запада. Очевидны и глубокие исторические основания – корни симбиоза культур народов Центральной Азии: прочное соединение под контролем централизованной политической и военной власти культур кочевников и оседлых земледельцев.

Но, будучи системным условием развития сетевых цивилизаций, само по себе соединение в сети коммуникаций разных по своему происхождению и характеру культур не определяет перспективы сохранения этих сетей как фактора преодоления локальных – этнических и национально-государственных – интересов и ценностей. В логике собственного развития сети могут расширяться и сужаться, менять степень своей интенсивности, изменяя при этом характер и интегративный потенциал культурного симбиоза. Европейская и мировая история полна примеров такого соединения разнородных культур, когда его результатом становилось не расширение межкультурного обмена, а разлом и ограничение межкультурных взаимодействий. Например, нельзя отрицать важного вклада в развитие западноевропейской цивилизации с конца VIII и до конца XI в. жителей Скандинавии – викингов, создавших благодаря успехам их морских экспедиций широкую сеть морских трансграничных связей и отношений. Здесь и превращение Англии в составную часть Европы, и содействие ускорению политической консолидации средневековых европейских государств, и продолжительный расцвет скандинавской культуры. Однако невозможно говорить о существовании или хотя бы продвижении в сторону образования особой скандинавской (норманнской) цивилизации. Викинги противостояли христианству и его трансграничному культурно-цивилизационному влиянию, тогда как для европейской общественности того времени, в частности, для европейских хронистов, диалог с норманнами не имел большого смысла и значения из-за устойчивого восприятия их как свирепых и кровожадных воинов.

Обсуждение результатов

Для широкого и успешного развития цивилизационного диалога в длительной макроисторической перспективе, включая перспективы сохранения и расширения сетевых цивилизаций, необходим не просто интенсивный межкультурный обмен, но превращение взаимодействия, взаимовлияния разных культур в их духовном измерении в устойчивый социально-культурный и культурно-правовой порядок, включающий в себя нивелирование культурной и правовой дискриминации отдельных социокультурных и культурно-лингвистических групп; осознание общей человеческой истории и судьбы народов и стран, связанных между собой длительными и устойчивыми историческими связями и отношениями; закрепление успешного, человекоцентричного симбиоза культур в государственной политике и международных отношениях сотрудничества и партнерства [1].

История народов и стран Центральной Азии содержит в себе огромный и во многом уникальный в своем разнообразии и продолжительности опыт подобного – органичного и человеко-размерного культурного симбиоза. Большие исторические перспективы для его развития открыл длительный и укоренившийся в культурном наследии региона симбиоз религий, утверждающих идеи и ценности высшего духовно-нравственного и метафизического порядка: ислама, христианства, буддизма и иудаизма. Новые основы, связанные с выходом традиционных культур в современность, культурный симбиоз приобрел в советский период. Русификация советских республик Центральной Азии – быстрое распространение русского языка – не вызывало враждебности или недовольства со стороны большинства коренного населения Центральной Азии и в массовом сознании народов региона ассоциировалось с высоким уровнем образования и культуры, возможностями занять более высокое положение в обществе без отторжения традиционных ценностей и норм поведения [9]. Овладение русским языком не означало утраты собственной культурной идентичности. Советизация региона, включавшая в себя насильственное подавление традиционалистских исламских движений, принудительную коллективизацию сельского хозяйства, слепое повиновение центру, в целом не повлияла на стабильность и толерантность межэтнических отношений. Сложился баланс многовековой традиции и советских модернизационных преобразований. Распад Советского Союза не вызвал притеснений русскоязычных групп и не привел к значительным изменениям в этническом составе населения.

Выводы

Сегодня стратегически важное значение для успешной интеграции региона имеет сохранение и развитие диалога стран Центральной Азии с Россией не только в области политики и экономики, но и в гуманитарной сфере: науке, искусстве, культурном туризме, защите интеллектуальной собственности. Гуманитарное сотрудни-

чество со странами СНГ было и остается одним из главных приоритетов международной-региональной политики Российской Федерации, как и обеспечение стабильности и безопасности постсоветского информационно-коммуникационного пространства, на что обращается внимание в концепции стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. Вместе с тем нельзя не учитывать и серьезные вызовы развитию стабильного и диалогового в своей основе партнерства России и постсоветских стран Центральной Азии. На глобальном геополитическом и геокультурном уровне эти вызовы обуславливают обостряющаяся конкуренция между ведущими мировыми игроками за влияние на постсоветском пространстве и на евразийском континенте в целом. Продолжительный исторический опыт взаимодействия России со странами Центральной Азии и налаженные широкие связи и отношения с государствами региона позволяют России успешно конкурировать за лидирующее положение в регионе. Однако, принимая во внимание перспективу дальнейшего нарастания конкуренции в регионе ведущих мировых держав и их объединений (России, Китая, США, Европейского союза), необходимо признать, что сохранение лидирующих позиций России вряд ли будет возможно без акцентирования культурно-цивилизационных преимуществ сотрудничества стран Центральной Азии с Россией – наличия общей культуры международного и межчеловеческого общения, «цивилизации встреч», сближающей и сплавляющей наши народы и государства в непростое время ломки мирового порядка.

Список литературы

1. Гончарова А.В. Симбиоз культур как философско-правовая идея и культурная политика [Symbiosis of cultures as a philosophical and legal idea and cultural policy] // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 2(100). С. 58–59.
2. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность [Civilizations: Universals and Identities]. М.: Наука, 2002. 524 с.
3. Ионов И.Н. Макроисторические и микроисторические подходы в диалоге культур и цивилизаций [Macrohistorical and microhistorical approaches to the dialogue of cultures and civilizations] // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М.: Ин-т Африки РАН, 2010.
4. Ланда Р.Г. Средиземноморье: общность истории и культуры [Mediterranean: common history and culture] // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 281–292.
5. Мишучков А.А. Категориальный статус концепта «Диалог цивилизаций» [Categorical status of the concept "Dialogue of Civilizations"] // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 2(177).
6. Скрыбина К.А. Центральная Азия как симбиоз мировых цивилизаций [Central Asia as a symbiosis of world civilizations] // Электронный научно-образовательный журнал «Nauka.me». 2019. № 4.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Clash of Civilizations] / Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 603 с.
8. Яковенко И.Г. Глобализация как фактор диалога: новая историческая ситуация и диалог цивилизаций [Globalization as a factor of dialogue: a new historical situation and dialogue of civilizations] // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М.: Ин-т Африки РАН, 2010.
9. Lipovsky J. The Russian Problem in Central Asia // Orient. 1995. Vol. 36. 3: 499–517.

Информация об авторе

СЛЕДЗЕВСКИЙ Игорь Васильевич. Доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник, заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. <https://orcid.org/0000-0001-8245-5727>. Адрес: 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. igor25011904m@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 22 апреля 2024 г. Принята к публикации: 25 апреля 2024 г. Опубликована: 15 мая 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Goncharova A.V. Symbiosis of cultures as a philosophical and legal idea and cultural policy. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2021; 2 (100):58-59 [In Russian].
2. Erasov B.S. Civilizations: Universals and Identities. Moscow: Nauka, 2002:524 [In Russian].
3. Ionov I.N. Macrohistorical and microhistorical approaches in the dialogue of cultures and civilizations. Dialog v policentrichnom mire: filosofsko-kul'turny'e, istoricheskie, politicheskie i kommunikativny'e problemy [Dialogue in a polycentric world: philosophical, cultural, historical, political and communication problems]. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2010 [In Russian].
4. Landa R.G. Mediterranean: common history and culture. Otechestvenny'e zapiski [Domestic notes]. 2004; 5:281-292 [In Russian].
5. Mishuchkov A.A. Categorical status of the concept "Dialogue of Civilizations". Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University]. 2015; 2(177) [In Russian].
6. Skryabina K.A. Central Asia as a symbiosis of world civilizations. Nauka.me [Electronic scientific and educational journal]. 2019; 4 [In Russian].
7. Huntington S. Clash of Civilizations / Trans. from English. Moscow: AST, 2003:603 [In Russian].
8. Yakovenko I.G. Globalization as a factor of dialogue: a new historical situation and dialogue of civilizations. Dialog v policentrichnom mire: filosofsko-kul'turny'e, istoricheskie, politicheskie i kommunikativny'e problemy. [Dialogue in a polycentric world: philosophical, cultural, historical, political and communication problems]. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2010 [In Russian].
9. Lipovsky J. The Russian Problem in Central Asia. Orient; 1995; 36(3):499-517 [In English].

About the author

Igor V. SLEDZEVSKY. DSc. (Hist.). Leading Researcher, Head of the Center for Civilizational and Regional Studies at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-8245-5727>. Address: 30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russia. igor25011904m@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 18, 2024. Approved after review: April 22, 2024 Accepted for publication: April 25, 2024 Published: May 15, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Межцивилизационный диалог в Центральной Азии: взгляды русских и таджикистанских ученых

Гузель Майтдиновна Майтдинова^{1a}✉, Владимир
Игоревич Сажин^{2b}✉, Абдугани Мамадрахимович
Мамадазимов^{3c}✉, Алексей Егорович Загребин^{4d}✉

¹Центр геополитических исследований Российско-Таджикского
(Славянского) университета, Душанбе, Таджикистан

²Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института
востоковедения РАН, Москва, Россия

³Таджикский национальный университет

⁴Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

^a guzel-maitdinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>

^b vsaj1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>

^c m_abdughani@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-258X>

^d zagreb72@izh.com, <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>

Аннотация. Материалы статьи содержат анализ особенностей диалога цивилизаций в Центральной Азии. Регион Центральной Азии рассматривается как межцивилизационный узел, где взаимодействовали и конкурировали персидские, эллинистические, вавилонские, китайские, индийские, монгольские, арабские, тюркские цивилизации. В результате возник особый культурный контекст, который оказывает влияние на народы, их национальную психологию, религию, языковые особенности. Исторически регион являлся контактной зоной оседло-

земледельческой и кочевой цивилизаций. Импульс развитию региона придавал его транзитный потенциал, в частности, Великий шелковый путь. Авторы статьи высказывают мнение, что на современном этапе диалог возможен на основе понимания исторической общности различных народов, проживающих в регионе, и собственной цивилизационной идентичности, которая опирается на традиционные ценности. В политической культуре стран Центральной Азии сформировались свои демократические принципы, которые не всегда идентичны западным. На современном этапе возникают новые диалоговые платформы, где ведется активный межцивилизационный диалог. Наряду с постсоветскими странами Центральной Азии и Россией участниками этих платформ являются Афганистан, Иран, Китай и Пакистан.

Ключевые слова: диалог цивилизаций, конфликт цивилизаций, Центральная Азия, Таджикистан, Иран, персидская цивилизация, тюркская цивилизация, русская цивилизация, этнографические исследования

Для цитирования: Майтдинова Г.М., Сажин В.И., Мамадазимов А.М., Загребин А.Е. Межцивилизационный диалог в Центральной Азии: взгляды российских и таджикистанских ученых // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 136-159, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-136-159](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-136-159)

Original Article

Historical Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-136-159](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-136-159)

Intercivilizational Dialogue in Central Asia: Views of Russian and Tajik Scientists

Guzel M. Maitdinova^{1a}✉, Vladimir I. Sazhin^{2b}✉, Abdugani
M. Mamadazimov^{3c}✉, Alexey E. Zagrebina^{4d}✉

¹Center for Geopolitical Studies, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe,
Tajikistan

²Centers for the Study of the Countries of the Near and Middle East, Institute of
Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

⁴Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

^a guzel-maitdinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>

^b vsaj1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>

^c m_abdughani@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-258X>

^d zagreb72@izh.com, <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>

Abstract. The article provides an analysis of the features of the dialogue of civilizations in Central Asia. The region is considered as an intercivilizational hub where Persian, Hellenistic, Babylonian, Chinese, Indian, Mongolian, Arab, and Turkic civilizations interacted and competed. As a result, a special type of culture arose that influences

peoples, their national psychology, religion, and linguistic characteristics. Historically, the region was a contact zone of settled agricultural and nomadic civilizations. The impetus for the development of the region was given by its transit potential, in particular the Great Silk Road. The authors believe that at the present stage, dialogue is possible based on an understanding of the historical community of different peoples living in the region, and one's own civilizational identity, which is based on traditional values. The political culture of the Central Asian countries has developed its own democratic principles, which are not always identical to Western ones. At the present stage, new dialogue platforms are emerging where active intercivilizational dialogue is conducted. Along with the dialogue are Afghanistan, Iran, China, Pakistan.

Keywords: dialogue of civilizations, conflict of civilizations, Central Asia, Tajikistan, Iran, Persian civilization, Turkic civilization, Russian civilization, ethnographic studies

For citation: Maitdinova G.M., Sazhin V.I., Mamadazimov A.M., Zagrebin A.E. Intercivilizational Dialogue in Central Asia: Views of Russian and Tajik Scientists. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 2(12): 136-159, doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-136-159

Введение

В условиях формирования полицентричного мира как никогда возрастает роль цивилизационного фактора. Деидеологизация международных отношений акцентировало внимание акторов на проблемах межцивилизационного взаимодействия. Есть понимание в странах Азии, что в изменяющемся мире необходимо формирование мировой политики с учетом множественности межцивилизационных отношений, равенства ценностей всех цивилизаций, что демократические ценности локальных цивилизаций Азии придают специфическую особенность современным межгосударственным отношениям и интеграционным процессам.

Следует отметить, что в современной российской науке тематика цивилизаций исследуется более активно, чем в Таджикистане, и чаще осмысливается на уровне фундаментального знания. Например, разрабатываются новые теоретико-методологические подходы, выявляются новые тенденции и закономерности развития цивилизаций [4, 5, 9–12, 15–17, 20, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 32], исследуются особые форматы цивилизационных отношений [6, 7, 33], осмысливается сущность и значение России как государства-цивилизации [14, 24].

Исследуется проблематика межцивилизационного диалога в Центральной Азии и непосредственно в Таджикистане [13, 18, 19, 28, 31].

В таджикстанской науке чаще встречаются исследования локальных цивилизаций и вопросов цивилизационной идентичности [1–3].

Исследований, претендующих на осмысление современной теории цивилизации, немного, но они есть [12].

Цель данной статьи – познакомить научную общественность со взглядами некоторых ученых из Таджикистана и России по вопросу истории и развития межцивилизационного диалога в Центральной Азии.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе материалов научных докладов российских и таджикских ученых, представленных на зарубежной сессии «Цивилизационный диалог России и стран Центральной Азии», проведенной в рамках VIII международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2024. Силы притяжения». Организаторами зарубежной сессии стали Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК, Россия) и Сектор исследования России Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана (НАНТ, Таджикистан). Авторы статьи использовали методы исторического анализа, экстраполяции, сравнения, обобщения.

Результаты исследований

Цивилизационный фактор в международных отношениях в Центральной Евразии в условиях формирования нового мироустройства (Г.М.Майтдинова)

Центрально-Азиатский регион – важный межцивилизационный узел, где во все исторические периоды взаимодействовали эллинистическая, исламская, конфуцианская, православно-христианская, индо-буддийская цивилизации. Цивилизационный диалог по Великому шелковому пути всегда давал импульс для развития стран и отношений. Именно диалог цивилизаций вдоль знаменитой трассы заложил основу современного облика цивилизации в Центральной Азии. Регион также является контактной зоной оседло-земледельческой и кочевой цивилизаций. Новые центральноазиатские государства, которые связаны между собой этническими, цивилизационными и другими узами, ведут поиск новых механизмов реализации своих национальных интересов. Постсоветские государства Центральной Азии возникли на этнической основе с четко выраженными культурными особенностями и ментальностью народов, поэтому во внешней политике отражается эта данность. Проблемы сохранения исторической памяти, традиционной культуры, нравственных ценностей играли важную роль при определении национальных интересов и формировании внутренней и внешней политики новых государств Центральной Азии. С момента обретения суверенитета новые государства осознали, что интеграционной основой для них может служить историческая общность различных народов, проживающих в регионе в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, этнические связи. В условиях глобализации в центральноазиатском обществе есть осознание того, что необходимо сохранение собственной цивилизационной идентичности, которая должна опираться на устойчивые традиционные ценности. Привнесенные внешние политические ценности, как правило, отторгаются в традиционном обществе, если они не совмещаются с локальными, и это необходимо учитывать

в международных отношениях. В Азии в политической культуре существовали определенные демократические принципы, которые не всегда идентичны западным.

В 90-х гг. XX в. новые государства Центральной Азии налаживали международное сотрудничество, прежде всего и с учетом цивилизационной близости развития и исторических связей. В июле 2006 г. в Душанбе президенты Таджикистана, Афганистана и Ирана (стран – носителей арийского наследия) решили сформировать иранский альянс для укрепления своего потенциала развития совместными усилиями. Отношения Таджикистана с ираноязычными государствами, близкими по культурному и географическому пространству, гармонично вписывались в концепцию его многовекторной внешней политики. При этом геополитический потенциал Ирана играл существенную роль для Таджикистана и Афганистана при формировании инициативы о создании иранского альянса (Таджикистан – Афганистан – Иран), основанного на цивилизационной общности. В настоящее время на цивилизационной основе укрепляется сотрудничество Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана, Турции с участием нейтрального Туркменистана в рамках Организации тюркских государств. Примером позитивного межцивилизационного взаимодействия служит сотрудничество в рамках ШОС 26 государств с разной цивилизационной принадлежностью: православно-христианской, исламской, конфуцианско-буддийской, индо-буддийской.

В Центральной Азии возникли новые диалоговые платформы, где ведется активный межцивилизационный диалог: формат координации действий внешних акторов (C5+1); политический, экономический, гуманитарный формат для обсуждения региональных проблем (Астанинский формат); формат безопасности («четверки» – «Афганистан – Таджикистан – Китай – Пакистан», «Душанбинская четверка» – Таджикистан, Россия, Афганистан, Пакистан). Модели интеграции, предлагаемые внешними игроками, национальные стратегии государств региона включают активное цивилизационное соразвитие новых акторов вместе с Афганистаном и другими соседними странами. Перед новыми государствами Центральной Азии открываются новые возможности более тесного цивилизационного взаимодействия при реализации коммуникационных проектов в южном векторе, открывающих для них афгано-пакистанский, афгано-ирано-южноазиатский, каспийско-ирано-южноазиатский коридоры, которые могут стать коридорами не только экономического и гуманитарного развития, но и межцивилизационного диалога.

В современных международных отношениях Центральной Азии становится важным понимание того, как влияет на внешнюю и внутреннюю политику цивилизационное наследие: исторические корни, традиции политической культуры, традиционные представления о пространственной политике, традиционное мировосприятие, ценности духовной культуры и т.д.

Новые государства Центральной Азии возникли на этнической основе с четко выраженными культурными особенностями и ментальностью народов, поэтому во внешней политике отражается эта данность. К сожалению, начиная с начала 1990-х гг. резко сократилась информация о культуре соседних стран в информационном поле центральноазиатских государств. Между тем в результате использования

рычагов «концепции привлекательности культур» можно достичь доверия, интереса к своей стране, взаимопонимания, а это может оказать влияние на политические и гуманитарные процессы на международной арене не только в Центральной Азии, но и на глобальном, и региональном уровнях. В настоящее время ощутимо в глобальной и региональной политике государств Центрально-Азиатского региона усиление влияния культурной дипломатии, ее воздействие на систему межгосударственных отношений, заметны акценты на политике культурной привлекательности своих стран.

В связи с вышеуказанным тезисом о роли цивилизационных особенностей во внешней политике центральноазиатских государств, по нашему мнению, важно обратить внимание на следующее:

- на евразийском пространстве в процесс цивилизационного развития нужно закладывать и укреплять основы новой цивилизации, предлагая соразвитие локальных цивилизаций;
- в условиях ускорения глобализации необходимо стремиться к сохранению цивилизационного многообразия на евразийском пространстве;
- новая доктрина соразвития должна исключать идеи антагонизма, конфронтационного восприятия мира в парадигме «исламская цивилизация – христианская цивилизация», считая их основным сдерживающим фактором прогресса;
- в новой идеологии развития доминирующим фактором должны быть универсальные цивилизационные ценности, идеи равенства, взаимопонимания, доверия;
- в формирующемся новом мироустройстве объединяющая платформа новой доктрины развития Центральной Евразии должна вобрать в себя ценности существующих в регионе локальных цивилизаций (со спецификой оседло-земледельческих и кочевых цивилизаций): исламской, православно-христианской, индо-буддийской.

6 августа 2021 г. в городе Туркменбаши в принятом Совместном заявлении по итогам Консультативной встречи глав государств Центральной Азии было акцентировано внимание на развитии межкультурного диалога в интересах народов, живущих в регионе. В Совместном заявлении была подчеркнута необходимость сохранения и поощрения многообразия культур и межнациональной толерантности, укрепления сотрудничества. Для придания системного и регулярного характера межкультурного взаимодействия главы государств договорились создать форум культурного диалога Центральной Азии в качестве единой платформы культурно-гуманитарного обмена под названием «Центральная Азия: одно прошлое и одно будущее». В принятом совместном документе еще раз подчеркивается важность на современном этапе изучения исторического наследия народов региона, которое дает наглядно исторический опыт общения между государствами и народами, опыт интеграции, опыт политической культуры и толерантности на пространстве не только Центральной Азии, но и в Евразии в целом, а также может дать позитивный импульс для развития современного международного сотрудничества. Международно-правовая основа сотрудничества государств Азии должно быть направлено на превентивное противодействие распространению межнациональных конфликтов и создание платформы для стабильного развития.

В Центральной Азии глобальные процессы проецируются на региональном уровне со своей локальной спецификой. В современных условиях большая ответственность лежит за стабильность и развитие Центральной Азии на внерегиональных членах ШОС, учитывая то, что в полицентричный мир уже вносят свои коррективы центры силы – Россия, Китай, Индия, представляющие собой отдельные взаимодействующие цивилизации, являющиеся ядром экономического потенциала ШОС. Три государства являются стержневыми акторами в современной геополитической динамике мира. В сложившихся международных отношениях культурные различия на пространстве ШОС способны стать доминирующим фактором развития, и в то же время интеграционные процессы будут способствовать межкультурному диалогу и выработке общих ценностей в XXI в. Инструменты «мягкой» дипломатии не только сохраняют свою актуальность, но и должны стать все более важными во внешней политике государств ШОС.

В настоящее время будет возрастать значимость «концепции привлекательности культур» во внешней политике государств Центральной Азии, и культурная дипломатия будет играть все более важную роль на международной арене. Выступая 6 июня 2023 г. в Российско-Таджикском (Славянском) университете, министр иностранных дел России С.В.Лавров подчеркнул: «Россия выстраивает межгосударственные связи исключительно на принципах Устава ООН, честности, равноправия, уважения культурно-цивилизационного многообразия современного мира, права народов самим решать свою судьбу»¹. Данный тезис отражает позиции и Таджикистана, и всех государств Центральной Азии.

В настоящее время вышеуказанные модели межцивилизационного диалога (исламской, христианской, конфуцианской, индо-буддийской цивилизаций) отражают современные принципы демократии в международных отношениях Евразии, где главным является принцип равенства и уважения цивилизационного различия. Межцивилизационный диалог с учетом особенностей развития демократии в Центральной Евразии позволяет реализовать позитивный потенциал партнерских отношений, культурной дипломатии, межконфессионального сотрудничества в противовес политике международной конфронтации государств и мирового сообщества в целом.

Иран и центральноазиатская цивилизационная система сегодня (В.И.Сажин)

Центральная Азия (ЦА) – это уникальный ареал Земного шара, где исторически существовали, взаимодействовали, противоборствовали многие цивилизационные системы, оставившие здесь свой след. Персидские и эллинистические, вавилонские и китайские, индийские и монгольские, арабские и тюркские цивилизации

¹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в Российско-Таджикском (Славянском) университете, Душанбе, 6 июня 2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1879998/.

на протяжении тысячелетий генерировали образование городов, государств, альянсов, которые возникали, развивались и умирали. Но они создавали феноменальный культурный пласт, который до сих пор оказывает огромное влияние на народы, их национальную психологию, религию, языковые особенности.

Важнейшим фактором, обеспечивающим развитие, процветание, многообразие региона, стал Великий шелковый путь, проложенный через Центральную Азию почти две с половиной тысячи лет назад, соединяющий Китай и Европу. Он не только связал именно эти две далекие точки планеты, эти две далекие цивилизации, но и интегрировал в этот глобальный процесс многие и многие народы.

Европейцы и китайцы, турки и арабы, персы и монголы, евреи и индийцы не ограничивались просто транспортировкой и доставкой товаров из одной точки «А» (Китай) в точку «Б» (Европа) и обратно. Они втягивали в процесс торгового, экономического, культурного, языкового обмена огромные массы народа, проживающего вдоль Шелкового пути, причем, как правило, на достаточно большом расстоянии от этой транспортной артерии. То есть образовался такой обширный ареал – симбиоз центральноазиатских стран, народов, постоянно проживающих там, а также иностранных мигрантов и купцов. Благодаря этому Центральная Азия стала местом сосуществования мировых религий: ислама, христианства, иудаизма, буддизма. Кстати, Центральная Азия – родина зороастризма.

В той или иной степени процесс культурной, религиозной, экономической и даже политической интеграции коснулся и близлежащих стран: Персии, Афганистана, Турции, Индии, Китая, России. Влияние на Центральную Азию этих государств всегда было значительным. Причем к списку этих стран следует присовокупить и Великобританию, которая традиционно в течение веков искала свои имперские интересы в этом регионе. Нельзя забыть и США, которые после распада СССР усилили свою активность в Центрально-Азиатском ареале.

А что такое Центрально-Азиатский ареал в географическом понимании?

По определению ЮНЕСКО, регион включает Монголию, Западный Китай, Пенджаб, Северную Индию и Северный Пакистан, Северо-Восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таёжной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии. Однако в современном политико-географическом понимании ЦА это Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Все же в дальнейшем мы будем придерживаться этой трактовки.

Безусловно, в настоящее время Центральная Азия находится в постоянном движении. И направление этого движения зависит от воздействия многих факторов, включающих в том числе результаты борьбы перспектив, проектов, планов, сценариев, предложений, представленных странами, заинтересованными в углублении и расширении своих связей (и, конечно, влияния) со странами ЦА.

Действительно, привлекательность Центральной Азии для внешних акторов обусловлена богатыми природными ресурсами, значительным сельскохозяйственным, производственным и людским потенциалом региона. Там находятся крупные месторождения углеводородов (Туркменистан, Казахстан, Узбекистан),

меди (Казахстан, Узбекистан), урана (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), редкоземельных и благородных металлов (золото и серебро в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии). Но не только. ЦА имеет стратегически важное политико-географическое положение, что уже было доказано функционированием Великого шелкового пути. В современном мире роль и значение Центрально-Азиатского ареала несколько не уменьшилось, а, наоборот, возросло, и в военно-политическом смысле также.

К странам, которые исторически (а ныне – и политико-экономически) воздействуют на Центрально-Азиатский регион, можно отнести США, Евросоюз, Китай, Турцию, Россию, Иран и Саудовскую Аравию. Надо отметить, что на протяжении более 30 лет после распада СССР степень и сила влияния этих субъектов на ЦА менялись.

Что касается Королевства Саудовской Аравии (КСА), то его активность в регионе объясняется общей, генеральной линией политики принца Мухаммеда бен Салмана, нацеленной на превращение КСА в мировую супердержаву, в глобальный центр ислама, финансов, туризма и т.д. Эр-Рияд не мог оставить в стороне от своих идеологических и финансовых устремлений суннитскую Центральную Азию.

Для Китая ЦА имеет огромное значение в обеспечении внутренней и внешней безопасности. Глобальный китайский проект «Один пояс, один путь» предполагает в том числе воссоздание Великого шелкового пути под эгидой КНР. Важнейшим для Пекина аспектом является энергетика. По данным специалистов, Китай вложил более \$40 млрд в ЦА. Кроме того, КНР интересуется уран, строительство, металлургия, химическая и легкая промышленность, сельское хозяйство².

Главное для Китая сейчас – не допустить роста влияния США в регионе. С Россией взаимодействие налажено в рамках ШОС, созданы общие университеты, программы обучения. ШОС реально функционирует и имеет достаточно полномочий решать на практике важные для региона вопросы³.

В последние годы отмечается активность США в республиках ЦА. В 2015 г. Вашингтон сформировал так называемый формат «C5+1», объединяющий пять стран ЦА и США⁴. Цель – укрепление позиций Америки в регионе, вытеснение России, Китая и лоббирование альтернативных китайскому проекту «Один пояс, один путь» маршрутов. О серьезности намерений США в ЦА свидетельствует первый в истории саммит лидеров стран Центральной Азии и США в формате «C5+1», проходивший в сентябре 2023 г. в Нью-Йорке.

Иран – одна из крупнейших и влиятельнейших стран Ближнего и Среднего Востока – связана множеством нитей со всем регионом – нитей исторических, культур-

но-традиционных, торгово-экономических, политических и отчасти религиозных. Влияние Ирана (разной интенсивности) на ключевые региональные процессы на Ближнем Востоке, в ЦА и даже всего мира (ядерная программа ИРИ) неоспоримо.

В Центрально-Азиатском субрегионе влияние Ирана прослеживается особенно ярко. После распада СССР в декабре 1991 г. ИРИ уже через месяц-два признала все бывшие советские республики Центральной Азии и установила с ними дипотношения. Примечательный факт: Тегеран горячо приветствовал вступление центрально-азиатских государств в Организацию Исламская Конференция, поскольку их членство в ОИК привело к усилению роли неарабских членов ОИК, что объективно усиливает позиции Ирана при принятии важных решений.

Однако официальное сближение ИРИ с центральноазиатскими государствами не могло обеспечить религиозное влияние Исламской Республики на народы ЦА.

В Тегеране прекрасно понимали, что основополагающий принцип внешней политики ИРИ, заложенный в ее доктрине [21] – экспорт исламской революции по иранскому образцу – в условиях ЦА работать эффективно не будет. Подавляющее большинство населения республик ЦА, в отличие от ИРИ, традиционно исповедуют ислам суннитского толка. Более того, за 70 лет советской власти в этих республиках секуляризационные тенденции (как и по всему СССР) были довольно действенными. То есть у иранских специалистов в области экспорта исламской революции в ЦА нет базы для успешной и плодотворной работы.

Нельзя также забывать и то, что после обретения странами ЦА независимости этот регион стал ареной активной деятельности Турции, особенно после прихода к власти Реджепа Тайипа Эрдогана в 2003 г. (как премьера), 2014 г. (как президента). Он стал активно и целенаправленно проводить идею пантюркизма, создав в 2009 г. альянс тюркоязычных государств, который сегодня называется «Организация тюркских государств». В нее входят: Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан и в качестве членов-наблюдателей – Венгрия и Северный Кипр. Это, несомненно, мощная идеологическая, политическая, экономическая база для осуществления Анкарой своей экспансионистской политики в ЦА⁵. В случае решения вопроса о Зангезурском коридоре на Южном Кавказе влияние Турции на Центральную Азию значительно возрастет. Она будет иметь прямую дорогу через Азербайджан и Каспий в Центральную Азию. Турецкая политика на Кавказе и в ЦА чрезвычайно волнует Тегеран.

В то же самое время возможности ИРИ бороться за свои интересы в регионе и оказывать влияние значительно снижаются. Пожалуй, наиболее доступными для иранского воздействия являются две центральноазиатские страны – Таджикистан и Туркменистан.

Таджикистан – страна, из всех стран мира наиболее близкая Ирану по своему генезису, истории, этнокультуре, языку. В свое время президент ИРИ Махмуд Ахмади-

2 Сая Тауекелова. Китай может потеснить Россию на рынке Центральной Азии // Голос народа. 10.11.2022. URL: <https://golos-naroda.kz/12745-kitai-mozhet-potesnit-rossiiu-na-gynke-tsentrainoi-azii-1668063386/>.

3 Пан Дапэн. Роль ШОС во внешнеполитической стратегии Китая // Российский совет по международным делам. 01.10.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-kitaya/>.

4 U.S. Department of State. Fact Sheet. 27.02.2023 // C5+1 Diplomatic Platform. URL: <https://www.state.gov/c51-diplomatic-platform/>.

5 Рената Алимова. Десятый саммит Организации тюркских государств: а воз и ныне там // Фонд стратегической культуры. 17.11.2023. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/11/17/desyatyy-sammit-organizacii-tyurkskikh-gosudarstv-voz-i-nyne-tam.html>.

нежад назвал Иран и Таджикистан «частями одного великого целого». А верховный лидер ИРИ аятолла Хаменеи называет эти две страны родными братьями.

Однако за последние 30 лет отношения Душанбе и Тегерана характеризовались и взлетами, и падениями. Я не буду подробно останавливаться на анализе этих отношений – коллеги это знают лучше меня. Единственное, что хотелось бы отметить, – то, что Иран, используя ментальную близость двух народов, применяя, как сегодня говорят, «мягкую силу», пытался создать в Таджикистане проиранскую прослойку на базе идей мировой исламской революции и иранского «арийства». Но, видимо, руководство Таджикистана раскусило этот маневр Тегерана и не допустило распространения чуждой Таджикистану идеологии. Импульс таджикско-иранских отношений был сконцентрирован на торгово-экономических аспектах. При этом не были отвергнуты направления сотрудничества в области безопасности, борьбы с терроризмом и наркобизнесом, в военной и военно-технической сферах.

Напомню, в мае 2022 г. в Таджикистане прошла церемония открытия завода по производству иранских военных беспилотников Ababil-2. Вскоре в ходе первого за почти десятилетие визита президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Тегеран Иран и Таджикистан приняли программу торгово-экономического сотрудничества до 2030 г. Через полтора года во время визита президента ИРИ Эбрахима Раиси в Душанбе было подписано 18 документов, затрагивающих такие сферы, как транспорт, наука, культура, спорт и информационные технологии.

Что касается Туркменистана, то здесь ирано-туркменское сотрудничество не в последнюю очередь основывается на территориальной близости двух стран и общей 1148-километровой границе. Туркменистан является как бы воротами Ирана в Центральную Азию, а Иран – выходом практически для всех стран ЦА через Туркменистан к водам Персидского залива и Индийскому океану.

Большое значение – как для Ирана, так и для стран ЦА – является железнодорожная ветка «Серахс–Мешхед» (а затем далее к Персидскому заливу). Основой для расширения объема двусторонних торговых отношений стали четыре автодорожных и железнодорожных пункта пересечения границы, открытие еще одной станции пограничного контроля, облегчение выдачи виз бизнесменам двух стран.

В политическом плане задача Тегерана – удержание Ашхабада от слишком тесного сближения с Анкарой. Иран пошел на уступки Туркменистану, согласившись выплатить ранее не признаваемый Тегераном долг за поставки туркменского газа, возобновить поставки газа из Туркменистана по трубопроводу Корпедже–Курт-Куи, увеличить объемы своповых поставок газа в рамках трехстороннего соглашения с Туркменистаном и Азербайджаном. В ноябре 2021 г. Иран, Туркменистан и Азербайджан восстановили соглашение о поставках природного газа, и Иран ежегодно перебрасывает от 1,5 до 3,5 млрд кубометров газа из Туркменистана в Азербайджан⁶. Вместе с тем Иран отказывается от ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского

⁶ Энергетическая политика. 10.03.2023 // Туркмения, Иран и Азербайджан наращивают свопы для увеличения поставок газа в ЕС. URL: <https://energypolicy.ru/turkmeniya-iran-i-azerbajdzhan-narashhivayut-svopy-dlya-uvelicheniya-postavok-gaza-v-es/novosti/2023/21/10/>.

моря до проведения разграничения дна с Туркменистаном и Азербайджаном, сохраняя возможность блокировать строительство Транскаспийского газопровода.

Это, так сказать, предпочтительные для Тегерана страны. Но Иран, конечно, активно развивает свое торгово-экономическое сотрудничество с другими государствами ЦА. Причем в первую очередь ориентируется на их экономический потенциал, который наиболее значителен в регионе у Казахстана и Узбекистана. Здесь также преобладают углеводородные, транспортные сферы. За неимением времени ограничимся констатацией того, что первое место по товарообороту Ирана в 2022 г. занимал Казахстан (\$528 млн), Туркменистан (\$475 млн), Узбекистан (\$416 млн), Таджикистан (\$238 млн) и Кыргызстан (\$80 млн)⁷.

И все же следует отметить, что при ограниченности военно-политических и экономических ресурсов Иран располагает, пожалуй, двумя сильными козырями для усиления своего влияния в Центральной Азии – удобным и кратчайшим для центральноазиатских стран выходом к Индийскому океану и мощным культурным влиянием на народы региона. Оба эти козыря пытается использовать иранская дипломатия.

Необходимо подчеркнуть, что некоторое оживление политики Тегерана по отношению к странам ЦА произошло после прихода к президентской власти в ИРИ в 2021 г. Эбрахима Раиси, который руководствовался указаниями верховного лидера аятоллы Хаменеи, данными им приблизительно в то же время. Али Хаменеи заявил: «Одним из наших приоритетов сегодня во внешней политике является предпочтение Востока Западу, соседей – отдаленным странам и народам, а стран, которые разделяют наши взгляды и позиции – другим» [34]. Этому лозунгу соответствуют и помогают его претворить в жизнь и деятельность ИРИ в ШОС и БРИКС, куда Иран недавно вступил.

Конечно, иранский лидер, говоря о Востоке, в первую очередь имел в виду Китай, Индию и Россию. Но все же генеральная линия внешней политики ИРИ затронула и ЦА. Я бы сказал, в двух аспектах. О первом мы уже говорили: реальное расширение связей со странами ЦА. Второй аспект – это борьба с влиянием США и их союзников, в том числе в Центрально-Азиатском регионе.

В итоге можно сделать вывод, что Тегерану удалось создать основу для дальнейшего развития отношений с государствами Центральной Азии. ИРИ, выстроив достаточно сбалансированную систему отношений с государствами ЦА, смогла занять свою нишу, стать важным партнером стран ЦА.

При этом надо констатировать, что все же главное направление внешней политики ИРИ – это Ближний Восток, перманентная и временами кровавая борьба с Израилем, конкуренция с КСА, Турцией за главенство и верховенство в Ближневосточном регионе.

⁷ Евгений Троицкий. Политика Ирана по укреплению влияния в Центральной Азии // Центр евразийских исследований ТГУ. 22.08.2023. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/evgenii-troitckii-politika-irana-po-ukrepleniui-vliianiia-v-tcentral-noi-azii/>; П. Булатов. Иран-ЦА: экономика в приоритете // ИнфоШОС. 12.10.2023. URL: <http://www.infoshos.ru/?idn=35815>.

В то же время ЦА была и остается точкой сосредоточения интересов многих стран. Если констатировать в глубоко философском плане, то ЦА сегодня – это временами «мягкое», временами «жесткое» противостояние нескольких цивилизационных систем, одна из которых – персидская цивилизация.

Цивилизационный диалог между Россией и Центральной Азией: примордиалистский подход (А.М.Мамадазимов)

Для развития современного диалога важно понимать истоки цивилизаций. Проанализируем ряд важных моментов.

Дихотомия «Синташта – Саразм»: ареал формирования ранней этнической группы восточных иранцев (предков таджиков). Открытие Аркаима и синташтинской группы археологических памятников в 1960-е гг. явилось крупным событием не только советской, но и мировой археологии. В 1960-е гг. одна из крупнейших в СССР археологических экспедиций под управлением археолога В.Ф.Генинга, соавтора известного труда по археологии «Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей», работала на Южном Урале, в Челябинской области. Поводом для проведения работ стало строительство плотины на степной реке Синташта. Знаменитой реку Синташта сделал лишь один комплекс памятников, объединяющий укрепленное поселение и могильник бронзового века. Особая известность некрополя связана с обнаружением частей деревянных колесниц, претендующих на звание древнейших в археологии Северной Евразии, и псалиев (деталей конской упряжи). Важным археологическим открытием стало то, что зауральские степи неожиданно оказались тесно связаны с очень далекими территориями, поскольку во многом сходные повозки и детали конской упряжи известны от Балкан и Передней Азии до Алтая, включая Центральную Азию.

Большинство исследователей относит синташтинское население к индоиранской ветви индоевропейской семьи языков. Как показали дальнейшие междисциплинарные исследования, при использовании сравнительно-исторического языкознания (глотохронологии) славянские языки, которые происходят из другой ветви протоиндоевропейского языка, не имеют прямого отношения к синташтинскому населению. Также представителями различных научных направлений при изучении синташтинской проблемы нередко задействуются тексты индийской «Ригведы» и иранской «Авесты».

В соответствии с новейшими исследованиями в области радиоуглеродного датирования время существования синташтинских древностей определяется между XXI и XVIII вв. до н.э. Большинство исследователей сходится во мнении, что первоначальным импульсом для формирования памятников синташтинского типа стала миграция индоиранских скотоводческих племен из степи и лесостепи Восточной Европы в Южное Зауралье.

«Синташтинцы» имели развитое металлургическое производство, высокий уровень мастерства в обработке дерева, кости и технологии сложной обработки

камня для производства ряда изделий. «Синташтинцы» знали ткачество и выделку кожи. Среди ярчайших особенностей культуры – высокий уровень военного дела, проявившийся в архитектуре поселений и погребальном инвентаре. Последний часто включает предметы вооружения, изредка колесницы и конскую упряжь.

Сформировавшись на рубеже III–II тыс. до н.э., она доказала свою жизнеспособность и без больших трансформаций просуществовала вплоть до появления кочевничества в раннем железном веке (скифо-сакский мир). Многие исследователи считают исторические народы раннего железного века – скифов и сарматов – прямыми потомками ираноязычных синташтинцев.

Некоторые ученые выдвигают гипотезу, что синташтинское население являлось ариями, вторгшимися в Гиндукуш и создавшими ведическую цивилизацию Индии, однако предполагаемая миграция потомков Синташты – андроновской культурно-исторической общности – надежно прослеживается археологами только до Средней Азии.

В 1976 г. местный житель местечка вблизи г. Пенджикента Таджикистана принес в краеведческий музей несколько находок. Впоследствии по результатам двух шурфов на поселении таджикским археологом Абдуллою Исаковым было обнаружено поселение Саразм – памятник древнеземледельческой культуры региона. В мае 1977 г. на Всесоюзной конференции археологов в Пенджикенте Абдулла Исаков сделал первое сообщение. Участники конференции, знатоки первобытной культуры В.М.Массон, Н.Н.Негматов, А.А.Аскеров, Е.Е.Кузьмина, Ю.А.Заднепровский высоко оценили находки Саразма, и это открытие было признано сенсацией не только Таджикистана, но и всей советской археологии.

Слово «Саразм», по мнению крупнейшего знатока согдийского языка В.А.Лившица, означает «сари замин», т.е. «начало земли». Это памятник эпохи бронзы – самый крупный в Центральной Азии, который возник в XXXV в. до н.э. и просуществовал примерно до XIX в. до н.э., после чего был покинут жителями.

Другими словами, один из древнейших народов не только Центральной Азии, но и всего мира, таджики имели два ареала первичного сложения:

- Синташта в южнорусских степях;
- Саразм – в «сердце» региона ЦА, каковым является долина Зеравшан.

«Отец истории» Геродот также подробно описывает ареал распространения древнейших арийских племен, известный как скифо-сакский мир, разбросанный от берегов Дуная на западе до гор Алтая на востоке.

2) Алтай – ареал сложения древнетюркского мира и «согдийско-тюркского симбиоза». К середине VI в. китайские правители из царства Тоба Вэй внимательно следили за кардинальными трансформациями за пределами Великой Китайской стены, где стал формироваться мощный Тюркский каганат. Согласно древнетюркской легенде, подробно записанной китайскими дворцовыми хрониками, дети волчицы создают в южных склонах Алтая новое племя Ашина, которое, усиливаясь и набрав в себя представителей других разношерстных племен, создает мощный племенной союз. Здесь на первый план выходит согдийцы, которые уже в течение одного

тысячелетия осваивали обширные оазисы Таримского бассейна (совр. СУАР КНР). Они дали им имена «Ашина» и «тюркют», а также не изученный полностью современной наукой «согдийско-тюркский симбиоз», трансформировавшийся позднее в «таджикско-тюркский синтез». Одним из многочисленных историко-культурных свидетельств пребывания согдийцев в Таримском бассейне является уникальное ирригационное сооружение – кяризы (тадж. «кух», «рез») – подземные каналы, функционирующие по сей день. Ни в одной другой провинции Китая нет подобных ирригационных сооружений.

Высшей точкой этого «согдийско-тюркского синтеза» является шелковая дипломатия дальнего действия, когда Тюркский каганат, распространившийся от Крымского до Корейского полуострова, отправил дипломатическую миссию в столицу Византийской империи Константинополь во главе с согдийским торговцем Маниахом. Итенарий, т.е. маршрут этой дипломатической миссии, пролегал от Алтая через казахские и южнороссийские степи к Кавказу и через него – в порты Черного моря и морским путем к столице мощной империи.

3) Формирование «таджикско-тюрко-славянского» межцивилизационного треугольника. Впоследствии многочисленные тюркские племена волнами вторглись не только в земледельческие оазисы Вароруда (среднеазиатское междуречье), но и двигались на запад. Половцы, кипчаки, татары, башкиры и многие другие приняли участие в сложении государственных образований на территории современной многонациональной России.

Мусульманство пришло в Россию, где основную роль в его закреплении играл один из потомков Чингизхана – хан Золотой Орды Берке (1209–1266 гг.), обучавший Корану и принявший ислам у хуждандского духовенства.

Несомненно, в течение многих столетий связь между русскими городами и городами Центральной Азии поддерживалась благодаря функционированию Великого шелкового пути.

Создание мощной сухопутной Российской империи, выходившей на восток к берегам Тихого океана, не могло не принести к интенсификации разносторонних взаимопроникновений и взаимодействий между россиянами и народами Центральной Азии. Апогеем этих отношений является завоевание региона Российской империей. Совместная жизнь в составе Российской империи (и позднее – Советского Союза), где положительные моменты чередовались с негативными аспектами, до сих пор является поводом для жарких дискуссий между сторонниками и оппонентами этой тематики.

Как было рассмотрено выше, цивилизационный диалог между Россией и Центральной Азией имеет более трех тысячелетий истории и относительно мирного сосуществования. Первоначальное миграционное движение древних ариев из южнороссийских степей в оазисные регионы Центральной Азии и далее до индийского субконтинента в древнейшие времена позже заменило Великое переселение народов из глубинных азиатских просторов через Центральную Азию в Россию и далее

на Запад в раннем Средневековье. В Новое время все эти территории вошли в состав обширных государственных образований, кульминацией чего стал Советский Союз. Все эти трансформации на протяжении трех тысячелетий оставили, несомненно, неизгладимый отпечаток во взаимоотношениях в межцивилизационном треугольнике «восточноиранский – тюркский – славянский мир».

Российские этнографические исследования таджиков в XX – начале XXI в. (А.Е.Загребин)

Следует отметить, что в суждениях о межцивилизационном диалоге важно опираться на объективные, фундаментальные научные исследования. В этой связи актуализируется вопрос этнографических исследований. Есть данные, полученные в полевых проектах совместно с таджикскими коллегами. На эти данные целесообразно опираться в суждениях и выводах. Например, в 2023 г. сотрудники Центра антропозкологии Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) проводили полевые исследования в нескольких районах Таджикистана. Кроме сотрудников ИЭА РАН в экспедиции участвовали коллеги из Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана, Худжандского государственного университета, Башкирского государственного аграрного университета и Московского государственного лингвистического университета. В том же году по проекту Российского научного фонда (РНФ) «Реликты астрономических традиций в культуре древних земледельцев Средней Азии по этнографическим данным» состоялась экспедиция ИЭА РАН в Аштский и Исфаринский районы Согдийской области Таджикистана⁸.

Отмечу, что культурно-цивилизационные особенности таджикского народа были в поле зрения еще дореволюционных исследователей. Русские дореволюционные исследователи собрали ценный материал по этнической истории, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре таджиков в конце XIX – начале XX в. Однако глубокое научное изучение этнической культуры таджиков началось после установления в регионе советской власти. Важными целями были не только изучение культуры и быта, но и подготовка профессиональных этнографов из числа представителей народов Центральной Азии, в том числе и таджиков.

Этнографическое изучение территории Таджикистана в 1920-х гг. развивалось при поддержке органов власти, когда был сформирован ряд экспедиций, в состав которых были приглашены ученые из научных и образовательных учреждений Москвы, Петрограда и Ташкента. Так, в 1921 г. в Ташкенте при Совете Народных Комиссаров Туркестанской АССР была создана «Научная комиссия по обследованию коренного населения Туркестана». В середине 1920-х гг. начинает работать «Среднеазиатская этнологическая экспедиция АН СССР» под руководством академика В.В.Бартольда.

⁸ Экспедиционный выезд в Таджикистан. URL: <https://iea-ras.ru/?p=6378> ; <https://iea-ras.ru/?p=11284>.

В 1932 г. в Таджикистане была основана Научная база АН СССР под руководством академика С.Ф.Ольденбурга и организована Таджикская комплексная экспедиция. В ее задачи входило изучение народного быта и труда, роли таджикской женщины в жизни общества, вопросов социалистического переустройства традиционного уклада.

В ноябре 1940 г. с преобразованием Таджикской базы в Таджикский филиал АН СССР научная жизнь Таджикистана выходит на новый уровень. В тот период начал работу Институт истории, языка, литературы и фольклора Таджикского филиала АН СССР, одной из задач которого было осуществление этнографических исследований. В 1943 г., несмотря на трудности военного времени, институт организовал экспедицию для изучения населения верховьев р. Пяндж.

После окончания войны этнографическая работа в Таджикистане приобрела больший размах. В 1945 г. был издан сборник «Материалы по истории таджиков и Таджикистана». В 1948 г. этнографами была начата работа по сплошному этнографическому обследованию территории республики. Ставилась задача провести за возможно более короткий срок всестороннее этнографическое обследование по единой программе, что позволило бы проанализировать накопленный материал и выявить новые аспекты, которые смогли бы показать истоки культуры таджиков и ее связь с современностью.

В 1951 г. Институт истории, языка, литературы и фольклора был переименован в Институт истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, в структуре которого был создан сектор этнографии, ставший центром этнографической науки и подготовки специалистов. Этнографическое изучение населения Таджикистана в 1950–1960-е гг. достигло серьезных успехов благодаря энтузиазму и кропотливой работе ученых, приехавших в республику из разных научных центров СССР.

Развитие этнографической науки в Таджикистане в 1970-е гг. вышло на качественно новый уровень. Вышли в свет новые работы молодых таджикских ученых, точнее и полнее фиксируются жизнь, быт, обычаи, обряды и верования народа. Были поставлены новые актуальные вопросы, среди которых ключевое место заняли проблемы этногенеза таджикского народа. Вехой стала изданная в 1972 г. фундаментальная монография Б.Г.Гафурова под редакцией академика Б.А.Литвинского «Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история», в котором обобщаются данные истории, археологии, этнографии, лингвистики и географии. В работе дается широкая панорама этнических процессов в регионе. Показаны этнические группы, вошедшие в состав таджикского народа, исторические пути их развития.

В 1980-х гг. этнографическая наука в Таджикистане развивалась по нескольким направлениям. Одним из них является изучение этнического состава Среднеазиатского региона, где в течение столетий шли интенсивные этнические процессы, формирующие единое историко-культурное сообщество.

Этнографическое изучение таджиков Таджикистана и за его пределами стало определяющим направлением в исследованиях сотрудников отдела этнографии

ИИАЭ АН Таджикистана, а также в научных подразделениях ряда вузов республики, ученых Москвы и Санкт-Петербурга.

Событием в научной жизни Таджикистана стало открытие Музея этнографии АН Таджикистана в 1980 г. в г. Душанбе. В 1981 г. сектор (ныне – отдел) этнографии Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР подготовил сборник статей памяти советского этнографа Н.Н.Ершова «История и этнография народов Средней Азии». В 1985 г. совместно с московскими и ленинградскими специалистами был подготовлен сборник «Этнография Таджикистана». В 1989 г. вышел сборник «Этнография в Таджикистане».

Можно констатировать, что в советскую эпоху имели место значительные достижения в области этнографического изучения Таджикистана. Публикации, вышедшие за эти годы, показывают, что таджикские этнографы и ученые из Москвы и Ленинграда проделали большую работу по изучению традиций и новации в культуре таджикского народа.

В 1990-х гг. в связи с распадом СССР и другими деструктивными процессами развитие этнографических исследований в Таджикистане несколько замедлилось. Но, несмотря на объективные трудности, этнографы продолжали работать. В том числе над анализом архивных материалов и подготовкой научных трудов. Так, вышла книга «Гражданские движения в Таджикистане» [8].

В 2000-е гг. происходит заметное оживление исследовательской и публикационной активности. Так, усилиями коллектива авторов при содействии ЮНЕСКО был издан «Атлас художественных ремесел и промыслов». В сотрудничестве ученых были созданы альбомы «Народное искусство Памира» и «Народное искусство Таджикистана». Но, пожалуй, самым весомым вкладом в историю этнографии стал фундаментальный том «Таджики» [25], изданный в академической серии «Народы и культуры» и являющийся плодом коллективного творчества этнографов Республики Таджикистан и сотрудников Института этнологии и антропологии РАН.

Выводы

Регион Центральной Азии был и остается местом взаимодействия и одновременно конкуренции разных цивилизаций. В настоящее время целесообразно рассматривать диалог цивилизаций с позиции соразвития локальных цивилизаций, которые со временем могут привести к формированию новой цивилизации.

Одним из значимых рисков цивилизационного диалога может стать конфронтационная парадигма «исламская цивилизация – христианская цивилизация». В основу современного диалога должны лечь универсальные цивилизационные ценности, идеи равенства, взаимоуважения, взаимопонимания, доверия.

Научное осмысление цивилизационной идентичности должно основываться на объективных научных данных, полученных, в частности, в ходе международных

полевых исследований археологов и этнографов, архивных исследований, проводимых, в частности, институтами Российской академии наук (РАН) и Национальной академией наук Таджикистана (НАНТ). В настоящее время встречаются случаи мифологизации и субъективизации умозаключений ряда ученых, оказывающих влияние на дальнейшие научные разработки, государственную политику памяти и идеологию. Научному сообществу следует сообща противостоять этому, что возможно путем высказывания публичных позиций авторитетных ученых в ходе совместных научных дискуссий, круглых столов, конференций, путем публикации совместных исследований и рецензий на них.

Список источников

1. Абдуллох М.С. Культурная идентичность таджикостанского общества в условиях глобализации: особенности формирования, состояние и перспективы [Cultural identity of Tajikistan society in the context of globalization: features of formation, state and prospects]: автореф. дисс. ... канд. философ. наук: 5.7.8. Душанбе., 2023. 22 с.
2. Абдулов А., Мухаммадсафои И.С., Фафуров Р.Х. Тамаддуни тоҷикон дар замони бостон ва эҳёи он имрӯз дар ҶОҶИКИСТОН (Таджикская цивилизация в Бостонское время и ее возрождение сегодня в Таджикистане) [Tajik civilization in Boston Time and its revival in Tajikistan today] // Паёми Донишгоҳи давлатии тиҷорати Тоҷикистон. 2020; 4-2(34): 306–309. EDN DXITGU.
3. Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа [Current problems of cultural genesis of the Tajik people] (исследование) / Составители: Аскаралли Раджабов, Рустам Мукимов. Ответственный редактор: Аскаралли Раджабов. Душанбе: «Дониш», 2016. 806 с.
4. Асланов Л.А. Основы теории локальных цивилизаций [Fundamentals of the theory of local civilizations] // Философия хозяйства. 2022. № 3(141). С. 21–32. EDN TNCTPC.
5. Василенко Ю.В. Теория цивилизаций и сущностные силы человека [Fundamentals of the theory of local civilizations] // Универсальные закономерности развития материи. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 124–137. EDN RQWCYJ.
6. Воин А.М. ГЕОУНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ и единый метод обоснования научных теорий [Geoversal Civilization and a unified method for substantiating scientific theories] // Concorde. 2019. № 3. С. 100–109. EDN YXUHQD.
7. Городецкий А.Е. Ноосферная цивилизация и ноономика: от теории к практике [Noospheric civilization and noonomics: from theory to practice] // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 3. С. 74–92. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-74-92. EDN KDOMTH.
8. Гражданские движения в Таджикистане [Civil movements in Tajikistan] / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: ЦИМО, 1990. 212 с.
9. Жуков В.И. Развитие теории цивилизации в парадигме социологии, истории и теории государства и права [Development of the theory of civilization in the paradigm of sociology, history and theory of state and law] // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 2. С. 11–34. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-zhukov. EDN BCMUGG.
10. Жуков В.И. Феномен цивилизации в истории и теории государства и права [The phenomenon of civilization in the history and theory of state and law] // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 116–139. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-zhukov. EDN EFKZBU.
11. Кирсанов К.А., Слоботчиков О.Н. Теория мировых цивилизаций – идеологический фундамент новой образовательной парадигмы [The theory of world civilizations is the ideological foundation of a new educational paradigm]: монография в 3-х томах. Т. 1. М.: Институт мировых цивилизаций, 2018. 243 с. ISBN 978-5-9500469-6-4. EDN OUSINB.
12. Кобилов М.З. Научные основы современной теории цивилизаций [Scientific foundations of the modern theory of civilizations] // Вестник института языков. 2020. № 1(37). С. 183–192. EDN YVZNFP.

13. Малышева Д.Б. Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве [International political competition in the post-Soviet Central Asian space] // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 7. С. 106–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-106-115. EDN YAUJWV.
14. Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории [Russian civilization: civilizational approach in political theory] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 445–454. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454. EDN RLVNHT.
15. Неклесса А.И. Метаморфозы цивилизационного транзита. Эволюционный марафон и социальная ментальность [Metamorphoses of civilizational transit. Evolutionary marathon and social mentality] // Метафизика. 2021. № 1(39). С. 31–40. DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1-31-40. EDN AJOJAF.
16. Неклесса А.И. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление) [Civilization transit. Methodological and prognostic aspects (analysis – forecast – management)] // Экономическая наука современной России. 2020. № 4(91). С. 132–146. DOI: 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-132-146. EDN JSTFTT.
17. Неклесса А.И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна [Civilization as a process: animated subjects of Postmodernity] // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 39–55. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.04. EDN YFFYOG.
18. Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Локальные человеческие цивилизации в Евразии: долгосрочные сценарии взаимодействия [Local human civilizations in Eurasia: long-term interaction scenarios.] // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4. С. 152–158.
19. Родионов О.Е., Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии [Long-term forecasting of the development of relations between local civilizations in Eurasia]. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. С. 1–357.
20. Рябошапка С.Г. Теория зарождения цивилизации и цивилизационного регресса [The theory of the origin of civilization and civilizational regression] // Актуальные исследования. 2022. № 50–2(129). С. 7–34. DOI: 10.51635/27131513_2022_50_2_7. EDN SCQUYK.
21. Сажин В.И. Исламская Республика Иран: вчера, сегодня. А завтра? [Islamic Republic of Iran: yesterday, today. And tomorrow?] // Постколониализм и современность. Научный журнал ИНИОН РАН. 2023. № 2(2). С. 63–92. DOI: 10.31249/postcolonialism/2023.02.04.
22. Следзевский И.В. Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы [Civilizational dimension of modern world development: problems and approaches.] // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 82–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-82-90. EDN FBHNTB.
23. Следзевский И.В., Неклесса А.И., Хайруллин Т.Р. Цивилизационный транзит и постколониальность [Civilization transit and postcoloniality] // Ученые записки Института Африки РАН. 2023. № 4(65). С. 153–159. DOI: 10.31132/2412-5717-2023-65-4-153-159. EDN ZIZFCZ.
24. Спиридонова В.И. Россия как цивилизация будущего [Russia as a civilization of the future] // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Т. XII / Под ред. Ю.М. Резника. М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2020. 288 с.
25. Таджики [Tajiks] / отв. ред. Н.А. Дубова, Н.К. Убайдулло, З.М. Мадамиджонова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. М.: Наука, 2021. 1005 с. ISBN 978-5-02-040840-1.
26. Теория и стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций (Ялтинского мира-2) [Theory and strategy for the formation of a sustainable multipolar world order based on the partnership of civilizations (Yalta Peace-2)]: монография в 2-х томах / В.А. Садовничий, Ю.В. Яковец, А.И. Агеев [и др.]; Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ялтинский цивилизационный клуб. Т. 1. М.: Автономная некоммерческая организация «Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева», 2020. 816 с. ISBN 978-5-93618-280-8. EDN RRDXSF.

27. Теория и стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций (Ялтинского мира-2) [Theory and strategy for the formation of a sustainable multipolar world order based on the partnership of civilizations (Yalta Peace-2)]: монография в 2 томах / В.А. Садовничий, Ю.В. Яковец, А.А. Акаев [и др.]; Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ялтинский цивилизационный клуб. Т. 2. М.: Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, 2020. 744 с. ISBN 978-5-93618-282-2. EDN JLMBUJ.
28. Холматова Л.Ю. Соотношение традиционных и модернистских ценностей в современном таджикском обществе [The relationship between traditional and modernist values in modern Tajikistan society] // Вестник педагогического университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4(8). С. 106–113. EDN DFCXMU.
29. Шевченко В.Н. О статусе теории цивилизации [On the status of the theory of civilization] // Вопросы социальной теории. 2021. Т. 13. С. 4–14. DOI: 10.30936/2227_7951_2021_13_4_14. EDN AZCCFS.
30. Шемякин Я.Г. Программа «Альянса цивилизаций» в свете проблемы межкультурного диалога в полицентричном мире [Program of the “Alliance of Civilizations” in the light of the problem of intercultural dialogue in a polycentric world] // «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации): сборник материалов «круглого стола», Москва, 01 января – 31 2010 г. / Ответственный редактор П.П. Яковлев. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2010. С. 43–65. EDN ZINBVV.
31. Ши В. Влияние китайской инициативы «Один пояс один путь» на Республику Таджикистан [The influence of the Chinese “one belt one road” initiative on the Republic of Tajikistan] // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2023. № 23–2. С. 98–105. EDN OMZDEI.
32. Яковец Ю.В. Новое видение теории и истории будущего цивилизации в России [A new vision of the theory and history of the future of civilization in Russia] // Философия хозяйства. 2018. № 1(115). С. 82–102. EDN YQYVFY.
33. Яковец Ю.В. Теория и стратегия космического партнерства цивилизаций и ведущих держав [Theory and strategy of space partnership between civilizations and leading powers] // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2020. Т. 16. № 3(48). С. 1–8. EDN ODDDMW.
34. Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 3. P. 25–49. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49.

Информация об авторах

МАЙТДИНОВА Гузель Майтдиновна. Доктор исторических наук. Профессор. Директор Центра геополитических исследований Российско-Таджикского (Славянского) университета. <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>. Адрес: Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, 30. guzel-maitdinova@mail.ru

САЖИН Владимир Игоревич. Кандидат исторических наук. Профессор. Старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН. <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. vsaj1@yandex.ru

МАМАДАЗИМОВ Абдугани Мамадрахимович. Кандидат политических наук. Доцент кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета. <https://orcid.org/0000-0003-1369-258X>. Адрес: Республика Таджикистан, 734016, г. Душанбе, ул. Дехоти, 21/13. m_abdughani@mail.ru

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович. Доктор исторических наук. Профессор РАН. И.о. директора Института этнологии и антропологии РАН. <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>. Адрес: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-кт, 32а. zagreb72@izh.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 22 апреля 2024 г. Принята к публикации: 25 апреля 2024 г. Опубликовано: 15 мая 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abdullokh M.S. Cultural identity of Tajikistan society in the context of globalization: features of formation, state and prospects: abstract of the Theses ... CandSc (Philos). Sciences: 5.7.8. Dushanbe, 2023:22 [In Russian].
2. Abdulov A., Muhammadsafoi I.S., Gafurov R.X. Tajik civilization in Boston Time and its revival in Tajikistan today. Payomi Donishgohi davlatii tihorati Tojikiston. 2020; 4-2(34):306-309 [In Tajik]. EDN DXITGU.
3. Current problems of cultural genesis of the Tajik people (research) / Compiled by: Askarali Radzhabov, Rustam Mukimov. Responsible editor: Askarali Radzhabov. Dushanbe: Donish, 2016:806 [In Russian].
4. Aslanov L.A. Fundamentals of the theory of local civilizations. Filosofiya hozyajstva [The philosophy of the economy]. 2022; 3(141):21-32 [In Russian]. EDN TNCTPC.
5. Vasilenko Yu.V. Theory of civilizations and the Essential forces of man. Universal'ny'e zakonomernosti razvitiya materii [Universal patterns of matter development]. Perm: Perm State National Research University, 2023:124-137 [In Russian]. EDN RQWCYJ.
6. Warrior A.M. Geoversal Civilization and a unified method for substantiating scientific theories. Concorde [Concorde]. 2019; 3:100-109 [In Russian]. EDN YXYHQD.
7. Gorodetsky A.E. Noospheric civilization and noonomics: from theory to practice. Noonomika i noobshhestvo [Noonomics and noo-society]. Almanac of works of INIR named after. S.Yu. Witte. 2022; Vol. 1, 3:74-92 [In Russian]. DOI 10.37930/2782-618X-2022-1-3-74-92. EDN KDOMTH.
8. Civil movements in Tajikistan / RAS Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N.Miklouho-Maclay. Moscow: CIMO, 1990:212 [In Russian].
9. Zhukov V.I. Development of the theory of civilization in the paradigm of sociology, history and theory of state and law. Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2022; 17 (2):11-34 [In Russian]. DOI 10.35427/2073-4522-2022-17-2-zhukov. EDN BCMUGG.
10. Zhukov V.I. The phenomenon of civilization in the history and theory of state and law. Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2021; 16 (6):116-139 [In Russian]. DOI 10.35427/2073-4522-2021-16-6-zhukov. EDN EFKZBU.
11. Kirsanov K.A., Slobotnikov O.N. The theory of world civilizations is the ideological foundation of a new educational paradigm: a monograph in 3 volumes. Vol. 1. Moscow: Institute of World Civilizations, 2018:243 [In Russian]. ISBN 978-5-9500469-6-4. EDN OUSINB.
12. Kobilov M.Z. Scientific foundations of the modern theory of civilizations. Vestnik instituta yazy`kov [Bulletin of the Institute of Languages]. 2020; 1(37):183-192 [In Russian]. EDN YVZNFP.
13. Malysheva D.B. International political competition in the post-Soviet Central Asian space. Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya. [World economy and international relations]. 2021; T. 65, 7:106-115 [In Russian]. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-7-106-115. EDN YAUJWV.
14. Mchedlova M.M., Bukin O.A.. Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]. Series: Political science. 2023; 25 (2):445-454 [In Russian]. DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454. EDN RLVNHT.

15. Neklessa A.I. Metamorphoses of civilizational transit. Evolutionary marathon and social mentality. *Metafizika [Metaphysics]*. 2021; 1(39):31-40 [In Russian]. DOI 10.22363/2224-7580-2021-1-31-40. EDN AJOJAF.
16. Neklessa A.I. Civilization transit. Methodological and prognostic aspects (analysis – forecast – management). *E'konomicheskaya nauka sovremennoj Rossii [Economic science of modern Russia]*. 2020; 4(91):132-146 [In Russian]. DOI 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-132-146. EDN JSTTFT.
17. Neklessa A.I. Civilization as a process: animated subjects of Postmodernity. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]*. 2021; 5:39-55 [In Russian]. DOI 10.17976/jpps/2021.05.04. EDN YFFYOG
18. Podberezkin A.I., Kharkevich M.V. Local human civilizations in Eurasia: long-term interaction scenarios. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. 2015; 4:152-158 [In Russian].
19. Rodionov O.E., Podberezkin A.I., Kharkevich M.V. Long-term forecasting of the development of relations between local civilizations in Eurasia. M.: Publishing House "International Relations", 2017: 1-357 [In Russian].
20. Ryaboshapka S.G. The theory of the origin of civilization and civilizational regression. *Aktual'ny'e issledovaniya [Actual research]*. 2022; 50-2(129):7-34 [In Russian]. DOI 10.51635/27131513-2022-50-2-7. EDN SCQUYK.
21. Sazhin V.I. Islamic Republic of Iran: yesterday, today. And tomorrow? *Postkolonializm i sovremennost' [Postcolonialism and modernity. Scientific journal INION RAS]*. 2023. 2 (2):63-92. [In Russian] DOI: 10.31249/postcolonialism/2023.02.04
22. Sledzevsky I.V. Civilizational dimension of modern world development: problems and approaches. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*. 2020. 64 (1):82-90. [In Russian] DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-1-82-90. EDN FBHNTB.
23. Sledzevsky I.V., Neklessa A.I., Khairullin T.R. Civilization transit and postcoloniality. *Ucheny'e zapiski Instituta Afriki RAN. [Scientific notes of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences]*. 2023. 4(65):153-159. DOI 10.31132/2412-5717-2023-65-4-153-159. [In Russian] EDN ZIZFCZ.
24. Spiridonova V.I. Russia as a civilization of the future. *Voprosy`social'noj teorii [Questions of social theory]: Scientific almanac. Vol. XII / Ed. Yu.M. Reznik. Moscow: Publishing House of the Independent Institute of Civil Society, 2020:288 [In Russian]*.
25. Tajiks / ed. N. A. Dubova, N.K. Ubaydullo, Z.M. Madamidzhonova; Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay RAS; Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donisha NANT. Moscow: Nauka, 2021:1005. [In Russian]. ISBN 978-5-02-040840-1
26. Theory and strategy for the formation of a sustainable multipolar world order based on the partnership of civilizations (Yalta Peace-2): monograph in 2 vol. / V.A. Sadovnichy, Yu.V. Yakovets, A.I. Ageev et al; International Institute of Pitirim Sorokin - Nikolai Kondratiev, M.V. Lomonosov Moscow State University, Yalta Civilization Club. Vol. 1. Moscow: Autonomous non-profit organization "International Institute of Pitirim Sorokin - Nikolai Kondratiev", 2020:816. ISBN 978-5-93618-280-8. [In Russian]. EDN RRDXSX.
27. Theory and strategy for the formation of a sustainable multipolar world order based on the partnership of civilizations (Yalta Peace - 2): monograph in 2 vol. / V.A. Sadovnichy, Yu.V. Yakovets, A.A. Akaev [etc.]; International Institute of Pitirim Sorokin - Nikolai Kondratiev, M.V. Lomonosov Moscow State University, Yalta Civilization Club. Vol. 2. Moscow: International Institute of Pitirim Sorokin - Nikolai Kondratiev, 2020:744. [In Russian]. ISBN 978-5-93618-282-2. EDN JLMBUJ.
28. Kholmatova L.Yu. The relationship between traditional and modernist values in modern Tajikistan society. *Vestnik pedagogicheskogo universiteta. [Bulletin of the Pedagogical University]. Series: Philosophical Sciences. [In Russian]*. 2022. 4(8):106-113. EDN DFCXMU.
29. Shevchenko V.N. On the status of the theory of civilization. *Voprosy`social'noj teorii. [Questions of social theory]*. 2021. 13: 4-14. DOI 10.30936/2227-7951-2021-13-4-14. EDN AZCCFS.
30. Shemyakin Ya.G. Program of the "Alliance of Civilizations" in the light of the problem of intercultural dialogue in a polycentric world. "Alliance of Civilizations" (difficult dialogue in the context of globalization): a collection of materials from the "round table", Moscow, January 1 - 31, 2010 / Executive editor P.P. Yakovlev. M.: RAS Institute of Latin America, 2010:43-65. [In Russian]. EDN ZINBVV.
31. Shi W. The influence of the Chinese "one belt one road" initiative on the Republic of Tajikistan. *Nauchny'e trudy`Respublikanskogo instituta vy'sshej shkoly`. Istoricheskie i psixologo-pedagogicheskie nauki. [Scientific works of the Republican Institute of Higher School. Historical and psychological-pedagogical sciences]*. 2023. 23-2:98-105. [In Russian]. EDN OMZDEI.

32. Yakovets Yu.V. A new vision of the theory and history of the future of civilization in Russia. *Filosofiya hozyajstva [Philosophy of Economics]*. 2018. 1(115):82-102. [In Russian]. EDN YQYVYF.
33. Yakovets Yu.V. Theory and strategy of space partnership between civilizations and leading powers. *Ustoichivoe innovacionnoe razvitie: proektirovanie i upravlenie [Sustainable innovative development: design and management]*. 2020. 16, № 3(48):1-8. [In Russian]. EDN ODDDMW.
34. Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges. *Russia in Global Affairs*. 2021; 3:25-49 [In English]. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49. [In English]

About the authors

Guzel M. MAITDINOVA. DSc (Hist.). Professor. Director of the Center for Geopolitical Studies of the Russian-Tajik (Slavic) University. <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>. Address: 30, M. Tursunzade str., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan. guzel-maitdinova@mail.ru

Vladimir I. SAZHIN. CandSc (Hist.). Professor. Senior Researcher at the Center for the Study of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>. Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. vsaj1@yandex.ru

Abdugani M. MAMADAZIMOV. CandSc (Polit.). Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies at the Tajik National University. <https://orcid.org/0000-0003-1369-258X>. Address: 21/13, Dekhoti str., 734016, Dushanbe, Republic of Tajikistan. m_abdughani@mail.ru

Alexey E. ZAGREBIN. DSc. (Hist.). Professor of the Russian Academy of Sciences. Acting Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>. Address: 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation. zagreb72@izh.com

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: April 20, 2024. Approved after review: April 22, 2024. Accepted for publication: April 25, 2024 Published: May 15, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Постсоветский цивилизационный транзит в Центральной Азии

Рахимбек Сархадбекович Бобохонов✉

Центр цивилизационных и региональных исследований Института
Африки РАН, Москва, Россия

rahimbobokhonov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-1707>

Аннотация. Сложный и напряженный характер отношения между политикой и историей приобретают в бывших советских республиках Центральной Азии. История стран и народов региона становится предметом острой идейной борьбы, в ходе которой отвергается частично, а иногда и полностью, советская историография, создаются новые идеологические мифы, не имеющие реальной исторической основы, переосмысливается не только историография, но и ее контекст – историческая память, историческая культура новых государств Центральной Азии. С одной стороны, правящие элиты стремятся поставить под жесткий государственный контроль историческую память центральноазиатских народов, утверждая идеологию государственного национализма и относя к ней не только политические доктрины, но и традиции, религию, философию, социальные и гуманитарные науки. Отторжение общества от политики культурной памяти характерно для Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. С другой стороны, историческая память становится идеологическим инструментом внутриэлитной политической борьбы и сферой широкого общественного участия (Казахстан, Киргизия). В этом заключается суть постсоветского цивилизационного транзита в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, цивилизационный транзит, советская цивилизация, советский народ, культурно-историческая общность, советское наследие, советская промышленность, советское сельское хозяйство, советская наука, советское образование, советские инфраструктурные проекты, направление транзита

Для цитирования: Бобохонов Р.С. Постсоветский цивилизационный транзит в Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 160-173, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-160-173](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-160-173)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-160-173](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-160-173)

Sociological Sciences

Post-Soviet Civilizational Transit in Central Asia

Rakhimbek Sarhadbekovich Bobokhonov✉

Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute of Africa of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

rahimbobokhonov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-1707>

Abstract. The relationship between politics and history is becoming complex and tense in the former Soviet republics of Central Asia. The history of the countries and peoples of the region becomes the subject of an intense ideological struggle, during which Soviet historiography is partially, and sometimes completely, rejected, and new ideological myths are created that have no real historical basis. Not only historiography is being rethought, but also its context – historical memory, the historical culture of the new states of Central Asia. On the one hand, the ruling elites seek to place the historical memory of the Central Asian peoples under strict state control, affirming the ideology of state nationalism and referring to it not only political doctrines, but also traditions, religion, philosophy, social and human sciences. The rejection of society from cultural memory is typical for Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan. On the other hand, historical memory becomes an ideological tool of intra-elite political struggle and society (Kazakhstan, Kyrgyzstan). This is the essence of the post-Soviet civilizational transit in Central Asia.

Keywords: Central Asia, civilizational transit, Soviet civilization, Soviet people, cultural and historical community, Soviet heritage, Soviet industry, Soviet agriculture, Soviet science, Soviet education, Soviet infrastructure projects, transit direction

For citation: Bobokhonov R.S. Post-Soviet Civilizational Transit in Central Asia. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 2(12): 160-173, [doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-160-173](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-160-173)

Введение

Понятие цивилизационного транзита представляет собой сложную констелляцию смыслов и значений динамики цивилизаций, обусловленную переходностью самих моделей исторического познания и связанных с ними концептов / теорий цивилизаций. Цивилизационный транзит – это длительный переходный этап цивилизационного развития, возникающий в условиях разлада и распада общества или мирового сообщества, отсутствия высшего формообразующего и направляющего

начала его единства, проходящий через выбор новых высших параметров (высшего порядка) бытия и нового пути в будущее и получающий завершение в результате институционального и нормативно-ценностного оформления этих параметров в качестве особого механизма общественной интеграции.

В данной статье рассматривается ряд аспектов цивилизационного транзита в контексте стран Центральной Азии.

Материалы и методы исследования

Распад Советского Союза актуализировал давнюю историческую проблему интеграции и стабилизации обществ на огромном геокультурном пространстве Евразии, идейного и институционального обеспечения решения этой задачи. Политические и культурные элиты новых государств уже не могут всецело опираться на культурно-историческое наследие СССР, советские исторические нарративы, служившие основой советской идентичности. Важным идейным и в своей основе проблемным фактором реконструкции национально-политических и культурно-цивилизационных форм идентичности становится историческая политика – целенаправленная деятельность национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур и сотрудничающих с государством общественных организаций по формированию и сохранению определенных представлений о прошлом внутри страны и на внешнеполитической арене [4].

На новом – кризисном – этапе развития национальной государственности идейно-контекстуальный поворот в исследованиях истории Центральной Азии выходит за дисциплинарные рамки историографии и методологии исторической науки. Вопросы формирования в регионе полноценных современных национальных государств уже невозможно ставить и решать, не принимая во внимание переплетение в новой и новейшей истории региона старого и нового, традиций и новаций. А это переносит собственно науковедческие, концептуально-теоретические взгляды на историю региона в область исторического сознания – деятельного идейно-ценностного воспроизведения исторической действительности в различных ментальных, культурных и историософских образцах, моделях истории. При том незавершенном, неустойчивом, кризисном состоянии, в каком сегодня находятся процессы национально-государственного строительства в постсоветских странах Центральной Азии, первостепенное научно-познавательное значение приобретает вопрос об отношениях, динамике развития и взаимной адаптации двух мировоззрений, историософских парадигм, идеологических доктрин исторического сознания. С одной стороны, ориентация на внедрение и устойчивое развитие современных инноваций в политике, экономике и культуре (доктрина, парадигма модерности), с другой – приверженность сохранению и воспроизводству традиции, сбережению старых культурных форм и ценностей, возвращению к законам ислама (доктрина, парадигма традиционализма).

В познавательном контексте обе модели исторического сознания тяготеют к универсалистскому видению и пониманию истории, являются мировоззренческими версиями универсальной истории, что связывает их с различными предметными полями всеобщей истории: от истории общественной мысли до истории культуры и образования, религии и церкви. Научной основой взглядов на соотношение взглядов и идей традиционализма и модернизма выступает поливариантность процессов исторического развития регионов, стран, народов мира при освещении реалий этого развития в конкретно-исторических, компаративистских, междисциплинарных и теоретических аспектах. Научной проблематизации этих взглядов в контексте глобальной истории способствует уход исторической мысли от европоцентристских в своей основе однолинейных модернизационных теорий [10; 9, с. 269].

Исследования изменений обществ Центральной Азии в новое и новейшее время не могут оставлять без внимания присущие этим обществам и его разным группам представления о своем прошлом и настоящем. Весьма остро проблема идентификации явлений прошлого и настоящего в современной истории региона стояла и стоит в области научного дискурса: в каких понятиях описывать и характеризовать переходное состояние центральноазиатских обществ – традиционные / нетрадиционные, модернизированные / немодернизированные, советские / несоветские, колонизированные / неcolonизированные, как соотносить эти понятия с фактами и свидетельствами полевых исследований? [1, с. 4]

Особую и нарастающую напряженность исторической политике в регионе придают процессы легализации и возрождения ислама. После долгих лет советского заточения и репрессий ислам вышел на свободу и сразу же вступил в политическую борьбу. Наиболее активные представители этой религии начали создавать исламские политические партии и организации разного толка: от умеренного до радикального. Раньше всех ислам «вышел на свободу» в Таджикистане, затем в Узбекистане и Киргизии, далее – в Казахстане и Туркмении. Темпы политизации и радикализации ислама в Таджикистане были самыми высокими на территории постсоветской Центральной Азии и в дальнейшем привели таджикское общество к гражданской войне (1992–1997 гг.). Важно и то, что активизация исламского фундаментализма и радикализма в Центральной Азии происходит в тесной связи с утверждением и консервацией в исторической памяти образцов традиционного поведения и мышления. Дискурсы об истинной исторической «казахскости» или «узбекскости», «таджикскости» или «туркменскости» становятся важными инструментами управления общественным сознанием и поведением.

В условиях тесного переплетения истории и политики в процессах реконструкции культурно-исторической памяти, исторического наследия постсоветских государств Центральной Азии актуализируется вопрос о роли в воссоздании прошлого стран и народов региона исторической науки, ее отдельных отраслей и направлений как пространства профессионального, дисциплинарного знания. Уже с начала изучения истории региона – с момента присоединения в 1867 г. большей части Центральной Азии к России – региональные исторические исследования начали приобретать

черты комплексного междисциплинарного направления, соединяющего в себе такие элементы дисциплинарного знания, как историческая география, источниковедение, археология, этнология, история религии и т.д. Как отрасль научного знания, это направление строилось на огромном фактическом материале, сохраняющем до сих пор большую историческую ценность (работы выдающихся российских востоковедов В.В.Бартольда, Ю.Н.Периха и др.). Вместе с тем до распада СССР история региона рассматривалась преимущественно в этнографическом ракурсе: сначала – воссоздание этнической карты Центральной Азии, потом – накопление сведений о материальной и духовной жизни проживающих там народов [3, с. 74]. При этом господствующим теоретическим ориентиром как для советских, так и для западных исследователей было модернистское убеждение в том, что этнополитическое пространство региона должно быть национальным, т.е. соответствовать границам расселения доминирующих этнических общностей – наций, поскольку только в рамках «национального государства возможно какое-то экономическое и социальное развитие»¹. Образование в конце XX – начале XXI в. на территории бывшей Советской Средней Азии суверенных национальных государств еще более укрепило это видение истории региона, правда, уже через призму взглядов, идей и ценностей светского национализма: национальное возрождение и единство нации как идеологический способ консолидации общества [6].

Результаты исследования

Еще более широкое и во многом переломное значение современный культурно-политический и идейно-мировоззренческий контекст изучения новой и новейшей истории постсоветской Центральной Азии приобрел с конца XX в., когда отчетливо обозначились вызовы и угрозы самому проекту национального возрождения бывших советских республик региона – сглаживание внутренних социокультурных и этнонациональных противоречий по модели модернистской, светской государственности. Нарастающая бедность больших масс населения, тенденции социально-экономической демодернизации, связанные с такими кризисными факторами, как дезурбанизация (снижение доли городского населения), деградация созданных в советское время современных систем технической инфраструктуры, социального обеспечения, образования и медицины, отъезд в Россию большого числа трудовых мигрантов, в том числе высококвалифицированных специалистов, образованной, светской интеллигенции, рост на этом фоне клановых структур власти и межклановых конфликтов, актуализировали проблематику кризисного состояния светской государственности в регионе и возможностей, перспектив ее преодоления [5; 2, с. 124-136]. Особенно остро и наглядно проблема кризиса светской национальной го-

¹ Сергей Абашин о советской и постсоветской Центральной Азии // Интервью. URL: <https://www.caa-network.org/>.

сударственности, его факторов и перспектив проявилась в событиях гражданской войны в Таджикистане, в ходе которой политическое противостояние между группами бывшей советской элиты и новыми националистическими и радикальными исламскими группировками переросло в ожесточенное противостояние этнических кланов.

Советская предыстория цивилизационного транзита в Центральной Азии

В начале XX в. Центральная Азия представляла собой малоразвитый регион, основным занятием населения которого было сельское хозяйство на поливных землях и кочевое скотоводство. Поэтому главной задачей во вновь образованных советских республиках стало развитие сельского хозяйства, требовавшее увеличения посевных площадей путем строительства новых ирригационных сооружений. Одним из самых грандиозных проектов в этой сфере стал Большой Ферганский канал, построенный в 1939–1940 гг. методом «народной стройки» (хашар). Введение в строй канала помогло поднять урожайность в Узбекистане в 2,2 раза. В Кыргызстане за годы советской власти был построен крупный гидроузел на реке Нарын – Токтогульский, а на реке Чу создано Ортокойское водохранилище².

Еще один грандиозный сельскохозяйственный проект, реализованный при советской власти в Центральной Азии, – это освоение целинных и залежных земель Казахстана в 50-е гг. прошлого века. Тогда за два года посевная площадь была увеличена в три раза. На целине были построены новые города с соответствующей инфраструктурой. Одновременно с ирригацией решалась и задача создания транспортной инфраструктуры. Проекты строительства железной дороги, соединяющей земли Туркестана с Сибирью, разрабатывались еще в царской России. Строительство Турксиба (Туркестано-Сибирской железной дороги) началось в декабре 1926 г., а первый поезд прошел по нему 25 апреля 1930 г.³

На территории Центральной Азии были реализованы и другие дорожно-транспортные проекты, например, строительство высокогорного шоссе «Душанбе–Хорог–Ош». Была решена проблема доступа в высокогорные села, в которые до этого можно было добраться лишь горными тропами. Автомобильная дорога соединила тогдашнюю столицу Казахстана Алматы со столицей соседнего Узбекистана Ташкентом. Крупная автомагистраль «Бишкек (Фрунзе)–Ош» была построена и в Кыргызстане. И это не говоря уже о сети более мелких региональных дорог, аэропортах и речных портах.

Одной из ключевых задач времен СССР стала электрификация территории Центральной Азии. За годы советской власти в регионе были построены целые каска-

² Советским хашаром: Кто и как строил Большой Ферганский канал // Азия плюс. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230801/sovetskim-hasharom-kto-i-kak-stroil-bolshoi-ferganskii-kanal>.

³ Как СССР развивал Центральную Азию // Русская Евразия. URL: <https://rusevr.asia/kak-sssr-razvival-centralnuyu-aziyu/>.

ды гидроэлектростанций: Токтогульская и Курпсайская в Кыргызстане, Варзобская, Перепадная, Центральная, Головная ГЭС на реке Вразоб, Нурукская ГЭС на реке Вахш в Таджикистане, каскад электростанций на реке Чирик, Чарвакский гидроэнергетический узел в Узбекистане.

Власти СССР уделяли огромное внимание созданию промышленности. Отчасти это делалось из идеологических соображений, чтобы выращивать местный пролетариат, но тем не менее индустриальные основы нынешних стран Центральной Азии были заложены в советское время. Актюбинский, Карагандинский металлургические комбинаты, Балхашский, Чимкенсткий горнометаллургические комбинаты в Казахстане, узбекский металлургический комбинат в Бекабаде, крупнейший в СССР электроламповый завод в кыргызском Майли-Сайе, «Ташсельмаш», «Узбексельмаш», «Чириксельмаш», Ташкентский авиазавод и еще десятки промышленных предприятий были построены в регионе за годы советской власти⁴.

Следует отметить, что и транспортная инфраструктура, и электростанции, до сих пор снабжающие города и села, промышленные предприятия, оросительные каналы, остались в распоряжении уже вновь возникших республик после распада СССР. Казахстану, кроме всего прочего, могли достаться даже ядерные боеголовки, но он добровольно отказался от них в отличие от атомной промышленности, которая также была создана в этой республике в советский период. И до сих пор Казахстан продолжает добывать уран для электростанций и продавать его за рубеж. Таким образом, можно констатировать, что в эпоху развитого социализма нынешние страны Центральной Азии совершили большой рывок в своем развитии, обрета значимый промышленно-экономический потенциал.

Были и другие промышленные проекты, разработанные в советское время. Наглядным примером является Рогунская ГЭС в Таджикистане. Она проектировалась еще в 1976 г., но стала актуальной лишь в XXI в. Разработка золоторудного месторождения Кумтор в Киргизии также полностью спроектирована в советское время. Только его запуск осуществился после распада СССР.

Постсоветский цивилизационный транзит в Центральной Азии сопровождается борьбой за советское наследие в регионе. Наследие советской цивилизации, особенно в сфере системообразующей инфраструктуры, составляет фундамент экономик республик Центральной Азии в постсоветское время. Советское наследство – это инфраструктурные проекты, крупные индустриальные системы, языковое пространство, культурная общность, а также совокупность проблем, оставшихся со времен СССР, но во многом обострившихся из-за формирования новых государственных границ и различия экономических моделей развития уже независимых стран.

Коммунальная инфраструктура в современных условиях стремительно деградирует, что приводит к масштабным техногенным авариям. Не менее сложной остается ситуация в отношении ирригации. Постоянная борьба за доступ к воде давно

⁴ Обзор промышленности Узбекистана // MANUFACTURERS.RU. URL: <https://manufacturers.ru/article/obzor-promyshlennosti-uzbekistana>.

привлекает внимание мировой общественности. Зыбкий базис, доставшийся от прошлой эпохи, напоминает о необходимости реформ или амортизации. Только после того, как эта основа уйдет в прошлое, можно будет перестать говорить на политическом языке, унаследованном от Советского Союза. Не вызывает сомнений, что это время близко, но пока наследство все еще оказывает непосредственное влияние на многие связи внутри региона [8].

В постсоветское время активно формируется фундамент нового регионального порядка. Новые экономические сферы, например, информационные технологии или связь, существуют вне полученной от СССР инфраструктуры. Но попытки ее обновления предпринимаются и сегодня, в том числе при активном участии Всемирного банка.

Мегаиндустрия – это сеть советских промышленных предприятий, создававшихся или проектировавшихся усилиями целой страны с планами включения их в систему общесоюзных экономических связей. Многие из таких проектов сегодня стали памятниками ушедшей эпохи. Некоторые реализованы уже в рамках независимых государств, формируют значительную часть их ВВП, но несут в себе многочисленные социально-политические вызовы.

Планы на ренту с экспорта природных ресурсов как основы национального благосостояния являются общей чертой для экономик большинства государств Центральной Азии постсоветского периода. Хотя необходимость привлекать иностранных инвесторов вынуждает их искать баланс между ресурсным национализмом и интересами транснационального бизнеса. Этот парадокс и приводит к появлению проблем.

Примером может служить упоминавшееся выше золоторудное месторождение Кумтор в Киргизии. Оно было открыто в 1978 г., и только спустя десятилетие появилось обоснование целесообразности добычи здесь золота. Но разработка Кумтора началась уже в независимой Киргизии, при поддержке иностранных инвесторов. Несомненно, без их участия освоение в начале 1990-х гг. такого крупного высокогорного месторождения было бы невозможно. Тем не менее вопрос о национализации предприятия не терял актуальности и оставался в центре всеобщего внимания на протяжении почти всего постсоветского периода.

Месторождение Кумтор геополитически значимо и для Центральной Азии, и в более крупном масштабе. Речь не только о прямой связи объемов добычи и котировок золота на мировых биржах. Основным иностранным инвестором в Кумторе в течение многих лет была влиятельная в Азии корпорация «Centerra Gold» – в разное время она осуществляла проекты на огромном пространстве от Турции до Монголии. В Кумторе компания контролировала почти 70% прибыли, будучи одним из ключевых бенефициаров. Все изменилось в 2022 г., когда предприятия-разработчики полностью перешли в собственность Киргизии. «Centerra Gold» ушла, но это не значит, что иностранные инвесторы потеряны. Месторождение все еще перспективно, а стабильно растущий интерес КНР и РФ к экономике Киргизии в современных условиях выводит местные предприятия на совершенно новый уровень отношений [8].

Не менее показательной является ситуация в металлургической отрасли Узбекистана, претендующего на статус регионального лидера. Предприятия, основанные после Второй мировой войны, сейчас модернизированы и обеспечивают стране статус лидера. Только по объемам добычи золота Узбекистан занимает седьмое место в мире, а по урану – пятое. Месторождение урана в районе города Учкудук, разрабатываемое Навоийским комбинатом, тесно связано с рынками США, КНР, Индии и Франции. Государство на протяжении всего постсоветского периода неизменно обладает высокой долей собственности в добывающей отрасли (по сравнению с другими странами региона).

Вышеупомянутая Рогунская ГЭС в Таджикистане и освоение газовых месторождений в Туркмении иллюстрируют те же процессы. Да, строительство газопровода из Туркмении в КНР, который проходит через Узбекистан и Казахстан, – позитивный пример постсоветского сотрудничества. Но этот проект также уходит корнями в эпоху хозяйственных связей между среднеазиатскими республиками СССР.

Если быть объективным, период независимости стал и эпохой для множества индустриальных проектов, которые в силу ряда обстоятельств просто не могли быть реализованы в СССР. Уход от громоздкой системы советского планирования открыл независимым государствам новые возможности для развития индустриальных объектов другого типа – с участием иностранных инвесторов, но основанных опять-таки на советских геологических и технических разработках.

Таким образом, в период постсоветского цивилизационного транзита современная геоэкономическая ситуация в Центральной Азии превратилась в сложный комплекс трех взаимозависимых факторов: советского наследия, иностранных инвестиций и ресурсного национализма. Последний упомянутый фактор – не просто дань популизму, скорее он часть наследия советской эпохи с соответствующим представлением о справедливости распределения природных богатств. Борьба правительств государств Центральной Азии за национальный контроль над месторождениями природных ископаемых должна привести к консолидации усилий на уровне всего региона. Попытка выступать «единым фронтом» может обеспечить благоприятные экономические условия. Но с момента распада СССР эти страны постоянно сталкиваются, и в возникающие политические противоречия вмешиваются внешние акторы: Москва, Анкара, Тегеран, Пекин и Вашингтон.

К вопросу о ресурсном национализме

XXI в. характеризуется глобальным подъемом ресурсного национализма, республики Центральной Азии – не исключение. Но идея того, что монопольным бенефициаром всех природных богатств на территории одного государства может быть только народ этого государства, также имеет советские корни. Так называемая «природная рента», или выплаты всем гражданам государства из средств прибыли добывающего сектора, – несомненно, явление более современное. Что интересно, понятие ресурсного национализма берет начало в конституциях союзных республик СССР, в

которых был закреплён тезис о том, что природные богатства принадлежат государству. Статья 11 Конституции Киргизской ССР гласила: «В исключительной собственности государства находятся земля, ее недра, воды и леса» (при этом первая статья объявляет характер самого государства социалистическим и общенародным). Аналогичные формулировки можно встретить также в одиннадцатых статьях конституций Узбекской ССР, Казахской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР [8].

На современном этапе термин «национализированный» означает «переданный в государственную собственность». В статье 14 Конституции современной Туркмении отмечается: «Земля и недра, воды, растительный и животный мир, а также другие природные богатства являются общенациональным богатством Туркменистана, охраняются государством и подлежат рациональному использованию». Данная идея не исключает предоставления концессий иностранным инвесторам, однако право собственности остается за государством. Схожие положения можно найти почти во всех конституциях постсоветских государств Центральной Азии, все они, в сущности, отсылают к статье 11 основных законов союзных республик [7].

По сути, советское право и пропаганда заложили основы представлений о том, какое распределение природных недр является справедливым. Говоря о советском path dependence, мы прежде всего ориентируемся на этот опыт. Популистские риторики о национальном богатстве с отсылкой к опыту ближневосточных государств – не более чем рецепция советского права, переосмысленного на основе опыта арабских нефтедобывающих стран. В этом контексте формируется интересная взаимосвязь между национальной идентичностью и недрами земли, на которой эта нация существует. Эпитеты «народное богатство» и «основа будущего» – категории политического и исторического оптимизма, характерные для Центральной Азии, и они тесно связаны с риториками ресурсного национализма.

Ресурсный национализм является вполне измеряемым явлением. В частности, Verisk Maplecroft формирует рейтинги стран по риску развития ресурсного национализма. Казахстан и Таджикистан имеют в них традиционно низкий индекс. И это позволяет глобальным игрокам влиять на экономическую ситуацию, а с точки зрения соседних стран Центральной Азии – «вмешиваться во внутренние дела государства». Например, в 2022 г. Всемирный банк рекомендовал Таджикистану снизить государственные затраты на строительство Рогунской ГЭС и увеличить частное финансирование, мотивируя это накоплением государственного долга и опасностью проблем, связанных с его выплатами. Например, особенности приватизации нефтегазовой отрасли в Казахстане привели к тому, что правительство оказалось не в состоянии проводить последовательную политику, отстаивающую национальные интересы перед иностранными инвесторами, способствующую полной загрузке отечественных нефтеперерабатывающих заводов и обеспечивающую сбор налогов с нефтяных компаний в полном объеме [7].

Постсоветский цивилизационный транзит к новым экономическим реалиям опирался на вполне конкретную ресурсную базу и индустриальную основу. На первом этапе важно было переосмыслить этот багаж как не советский, а национальный,

однако делалось это с опорой на советский язык национальной политики. В результате к началу XXI в. стремительно распространяющийся ресурсный национализм получил гибридные черты, с одной стороны, периферийного капитализма, а с другой – совершенно советские установки о справедливом распределении социальных благ. Хотя нужно оговориться, что периферийный капитализм почти повсеместно сочетается с популярностью левых идей, которые в Центральной Азии имеют собственные традиции.

Именно поэтому мы говорим о ресурсном национализме в данном регионе как о некоем path dependence, берущем начало из позднесоветской эпохи. Кроме того, борьба за советское наследство идеологически связана с двумя полярными идеологическими установками. Одна из них (в Таджикистане) ориентирована на сотрудничество с глобальными финансовыми институтами в развитии мегаиндустриальных проектов советской эпохи. Другая идеология (в мягкой форме – в Киргизии) настаивает на исключительном праве народа страны на собственность или преференции с ресурсодобывающей промышленности.

Обсуждение результатов

Центральная Азия в современной риторике политических лидеров постепенно выходит из диапазона шаблонных оценок, привычных для постсоветского пространства. Но процесс этот достаточно длительный, и в его основе отнюдь не преодоление великодержавного мышления. Он находится в плоскости экономических связей, национальных интересов и транснациональных амбиций. Все переменные напрямую обусловлены тем, что мы называем борьбой за советское наследство: конкуренция за передел сфер влияния, за доступ к ресурсам, за возможности их экспорта в определенных направлениях и за сценарии политической интеграции. А еще – схватка за осмысление общего прошлого, которое активно используется как инструмент конкуренции за доступ все к тем же месторождениям природных ископаемых.

Выход из этой ситуации возможен при условии интеграции в рамках ЕАЭС или в формате ЕАЭС+. Это позволит странам Центральной Азии обрести устойчивую и сильную общерегиональную позицию, которая напрямую повлияет на отношения с иностранными инвесторами и координацию спроса и предложения на рынках. На осознание этой объективной необходимости требуется время. Сейчас лишь ресурсный национализм выступает как более или менее популярная программа противодействия хищнической эксплуатации месторождений ресурсов и инфраструктуры по их экспорту со стороны транснациональных компаний.

За годы самостоятельного существования республик Центральной Азии, вне зависимости от степени авторитарности или демократичности режимов, под влиянием богатых ресурсов, а также советского наследия сформировались политические институты, идеологемы и соответствующие подходы к управлению, которые проецируются в систему властных структур. Яркий пример – Киргизия, где открытая по-

литическая борьба партий отражается в политических программах и предвыборной риторике, а формирование правительств по партийному принципу, создание соответствующих парламентских фракций недвусмысленно показывают вес и значение тех или иных комитетов, министерств и ведомств.

Борьба за советское наследство продолжается, поскольку созданные в рамках советской цивилизации индустриальная база и инфраструктура еще долго будут вызывать интерес у мировых держав и транснациональных корпораций. Именно поэтому возникают отсылки и к общему прошлому, и к основной точке невозврата – к распаду СССР. Появление качественно новых отношений возможно в случае или окончательного перераспределения сфер влияния, или возникновения экономик совершенно иного типа, не основанных на экспорте природных ресурсов.

Выводы

Все вышесказанное не является проблемой исключительно центральноазиатских стран. Во многом это прямо влияет на саму рефлексию России как правопреемницы СССР и советского наследия в целом. Теоретически можно ставить вопрос не только об отношении к советскому наследию во внутрироссийском дискурсе, но и о проекции сегодняшней Российской Федерации на то же наследие уже в новых независимых государствах, бывших частью СССР. Это особенно важно в новой геополитической картине мира, активная фаза формирования которой началась в конце зимы 2022 года.

Золото, пресная вода, уран, газ, – все это востребовано настолько, что уровень конкуренции за них в перспективе будет только расти. Географическая близость крупных потребителей, Китая и Индии, также будет сказываться на характере соперничества. В сущности, борьба за советское наследство – противостояние за контуры новой геоэкономики Азии.

И последний, но не менее важный пример – проблема Аральского моря, доставшаяся Казахстану и Узбекистану по наследству от Советского Союза. По большому счету, это целый комплекс экологических и политических вопросов, требующих решения в долгосрочной перспективе. Многие из них оказывают непосредственное влияние на характер межгосударственных отношений: от того, как они будут решены (или не решены), зависит будущее не только отдельных стран, но и всего региона в целом.

Список источников

1. Абашин С.Н. Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией [Soviet village: between colonialism and modernization]. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 848 с.
2. Афганистан и безопасность Центральной Азии [Afghanistan and the security of Central Asia]. Вып. 1 / Под ред. А.А.Князева. Бишкек: Илим, 2004. 639 с.
3. Бобохонов Р.С. Некоторые вопросы историографии Таджикистана нового и новейшего времени [Some issues of the historiography of Tajikistan in modern and contemporary times] // Политика и общество. 2012. № 6. С. 73–84.

- Бушуев В.В. Историческая политика современных государств: проблема определения и методология исследования [Historical politics of modern states: the problem of definition and research methodology] // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. С. 285–302.
- Казанцев А. Светская государственность перед вызовом радикального ислама [Secular statehood before the challenge of radical Islam] // Валдайские записки. 2016. № 2(42). С. 3–11.
- Ларина Е.И. Национальное самосознание и традиционные социальные институты в Центральной Азии [National identity and traditional social institutions in Central Asia] // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 4. С. 66–67.
- Мармونتова Т.В., Тажибаев А.Т., Шамсиева И.М., Махмутходжаева Л.С., Кожирова С.Б. Центральная Азия – Россия: возможности и ограничения при построении совместного будущего (опыт форсайт-анализа) [Central Asia – Russia: Opportunities and Limitations in Building a Joint Future (Foresight Analysis)] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1(7). С. 66–77. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-66-77](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-66-77).
- Михалёв А.В., Рахимов К.К. Центральная Азия и борьба за советское наследство [Central Asia and the Struggle for Soviet Legacy] // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 153–162. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162.
- Репина Л.П. Теоретические основания и перспективы региональной истории [Theoretical foundations and prospects of regional history] // Преподаватель. XXI век. 2013. № 3. С. 266–273.
- Eisenstadt S.N. Multiply Modernity // Daedalus, Cambridge. 2000. Vol. 129. 1: 1–30.

Информация об авторе

БОБОХОНОВ Рахимбек Сархадбекович. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. <https://orcid.org/0000-0002-0841-1707>. Адрес: 123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. rahimbobokhonov@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 апреля 2024 г. Принята к публикации: 25 апреля 2024 г. Опубликовано: 15 мая 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Abashin S.N. Soviet village: between colonialism and modernization. Moscow: New Literary Review, 2015:848.
- Afghanistan and the security of Central Asia. Vol. 1 / Ed. A.A. Knyazeva. Bishkek: Ilim, 2004:639. [In Russian].
- Bobokhonov R.S. Some issues of the historiography of Tajikistan in modern and contemporary times. Politika i obshchestvo / [Politics and Society]. 2012; 6:73-84 [In Russian].

- Bushuev V.V. Historical politics of modern states: the problem of definition and research methodology. Social'no-gumanitarny'e znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2012; 3:285-302 [In Russian].
- Kazantsev A. Secular statehood before the challenge of radical Islam. Valdajskie zapiski [Valdai Notes]. 2016; 2(42):3-11 [In Russian].
- Larina E.I. National identity and traditional social institutions in Central Asia. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Ser. 8. History. 2012; 4:66-67 [In Russian].
- Marmontova T.V., Tazhibaev A.T., Shamsieva I.M., Makhmutkhojaeva L.S., Kozhirova S.B. Central Asia – Russia: Opportunities and Limitations in Building a Joint Future (Foresight Analysis) // Russia & World: Scientific Dialogue. 2023;1(7):66-77 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-66-77](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-66-77).
- Mikhalev, A.V., Rakhimov, K.K. Central Asia and the Struggle for Soviet Legacy. Russia in Global Affairs. 2023, 21(1):153-162. [In Russian]. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162.
- Repina L.P. Theoretical foundations and prospects of regional history. Prepodavatel [Teacher]. XXI century. 2013; 3:266-273 [In Russian].
- Eisenstadt S.N. Multiply Modernity. Daedalus, Cambridge. 2000; Vol.129. 1:1-30 [In English].

About the author

Rakhimbek S. BOBOKHONOV. CandSc (Hist.). Senior Researcher at the Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-0841-1707>. Address: 30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russian Federation. rahimbobokhonov@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 15, 2024. Approved after review: April 20, 2024. Accepted for publication: April 25, 2024 Published: May 15, 2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Роль Сербской православной церкви в отношениях с мусульманами с 1920 по 2020 г.

Александар Прашчевич✉

Белградский университет, Белград, Республика Сербия

prasevic@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4374-7956>

Аннотация. Отношения между православными и мусульманами на Западных Балканах часто становятся темой мирового уровня в связи с интересом международных факторов, активно участвующих в этом процессе. Сербская православная церковь является ключевым фактором в развитии межконфессионального диалога, в который она внесла значительный вклад через своих предстоятелей, епископов и священников. Ее роль вышла на первый план в послевоенные годы, когда, несмотря на большие жертвы среди православных верующих, она призвала к межконфессиональному миру и сосуществованию, тем самым способствуя стабильности Западных Балкан. В статье в исторической ретроспективе рассмотрены отношения народов и представителей разных религий в одном общем государстве в политических обстоятельствах. Представленные в статье факты позволяют сделать выводы об уровне межконфессионального диалога и вкладе в межконфессиональное примирение представителей различных конфессий. Статья является опытом комплексного научного изучения межрелигиозных отношений православных и мусульман в Сербии: при ее написании исследователь обращался к различным источникам: к христианской и мусульманской религиозно-апологетической литературе, к истории, социологии, публицистике и др., преследуя цель беспристрастного изложения наиболее точной и разнообразной информации по данной теме.

Ключевые слова: Сербская православная церковь, исламские общины, Европа, Западные Балканы, православные христиане, мусульмане, межконфессиональное сосуществование, диалог и конфликты

Для цитирования: Прашчевич А. Роль Сербской православной церкви в отношениях с мусульманами с 1920 по 2020 г. // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 174-183, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-174-183](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-174-183)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-174-183](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-174-183)

Sociological Sciences

The Role of the Serbian Orthodox Church in Relations with Muslims from 1920 to 2020

Alexandar Prascevic✉

University of Belgrade, Belgrade, Republic of Serbia

prasevic@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4374-7956>

Abstract. Relations between Orthodox and Muslims in the Western Balkans often become a world-class topic due to the interest of international factors actively involved in this process. The Serbian Orthodox Church is a key factor in the development of interfaith dialogue, to which it has made a significant contribution through its primates, bishops and priests. Her role came to the fore in the post-war years, when, despite great sacrifices among Orthodox believers, she called for interfaith peace and coexistence, thereby contributing to the stability of the Western Balkans. In historical retrospect, the article examines the relations of peoples and representatives of different religions in one common state in political circumstances. The facts presented in the article allow us to draw conclusions about the level of interfaith dialogue and the contribution of representatives of various faiths to interfaith reconciliation. The article is an experience of a comprehensive scientific study of interreligious relations between Orthodox and Muslims in Serbia: when writing it, the researcher turned to various sources: Christian and Muslim religious and apologetic literature, history, sociology, journalism, etc., aiming at an impartial presentation of the most accurate and diverse information on this topic.

Keywords: Serbian Orthodox Church, Islamic communities, Europe, Western Balkans, Orthodox Christians, Muslims, interfaith coexistence, dialogue and conflicts

For citation: Prascevic A. The Role of the Serbian Orthodox Church in Relations with Muslims from 1920 to 2020. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 2(12): 174-183, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-174-183](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-174-183)

Введение

Отношения между православными христианами и мусульманами на Западных Балканах веками тяготались тяжелым историческим опытом, а самым большим «камнем преткновения» на пути дальнейшего развития их отношений является реинтерпретация исторических фактов, т.е. выбор событий, определяющих этот сложный исторический процесс. В историографии преобладают конфликты и преступления на религиозной и национальной почве, а примеры солидарности и доброжелательности остались в «тени». Каждое преступление заслуживает осуждения, каждая жертва заслуживает достойной памяти, а каждое гуманное действие заслуживает того, чтобы его выделяли и хвалили [7, с. 18-23]. В этом процессе раскрывается роль Сербской православной церкви, которая была фактором примирения и сближения, несмотря на весьма негативное внешнее и внутреннее влияние.

Материалы и методы

Информацию об отношениях православных и мусульман до первой половины XX в. можно найти лишь в общих исторических произведениях, личных записях, письмах, народных песнях и летописях православного и мусульманского духовенства. Из всех историков и хронистов, которые жили с XIV по XX в. и писали об отношениях между православными и мусульманами, особого внимания достойны работы следующих авторов: архим. Серафим (Ристич), архим. Ничифор (Дучич), Йован Н. Томич, Йован хаджи Васильевич, др. Евто Дедиер, Йован Цвиич, Константин Иречек, Владимир Чорович, Бей Эсад¹. Они дают нам достоверную и объективную информацию о сложившейся исторической ситуации как в покоренных, так и в освобожденных сербских землях, потому что сами являлись непосредственными свидетелями отдельных описываемых событий. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что вопросы межрелигиозных отношений освещены в работах недостаточно.

Отношениями православных и мусульман в Сербии в большей степени занимались христианские, нежели мусульманские авторы. Следовательно, основная информация по данной теме доступна на сербском и русском языках.

Больше внимания межрелигиозным отношениям на территории бывших югославских республик стало уделяться православными теологами, политологами, журналистами, политиками и юристами только после 80-х гг. XX в. Среди источников данного периода выделяются труды Райка Веселиновича, Джоки Слиепчевича, епи-

¹ Томић Н.Ј. О Арнаутима у Старој Србији и Санџаку. Београд, 1913.; Васиљевић Х.Ј. Муслимани наше крви у Јужној Србији. Београд, 1924.; Беј Е. Алах је велик. Београд, 1937.; Јиречек К. Историја Срба. Београд, 1952.; Цвијић Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље. Београд, 1966 г.; Дедијер Ј. Стара Србија. Географска и етнографска слика 1912 Београд, 1998.; Нићифор (Дучић), архимандрит. Историја Српске Православне Цркве. Гацко, 2002 г.; Серафим (Ристић), архимандрит. Плач Старе Србије. Хвосно, 2004.; Ђоровић В. Историја Срба. Београд, 2006.

скопа Афанасия (Евтича), Милорада Екмечича, Миролуба Евтича, Дмитрия Богдановича, Душана Батаковича, Радослава Гачиновича, Милана Миялковского, Борислава Пелевича, и т.д.²

Большой вклад в исследование отношений между православными и мусульманами внес епископ Афанасий (Евтич), который, имея доступ к архивам Сербской православной церкви, опубликовал в своих трудах каждый документ, свидетельствующий о межрелигиозной жизни в Сербии на протяжении XX–XXI вв.³

Результаты исследования

В политических обстоятельствах после окончания Первой мировой войны, на Западных Балканах было создано одно крупное многонациональное государство – Королевство сербов, хорватов и словенцев, существовавшее под этим названием с 1918 по 1921 г., а позже переименованное в Королевство Югославия (с 1921 по 1941 г.). Ее гражданами были православные, католики, мусульмане, иудеи, протестанты и др. Сербская православная церковь, управляемая Священным архиерейским собором и возглавляемая сербскими патриархами Димитрием (Павловичем) с 1920 по 1930 г., Варнавой (Росичем) с 1930 по 1937 г. и Гаврилом (Дожичем) с 1938 по 1950 г., поддерживала идею установления братства, единства и равенства всех народов и представителей разных религий в одном общем государстве. Евангелическая миссия православного духовенства, предполагающая проповедь любви, мира и сосуществования между всеми народами, совпала с государственной политикой установления равенства всех ее народов, независимо от этнической и религиозной принадлежности. На этом пути возникло множество вызовов и проблем, которые остались без адекватного политического решения, но Сербская православная церковь ни в одном случае не была разрушительным фактором [4, с. 23-181].

Предстоятели, епископы и священники Сербской православной церкви призывали православных христиан жить во взаимной любви и с последователями других

² Веселиновић Л.Р. Историја српске православне цркве са народном историјом, књ.II. (1766–1941). Београд, 1966 г.; Екмечић М. Ратни циљеви Србије 1914 Београд, 1973 г.; Атанасије (Јевтић), јеромонах. Од Косова до Јадовна. Београд, 1984 г.; Атанасије (Јевтић), јеромонах. Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941 до 1990 год. Приштина, 1990 г.; Богдановић Димитрије. Књига о Косову. Београд, 1990 г.; Батаковић Т. Душан. Косово и Метохија. Приштина – Горњи Милановац, 1991 г.; Атанасије (Јевтић), епископ. Српска црква у Другом светском рату, (Из Архива Св. Архијерејског Синода Српске Православне Цркве). Београд, 1992 г.; Tanasković Darko. U dijalogu s islamom. Beograd, 1992.; Јевтић Миролуб. Шиптари и ислам. Прњавор, 1995 г.; Батаковић Т. Душан. Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. Београд-Ваљево-Србиње, 1998 г.; Миялковски Милан, др. Злочини и заблуде Албанских сепаратиста. Београд, 1999 г.; Јевтић Миролуб. Савремени Цихад као рат. Београд, 2001 г.; Јевтић Миролуб. Религија и политика. Београд, 2002 г.; Слијепчевић Ђ, др. Историја српске православне цркве. Књига II. Београд, 2002 г.; Гађиновић Радослав, др. Насиље у Југославији. Београд, 2002 г.; Гађиновић Радослав, др. Отицање Косова и Метохије. Београд, 2004 г.; Пелевић Борислав. Кроз историју Косова и Метохије од VI до XXI века. Београд, 2005 г.

³ Атанасије (Јевтић), јеромонах. Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941 до 1990 год. Приштина, 1990; Атанасије (Јевтић), епископ. Српска црква у Другом светском рату, (Из Архива Св. Архијерејског Синода Српске Православне Цркве).

конфессий в Королевстве Югославия, которое было единственной страной в Европе, где шариат применялся на государственном уровне с 1919 по 1941 г., хотя мусульмане составляли чуть более десяти процентов населения. Наибольшую опасность межконфессиональному сосуществованию представляли экстремистские элементы среди католиков и мусульман, вдохновленные сепаратистскими клерикально-националистическими интересами. Во Второй мировой войне под прикрытием религиозных и национальных интересов они безжалостно истребляли своих соседей, в том числе беззащитных стариков, женщин и детей. Наибольшую человеческую жертву в той войне принесли православные сербы, подвергшиеся этнической чистке во многих регионах, где они проживали на протяжении столетий вместе с мусульманами, особенно в Косово и Метохии и в Боснии и Герцеговине [7].

После окончания Второй мировой войны власть в Югославии перешла к коммунистам при поддержке международных факторов, которые возобновили работу над «братством и единством» в контексте светского общественного строя. Сербская православная церковь поддержала государственный интерес в этом отношении, хотя и была недовольна законами, определявшими ее институциональный статус и положение в государстве, а также отношением органов государственной власти к православному духовенству и верующим.

По возвращении из плена сербский патриарх Гаврило оказался в крайне тяжелом положении, однако не сошел с пути межконфессионального сосуществования. На этом пути его сменил сербский патриарх Викентий (Проданов) (с 1950 по 1958 г.), который своей межконфессиональной деятельностью заслужил официальную поддержку Исламской религиозной общины Югославии, и коммунистическое правительство было удовлетворено его деятельностью [4, с. 181-195].

Сербский патриарх Герман (Джорич), который был главой Сербской православной церкви с 1958 по 1990 г., продолжал способствовать институциональному межконфессиональному сотрудничеству с мусульманами, находясь в официальных и личных дружеских контактах с тремя главами Исламской религиозной общины в Югославии: реис-уль-улема Хаджи Сулейман Эфенди Кемур (1957–1975), реис-уль-улема Наим Эфенди Хаджабдич (1975–1987) и реис-уль-улема Хаджи Хафиз Хусейн Эфенди Муич (1987–1989). Он был честен и доброжелателен в общении с ними. Его переписка свидетельствует о том, что он с уважением относился ко всем мусульманам и к их религиозным праздникам. Он видел в мусульманах Югославии своих братьев, с которыми хотел всегда быть в хороших отношениях. В этом контексте осуществлялась межконфессиональная деятельность многих епископов и священников Сербской православной церкви в его время [2].

Переломные события в христианско-мусульманских отношениях на Балканах в конце XX – начале XXI в. произошли в годы, когда на патриаршем престоле Сербской православной церкви с 1990 по 2009 г. находился сербский патриарх Павел (Стойчевич), у которого не было возможности работать над развитием межконфессионального диалога в богословском плане из-за состояния войны и политической турбулентности. Он не боялся говорить о богословских различиях между христианством и

исламом и, несмотря на всевозможные трудности, использовал любую возможность для беседы с мусульманскими религиозными деятелями, способствуя тем самым оживленному диалогу, конечной целью которого является сохранение межконфессионального сосуществования [1].

Во время его патриаршего служения религиозные представители православных христиан и мусульман встречались и обсуждали проблемы, вызванные политической подоплекой, с целью сохранения межконфессионального сосуществования в условиях мира и взаимного уважения. Они встречались много раз для того, чтобы обсудить трудности, в которых они обвиняли друг друга, т.е. когда одна сторона почувствовала, что другая не приложила усилий для предотвращения определенных преступлений. В любом случае их беседы были полезны тем, что, прежде всего, они могли «лицом к лицу» обнажить свою боль из-за страданий своих верующих, а затем вместе работать над решением всех аспектов той или иной проблемы [3].

Сербская православная церковь во главе с сербским патриархом Иринеем (Гавриловичем) (с 2010 по 2020 г.) и епархиальными архиереями продолжила традицию содействия развитию межконфессионального диалога с целью достижения примирения в регионах, пострадавших от гражданских войн (1991–1995 и 1999 гг.), укреплять сосуществование в регионах, где православные христиане и мусульмане уже живут мирно, и сближаться друг с другом [4].

Во времена патриарха Ириния епископы Сербской православной церкви также приложили немало усилий для развития мирного и гармоничного межконфессионального сосуществования в регионе, и их вклад в диалог с мусульманами значителен в этом контексте [6].

Митрополит Дабро-Боснийский Николай (1928–2015), возглавляя митрополию, базировавшуюся в Сараево в период распада Югославии и гражданской войны в Республике Босния и Герцеговина (1992–1995), потерял большое количество православных верующих, но, несмотря на это, остался приверженцем межконфессионального диалога и примирения. Он работал в этом направлении даже в преклонном возрасте [6, с. 20-32].

Митрополит Загребско-Люблянский Порфирий (нынешний Патриарх Сербский) был ориентирован на межрелигиозный диалог с католиками, составляющими большинство жителей Загребско-Люблянской митрополии, но он также работал над диалогом с мусульманами как в Республике Хорватия, так и в Республике Сербия. На этом пути он добился больших успехов благодаря очень открытому и честному подходу в дискуссиях с представителями других церквей и религиозных общин. Он также отличился участием в многочисленных региональных межконфессиональных конференциях [6, с. 34-46].

Митрополит Дабро-Боснийский Хризостом (сначала как епископ Зворницко-Тузланский, а затем как митрополит Дабро-Боснийский) начал и развивал практику регулярных встреч с представителями Исламской общины Боснии и Герцеговины, с которыми он не только поощрял межконфессиональное сосуществование, но и наилучшим образом разрешал открытые вопросы в христианско-мусульманских отношениях [6, с. 51-82].

Епископ Бачский Ириней достиг чрезвычайно завидной высоты в общении с мусульманами на региональном и международном уровне. У него не было значительного процента мусульман среди населения его епархии, но его отношение к ним как к явному меньшинству было полно уважения и понимания. Он был частым участником межконфессиональных встреч, а его взгляды на ислам и мусульман известны в медиапространстве Республики Сербия и стран Западных Балкан. Его вклад в диалог с мусульманами можно проследить с нескольких точек зрения; разработка межконфессиональных проектов общего значения, участие в межконфессиональных собраниях и конференциях, пресс-релизы о межконфессиональных инициативах и происшествиях на региональном и международном уровне, высказывания об исламе и мусульманах в журналах и газетах и т.д. [6, с. 99-160].

Епископ Зворницко-Тузланский Фотий своей архипастырской деятельностью в епархии, где мусульмане проживают вместе с православными христианами, подчеркивал важность межконфессионального сосуществования на встречах с представителями Исламской общины Боснии и Герцеговины и мусульманскими политическими деятелями. В своих публичных выступлениях он говорил о важности межконфессионального примирения, подчеркивая, что даже в истории бурных христианско-мусульманских отношений во вверенной ему епархии есть яркие примеры, оставленные людьми, которые в самые трудные минуты проявили себя добрыми соседями, независимо от условий войны и несмотря на различия в религии и нации [6, с. 167-174].

Епископ Милешевский Атанасий, который ранее был епископом Бихачско-Петровацким, одинаково работал над сохранением хороших межрелигиозных отношений как в епархии, где мусульмане составляют большинство, так и в епархии, где большинство составляют православные христиане. Он проявил приверженность сути межконфессионального диалога, поскольку искал путь мира между мусульманами и православными, подчеркивая, что мир является полным только в том случае, если он исходит изнутри и подтверждается действиями [6, с. 177-201].

Епископ Захумско-Герцеговинский Григорий инициировал межрелигиозный диалог в своей епархии на всех уровнях и во всех социальных кругах; научные собрания, культурные мероприятия, выступления в средствах массовой информации, спортивные соревнования и т.д. Епископ Григорий расширил масштабы понимания и применения межконфессионального диалога, который как процесс стал ориентиром в социальном и политическом развитии всех народов. Межконфессиональный диалог стал популярным социальным явлением, а не просто инструментом развития межконфессионального сосуществования. Многие из его священного клира последовали за ним в этом, так что плоды его работы можно увидеть на многих уровнях в Боснии и Герцеговине [6, с. 206-276].

Епископ Рашско-Призренский Теодосий в преимущественно мусульманской среде, несмотря на сотни тысяч изгнанных православных христиан за последние пятьдесят лет и множество разрушенных церквей и монастырей, инициировал процесс межконфессионального примирения. В своих проповедях и высказываниях он часто говорил о христианско-евангельском принципе любви ко всем. После частых

нападений албанских мусульман на православных христиан и их святыни он в общест-венности делал упор на покаяние и нормализацию нарушенных межрелигиозных отношений в этой сербской провинции [6, с. 287-299].

Епископ Бихачско-Петровацкий Сергей способствовал развитию диалога с мусульманами своими проповедями и публичными выступлениями, в которых он при-зывал к миру и любви в среде, где мусульмане стали большинством по сравнению с православными христианами после ужасных преступлений и этнических чисток во время Второй мировой войны. Он руководствовался евангельским рассказом о «до-бром самаритянине», иллюстрирующим христианский опыт соседа. Его архипастыр-ская миссия заключалась в создании новой среды в христианско-мусульманских от-ношениях, в которой есть равное пространство для памяти жертв конфликта и для построения общего будущего в гармоничном сосуществовании [6, с. 300-305].

Епископ Захумско-Герцеговинский Димитрий, унаследовав традицию содей-ствия межконфессиональному диалогу, сделал шаг вперед, отдав дань уважения невин-ным жертвам православных и мусульман вместе с представителями Исламской общи-ны в Боснии и Герцеговине. Новый этап в межконфессиональных отношениях начался, когда епархия и муфтийство начали помогать друг другу в различных нуждах. Он заявил публично о своей готовности бороться за межконфессиональное сосуществование все-ми доступными и законными способами, показав обществу, что не избегает обсуждения даже самых чувствительных тем в межконфессиональных отношениях [6, с. 306-331].

Епископ Зворницко-Тузланский Василий руководил епархией в период комму-нистического «надзора» за межконфессиональными отношениями, затем во время гражданской войны в Боснии и Герцеговине и в послевоенный период, когда перед ним стояло множество открытых вопросов в межконфессиональных отношениях. Он отличился своей ценной работой в Межрелигиозном совете Боснии и Герцеговины. В своих публичных выступлениях он заявил, что альтернативы межконфессиональ-ному диалогу нет, что мы должны работать в этом направлении на всех уровнях со-циальной, религиозной, культурной и политической жизни и что успех обусловлен совместными, взаимными усилиями и работой [6, с. 335-353].

Выводы

После Первой и Второй мировых войн, а также после гражданских войн в быв-шей Югославии Сербская православная церковь активно участвовала в межконфес-сиональном диалоге с исламскими общинами и мусульманами на всех уровнях. Пред-стоятели и духовенство Церкви внесли значительный вклад в межконфессиональное примирение и сосуществование, несмотря на то, что православные христиане были жертвами оккупационных режимов, с которыми сотрудничала мусульманская поли-тическая элита. Попытки спровоцировать негативную реакцию Сербской православ-ной церкви в отношениях с мусульманами никогда не приносили плодов, поскольку Церковь всегда проповедовала, что мусульмане – братья православным.

Список источников

1. Прашчевич А. Патријарх Павле о исламу и муслиманима (Патријарх Павле об исламе и мусуљманах) [Patriarch Pavle on Islam and Muslims] Белград: Издавачка фондација Архиепископије београдско-карловачке (Издательский фонд Архиепископии белградско-карловачкой), 2018 [In Serbian].
2. Прашчевич А. Дијалог између православних хришћана и муслимана. Допринос Патријарха српског Германа (1958–1990) (Диалог между православными христианами и мусульманами. Вклад Патриарха сербского Германа (1958–1990)) [Dialogue between Orthodox Christians and Muslims. Contribution of Patriarch Herman of Serbia (1958–1990)] Епархија рашко-призренска (Епархия рашко-призренская), 2019 [In Serbian].
3. Прашчевич А. Дијалог између православних хришћана и муслимана. Допринос Патријарха српског Павла дијалогу са муслиманима (1998–2009) (Диалог между православными христианами и мусульманами. Вклад Патриарха Сербского Павла в диалог с мусульманами (1998–2009)) [Dialogue between Orthodox Christians and Muslims. The contribution of Patriarch Pavel of Serbia in the dialogue with Muslims (1998–2009)] Епархија рашко-призренска (Епархия рашко-призренская), 2019 [In Serbian].
4. Прашчевич А. Дијалог између православних хришћана и муслимана. Допринос патријараха српских Димитрија, Варнаве, Гаврила и Викентија дијалогу са муслиманима (1920–1958) (Диалог между православными христианами и мусульманами. Вклад патриархов сербских Димитрия, Варнавы, Гаврила и Викентия в диалог с мусульманами (1920–1958)) [Dialogue between Orthodox Christians and Muslims. Contribution of the Patriarchs of Serbia Dimitri, Barnabas, Gavril and Vikenty in dialogue with Muslims (1920–1958)] Епархија рашко-призренска (Епархия рашко-призренская), 2020 [In Serbian].
5. Прашчевич А. Патријарх српски Иринеј и свештена јерархија Српске Православне Цркве у дијалогу са муслиманима (2010–2020) (Патриарх сербский Иринеј и Священная иерархия Сербской православной церкви в диалоге с мусульманами (2010–2020)) [Patriarch Irinej of Serbia and the Holy Hierarchy of the Serbian Orthodox Church in dialogue with Muslims (2010–2020)] Белград: Издавачка фондација Архиепископије београдско-карловачке (Издательский фонд Архиепископии белградско-карловачкой), 2021 [In Serbian].
6. Прашчевич А. Епископи Српске Православне Цркве у дијалогу са муслиманима 2010–2020 (Епископы Сербской православной церкви в диалоге с мусульманами 2010–2020) [Bishops of the Serbian Orthodox Church in dialogue with Muslims 2010–2020] Белград: Центар за издаваштво и Центар за међурелигијски и међукултурни дијалог Правног факултета Универзитета у Београду (Издательский центр и Центр за межрелигиозный и межкультурный диалог на Юридическом факультете Белградского университета), 2022 [In Serbian].
7. Прашчевич А. Односи православних хришћана и муслимана у Босни и Херцеговини у Другом светском рату (Отношения православных христиан и мусульман в Боснии и Герцеговине во время Второй мировой войны) [Relations of Orthodox Christians and Muslims in Bosnia and Herzegovina during the Second World War] Кључ (Издательство «Ключ»), 2024 [In Serbian].

Информация об авторе

ПРАШЧЕВИЧ Александар. Кандидат богословия. Доктор философских наук. Соучредитель, преподаватель и член Совета Центра межрелигиозного и межкультурного диалога Юридического факультета Белградского университета. <https://orcid.org/0009-0003-4374-7956>. Адрес: Республика Сербия, 11120, г. Белград, Булевар краља Александра, 67. prascevic@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 апреля 2024 г. Принята к публикации: 25 апреля 2024 г. Опубликовано: 15 мая 2024 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Prascevic A. Patriarch Pavle on Islam and Muslims. Belgrade: Izdavachka fondacija Arhiepiskopije beogradsko-karlovacke, 2018 [In Serbian].
2. Prascevic A. Dialogue between Orthodox Christians and Muslims. Contribution of Patriarch Herman of Serbia (1958–1990). Eparhija rashko-prizrenska, 2019 [In Serbian].
3. Prascevic A. Dialogue between Orthodox Christians and Muslims. The contribution of Patriarch Pavel of Serbia in the dialogue with Muslims (1998–2009). Eparhija rashko-prizrenska, 2019 [In Serbian].
4. Prascevic A. Dialogue between Orthodox Christians and Muslims. Contribution of the Patriarchs of Serbia Dimitri, Barnabas, Gavril and Vikenty in dialogue with Muslims (1920–1958). Eparhija rashko-prizrenska, 2020 [In Serbian].
5. Prascevic A. Patriarch Irinej of Serbia and the Holy Hierarchy of the Serbian Orthodox Church in dialogue with Muslims (2010–2020). Belgrade: Izdavachka fondacija Arhiepiskopije beogradsko-karlovacke, 2021 [In Serbian].
6. Prascevic A. Bishops of the Serbian Orthodox Church in dialogue with Muslims 2010–2020. Belgrade: Centar za izdavashtvo i Centar za mejureligijski i mehkukulturni dijalog Pravnog fakulteta Univerziteta u Beogradu, 2022 [In Serbian].
7. Prascevic A. Relations of Orthodox Christians and Muslims in Bosnia and Herzegovina during the Second World War. Klyuch, 2024 [In Serbian].

About the author

Alexandar PRASCEVIC. CandSc. (Theol.). DSc. (Philos.). Co-founder, lecturer and member of the Council of the Center for Interreligious and Intercultural Dialogue, Faculty of Law, University of Belgrade. <https://orcid.org/0009-0003-4374-7956>. Address: 67, Bulevar kraja Aleksandra, Belgrade, 11120, Republic of Serbia. prascevic@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 1, 2024. Approved after peer review: April 20, 2024. Accepted for publication: April 25, 2024. Published: May 15, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
История международных отношений и внешней политики
HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

УДК 261.7

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-184-196](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-184-196)

Концепция «Интермариума» и конфессиональный вопрос: геополитические вызовы белорусскому православию в XX – начале XXI в.

Александр Валерьевич Слесарев✉

Минская духовная академия Белорусской православной церкви,
Минск, Белоруссия

a-slesarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4892-999X>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сращивания геополитики и религии. На примере белорусского православия автор показывает, как религиозные институты могут становиться инструментами реализации геополитических стратегий, в частности, польской внешнеполитической доктрины «Интермариума» («Междуморья»). Анализируется влияния названной доктрины на положение православной церкви в Балтийско-Черноморском регионе, в том числе на территории Беларуси. Автор рассматривает конкретно-исторические условия периодической актуализации польских геополитических проектов в отношении Беларуси. На примерах показывает технологии работы США с белорусской антисоветской эмиграцией и технологии использования религиозных институтов для реализации геополитических стратегий. Делается вывод о прямой сопряженности современных интерпретаций доктрины «Интермариума» с политикой Константинопольского патриархата в отношении восточнославянских территорий, ассоциируемых с Киевской митрополией XV–XVII вв. Новой для отечественной и зарубежной историографии является оценка деятельности предстоятеля Православной церкви в Польше на украинско-белорусских землях в первой пол. 1940-х гг. как попытка

построения «церковного Интермариума». Статья содержит уникальные материалы об антисоветской деятельности белорусской эмиграции, ее противоречиях и расколах. Полученные выводы актуализируют вопрос выработки механизмов противодействия манипулятивному воздействию в отношении православной церкви, осуществляемому с целью достижения политических выгод. По итогам рассмотрения проблемы предлагается рекомендация относительно необходимости проведения спланированной систематической работы по усилению церковного иммунитета в отношении внешнего манипулятивного воздействия, чреватого нарушением общественного и конфессионального равновесия в Республике Беларусь.

Ключевые слова: белорусское православие, польская геополитика, концепция «Междуморья» («Интермариума»), Балтийско-Черноморский союз, Константинопольский патриархат, Белорусская центральная рада, Варшавская митрополия

Для цитирования: Слесарев А.В. Концепция «Интермариума» и конфессиональный вопрос: геополитические вызовы белорусскому православию в XX – начале XXI в. // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 184-196, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-184-196](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-184-196)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-184-196](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-184-196)

Sociological Sciences

The Concept of the Intermarium and the Confessional Issue: Geopolitical Challenges to Belarusian Orthodoxy in XX – early XXI century

Alexander V. Slesarev✉

Minsk Theological Academy of the Belarusian Orthodox Church, Minsk, Belarus
a-slesarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4892-999X>

Abstract. The article discusses the problems of merging geopolitics and religion. Using the example of Belarusian Orthodoxy, the author shows how religious institutions can become instruments for the implementation of geopolitical strategies, in particular the Polish foreign policy doctrine of the Intermarium. The influence of this doctrine on the position of the Orthodox Church in the Baltic-Black Sea region, including on the territory of Belarus, is analyzed. The author examines the specific historical conditions of the periodic actualization of Polish geopolitical projects in relation to Belarus. Using some examples, he shows the technologies of the United States working with the Belarusian anti-Soviet emigration and the technologies of using religious institutions to implement geopolitical strategies. It is concluded that modern interpretations of the Intermarium doctrine are directly related to the policy of the Patriarchate of Constantinople in relation to the East Slavic territories

associated with the Kiev Metropolis of the XV–XVII centuries. The assessment of the activities of the primate of the Orthodox Church in Poland on the Ukrainian-Belarusian lands in the first half of the 1940s is new for domestic and foreign historiography as an attempt to build a “church Intermarium”. The article contains unique materials about the anti-Soviet activities of the Belarusian emigration, its contradictions and splits. The findings actualize the issue of developing mechanisms to counteract manipulative influence against the Orthodox Church, carried out in order to achieve political benefits. Based on the results of the consideration of the problem, a recommendation is proposed regarding the need for planned systematic work to strengthen church immunity against external manipulative influence, fraught with disruption of social and confessional balance in the Republic of Belarus.

Keywords: Belarusian Orthodoxy, Polish geopolitics, the concept of “Intermarium”, the Baltic-Black Sea Union, the Patriarchate of Constantinople, the Belarusian Central Rada, the Warsaw Metropolis

For citation: Slesarev A.V. The Concept of the Intermarium and the Confessional Issue: Geopolitical Challenges to Belarusian Orthodoxy in XX – early XXI century. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2024, 2(12): 184-196, doi.org/10.53658/RW2024-4-2 (12)-184-196

Введение

Стремительное нарастание геополитической напряженности порождает новые вызовы и закономерную постановку вопроса относительно перспектив развития белорусского православия. При этом размышления о злободневных вызовах современности окажутся поверхностными без обращения к их историческим предпосылкам.

Произошедшее по итогам Первой мировой войны возрождение польской государственности сопровождалось выработкой внешнеполитической концепции «Интермариума» («Междуморья»). Авторство этой доктрины принадлежало идеологам Польской социалистической партии и лично будущему первому премьер-министру Польши Юзефу Пилсудскому (1867–1935). Проект «Интермариума» предусматривал условное возрождение Речи Посполитой в форме политического союза (конфедерации) Польши с независимыми, антироссийски и антикоммунистически настроенными Украиной, Беларусью, Литвой, Латвией, Эстонией, Румынией, Финляндией в пространстве между Балтийским и Черным морями. Теоретическому развитию этого проекта предшествовала заявленная Ю.Пилсудским еще в 1904 г. концепция прометеизма, предполагавшая усвоение Польшей лидерства в деле ослабления Российской империи посредством поддержки национально-освободительных движений нерусских народов¹. Несмотря на свою нереализованность, в межвоенный период идея создания «Интермариума» как «санитарного кордона», отделяющего Западную Европу от СССР, получила широкое распространение и пользовалась большим вниманием в европейских политических кругах.

Осмысление внутривнутриполитических и геополитических аспектов доктрины «Интермариума» нашло достаточно широкое отражение в российской и зарубежной историографии. Однако вне исследовательского внимания до сих пор оставался во-

прос влияния названной доктрины на положение православной церкви в Балтийско-Черноморском регионе, в том числе и на территории Беларуси.

Материалы и методы

При рассмотрении исторической проблематики использованы материалы Белорусской центральной рады (БЦР), Константинопольского патриархата (КП), Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) и Ю.Пилсудского, относящиеся к категориям актов документов, официальных постановлений, заявлений, обращений, резолюций, интервью, переписки, новостных и информационных сводок, воспоминаний. Отдельные аспекты исторического контекста освещались с опорой на исследования российских и украинских специалистов. Рассмотрение актуального состояния балтийско-черноморского проекта предполагало обращение к публикациям официальных интернет-ресурсов Министерства иностранных дел Польши, Вселенской патриархии, Белорусского экзархата, Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине, Института политики GLOBSEC, ТАСС и журнала «TIME».

Исследование подготовлено на основании диалектических принципов объективности, всесторонности, конкретности и историзма. Формирование выводов и суждений осуществлялось посредством использования таких общенаучных методов познания, как синтез и анализ, дедукция и индукция, абстрагирование и обобщение. Раскрытию заявленной темы способствовало применение следующих специально-научных методов исследования: историко-генетического, историко-сравнительного и историко-системного.

Результаты исследования

После состоявшегося в 1921 г. вхождения Западных Беларуси и Украины в состав Второй Речи Посполитой на ее территории оказалось около 4 млн православных. Духовное попечение о них осуществляла Варшавская митрополия Русской православной церкви (РПЦ). В контексте построения польского национального государства присутствие российской церковной юрисдикции расценивалось правительством Польской Республики как явление нежелательное. По этой причине Министерство религиозных исповеданий и народного образования Польши инициировало перед КП вопрос провозглашения польской автокефалии. В 1924 г. польский посол в Турции Р.Кноль установил договоренность с Вселенской патриархией, возглавляемой патриархом Григорием VII, о даровании автокефального статуса Варшавской митрополии [12, с. 71]. Примечательно, что рассмотрение вопроса автокефалии Православной церкви в Польше (ПЦвП) осуществлялось Константинополем посредством постановки вопроса относительно каноничности состоявшегося в 1686 г. перехода Киевской митрополии в юрисдикцию Московского патриархата. Вместе с тем географические

1 Pilsudski Józef. *Pisma Zbiorowe*. Warsaw: Instytut Józefa Piłsudskiego, 1937; Vol. 2: 249-258.

пределы Киевской митрополии по состоянию на вторую половину XVII в. распространились на территории современных Беларуси, Украины, Польши и Литвы.

Состоявшееся 3 ноября 1924 г. заседание Синода КП утвердило заключение о признании недействительным произошедшего в 1686 г. переподчинения Киевской митрополии Московскому патриарху². На основании этого решения 13 ноября 1924 г. Синод Вселенской патриархии утвердил Томос об автокефалии ПЦвП, которая рассматривалась как «осколок» исторической Киевской митрополии³. Произошедшее предопределило дальнейшие действия Фанара в восточнославянском регионе и создало условия для развития белорусского, украинского и прибалтийского церковного сепаратизма. Пространство исторической Киевской митрополии, объявленное изъятым из юрисдикции РПЦ, территориально вписывалось в пространство «Интермариума» Ю.Пилсудского. Беларусь, Украина и Литва исключались Константинополем из сферы российского церковного влияния. При этом в названных регионах отсутствовали признанные автокефальные церкви, что создавало условия для возвышения фигуры предстоятеля ПЦвП над пространством «Интермариума» и являлось дополнительным фактором укрепления позиций Польши как регионального лидера в Восточной Европе. Важной составляющей этого процесса являлось формирование новой православной идентичности, характеризующейся отсутствием восприятия РПЦ как кириархальной церкви.

Во второй половине 1930-х гг. доктрина «Интермариума» обрела новую актуальность благодаря активности польской дипломатии во главе с Ю.Бекком, стремившейся оградить Польшу от угроз со стороны крупных континентальных держав. В это время концепт «Междуморья» предполагал включение в Балтийско-Черноморский союз Венгрии, Румынии и Югославии [2, с. 190]. Однако начало Второй мировой войны расстроило эти планы. Присоединение Западных Беларуси и Украины к СССР имело следствием возвращение православных приходов в РПЦ. Ситуация изменилась после начала немецкого вторжения, когда митрополит Варшавский Дионисий (Валединский) на основании Томоса 1924 г. предпринял попытку распространения своей юрисдикции на украинско-белорусские территории. Несмотря на исчезновение польского государства еще в 1939 г., он позиционировал себя безусловным лидером церковной жизни всего восточнославянского региона. Иными словами, варшавский митрополит имел амбиции реализовать идею «Интермариума» в церковном пространстве.

Встретив запрет на деятельность в пределах рейхскомиссариата «Украина», митрополит Дионисий 24 декабря 1941 г. учредил Временную администрацию ПЦвП на украинских землях и назначил ее руководителем архиепископа Луцкого и Ковельского Поликарпа (Сикорского). С этого времени началось формирование украинской церковной структуры, не признающей юрисдикцию РПЦ и подчиненной митрополиту Варшавскому. В феврале 1942 г. под давлением оккупационных

властей украинская администрация усвоила наименование «Украинская автокефальная православная церковь»⁴ [3, с. 205]. Однако это деяние явилось формальным бюрократическим актом, не сопровождавшимся провозглашением автокефалии. То есть УАПЦ времен немецкой оккупации продолжала оставаться структурным подразделением польской церкви, вынужденно дистанцируясь от прямого взаимодействия с ней. Сложившаяся ситуация нашла разрешение в постановлении архиерейского собора УАПЦ от 8 апреля 1944 г., наделившем Дионисия (Валединского) титулом «патриарха Киевского и всея Украины» [3, с. 275]. Данное символическое действие фактически завершало процесс построения «православного Интермариума» во главе с митрополитом Варшавским. Однако по причине противодействия Министерства восточных территорий Третьего рейха главу польской церкви вскоре лишили усвоенных полномочий [Там же, с. 275-276]. Нацистские власти делали ставку на углубление разделений в православии по национальному принципу.

Аналогичным образом митрополит Дионисий предпринял попытку утвердить собственное влияние на территории генерального округа «Белоруссия». В сентябре 1941 г. он сформировал Белорусский церковный совет при митрополите ПЦвП. Не будучи допущенным к руководству белорусской церковной жизнью местной оккупационной властью, митрополит Дионисий направил в Минск своего представителя – иеромонаха Владимира (Финьковского) [5, с. 114-116]. Последний не выполнил возложенную на него миссию и в начале 1942 г. был выдворен из Беларуси. Возникшая в годы оккупации автономная Белорусская православная церковь (БПЦ) возглавлялась экзархом Московской патриархии митрополитом Пантелеимоном (Рожновским), не поддерживавшим амбиции Дионисия (Валединского) [см. подр.: 6, с. 40-50].

Освобожденная от немецкой оккупации Польша оказалась в сфере советского влияния, что повлекло упразднение константинопольской автокефалии. Произошедшее надолго лишило актуальности польское геополитическое проектирование как в политической, так и церковной жизни. Выработывавшиеся в послевоенные десятилетия эмигрантскими правительствами отдельных стран геополитические концепции не имели шансов на реализацию в силу утвержденного Ялтинско-Потсдамской системой раздела сфер влияния на европейском континенте. Однако доктрина «Интермариума» нашла новое осмысление в кругах польской эмиграции. В частности, польские политические мыслители Е.Гедройц и Ю.Мерошевский выдвинули идею «ULB» («УЛБ», «Украина-Литва-Беларусь»), которая сводилась к созданию на востоке Польши буферной зоны Балтийско-Черноморского союза. Реализация проекта виделась в отказе поляков от имперских притязаний, примирении между народами этого региона и признании за ними прав на построение национальных государств [11, с. 17].

После начала холодной войны произошло формирование новой геополити-

² Η Αυτοκέφαλος Εκκλησία της Πολωνίας // Εκκλησία. 03.01.1925. Σ. 5-6.

³ Патриарший и Синодально-Канонический Томос // Вестник Православной митрополии в Польше. 1925. № 8. С. 1-2.

⁴ Ухвала Х. Священний Собор Архiereїв Св. Православної Автокефальної Церкви на визволених українських землях // Мартирологія Українських Церков: у 4 т. Т. 1: Українська Православна Церква. Документи, матеріали, християнський самвидав України. Торонто-Балтимор, 1987. С. 686-687.

ческой конфигурации, в которую оказались активно вовлечены поместные православные церкви. Учитывая высокий потенциал религиозного влияния на мировоззрение и политическое поведение верующего населения, президент США Г.Трумэн избрал религию в качестве важного средства борьбы с расширением коммунистического влияния в мире. Именно поэтому в 1948 г. внешнеполитическое ведомство США выступило организатором смещения патриарха Константинопольского Максима (Вапортзиса) и избрания новым главой Вселенской патриархии архиепископа Афинагора (Спиру). Последний пользовался расположением высших политических элит США и лично президента Г.Трумэна. Непосредственное участие в смене патриарха принимал посол США в Турции Э.Вильсон [4, с. 221-229]. После произошедшего Вселенская патриархия оказалась глубоко интегрированной в реализацию внешнеполитической стратегии США, что имело отношение и к белорусскому конфессиональному вопросу.

В послевоенных геополитических реалиях центром притяжения для сторонников белорусской автокефалии выступал уже не митрополит Варшавский, а патриарх Константинопольский. Проект организации автокефальной БПЦ, имеющей признание со стороны мирового православия, был запущен в 1948 г. оказавшимися в эмиграции функционерами БЦР (созданного в 1943 г. немецкими оккупационными властями марионеточного белорусского представительства). На основании положений Томоса об автокефалии ПЦВП они признавали КП кириархальной церковью белорусского народа. Выступив с инициативой формирования зарубежной белорусской митрополии в греческой юрисдикции, лидеры БЦР рассчитывали на последующее предоставление ей канонической независимости⁵. Первый белорусский приход константинопольской подчиненности был открыт усилиями БЦР на территории США в 1950 г.⁶ Уже на следующий год экзарх КП в Северной и Южной Америке, архиепископ Михаил (Константинидис) поддержал стратегию БЦР в отношении развития белорусской церковной структуры⁷. На протяжении 1950–1990-х гг. координацию деятельности по формированию Белорусской митрополии КП последовательно осуществляли Белорусский православный церковный комитет в Америке, Церковный совет БПЦ, Белорусский совет православных церквей в Северной Америке⁸. В 1971 г. Синод Вселенской патриархии принял решение

5 Асвятчанне БЦР. Нью-Йорк, 30 студзеня 1954 г. // Беларускае Слова. 1954. Ліпень. С. 2; Беларускі Праваслаўны Царкоўны Камітэт у Амэрыцы // Царкоўны Светач. 1951. № 1. С. 4-5; Інтэрв'ю з Прэзідэнтам Беларускае Цэнтральнае Рады праф. Р. Астроўскім // Апошнія весткі. 1948. № 2. С. 5-7; Прэзідыюм Пленуму Беларускай Цэнтральнай Рады. Зварот да Канстантынопальскага Патрыярха. 14 верасня 1953 г. // Гардзіенка, А. Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР): стварэнне, дзейнасць, заняпад. 1943–1995. Мн., 2016. С. 398-399).

6 Беларускі Праваслаўны Царкоўны Камітэт у Амэрыцы // Царкоўны Светач. 1951. № 1. С. 4-5.

7 Старшыня Беларускага Праваслаўнага Камітэту ў Амэрыцы на аўдыенцыі ў Яго Высока-праэсвятэства Архіепіскапа Міхаіла // Царкоўны Светач. 1952. № 2. С. 11.

8 Беларускі Праваслаўны Царкоўны Камітэт у Амэрыцы. С. 4-5; Рэзалюцыя Зьезду праваслаўных беларусаў: духавенства і вернікаў з Амэрыкі і Канады з дня 31 жніўня 1958 году ў Саўт Рывэрз, Нью Джэрсі, США // Царкоўны Светач. 1958. № 9. С. 5; Царкоўны зьезд // Беларуская думка. 1969-1970. № 12-13. С. 36; Царкоўны Зьезд // Царкоўны Светач. 1970. № 19. С. 30.

о предоставлении белорусам права избрания епископа, возглавляющего белорусскую епархиальную структуру⁹. Однако поиск кандидатур на архиерейское служение не увенчался успехом, что обусловило нереализованность планов БЦР [см. подр.: 8; 10]. Вместе с тем БЦР удалось сформировать 10 белорусских приходов греческой церковной юрисдикции на территории США, Великобритании, Канады и Австралии [7, с. 208-219].

Особое внимание к церковному проекту БЦР со стороны американской политической власти проявлялось в том, что администраторы (благочинные) белорусских приходов регулярно приглашались в Конгресс США по случаю очередных годовщин провозглашения независимости Белорусской Народной Республики (25 марта 1918 г.). В эти дни белорусские клирики посещали Палату представителей и предваряли начало ее работы прочтением молитвы о независимости Беларуси, после чего начинались парламентские слушания по белорусскому вопросу. Посещения Конгресса сопровождались встречами духовенства с лидерами американских политических партий и отдельными конгрессменами. Подобные посещения проходили в 1964, 1965, 1967, 1968, 1970, 1971, 1973, 1977, 1978 и 1979 гг. На протяжении 1950-х – конца 1980-х гг. белорусское духовенство КП демонстрировало активную вовлеченность в целый ряд антисоветских проектов и отдельных мероприятий, что обеспечивало ему поддержку американской администрации. Однако перенести свою деятельность на территорию Беларуси представители данной ветви белорусской эмиграции так и не смогли [см. подр.: 9, с. 17-24].

Падение коммунистической системы в начале 1990-х гг. имело следствием развитие тенденций к установлению монополярной системы миропорядка с безусловным геополитическим лидерством США. Однако начавшееся в 2000-е гг. усиление позиций Российской Федерации на международной арене повлекло за собой воскрешение проекта «Интермариума» как регионального альянса стран балтийско-черноморского пространства, находящихся в сфере прямого влияния Соединенных Штатов. Еще в 2011 г. американский политический аналитик Дж.Фридман прогнозировал усиление роли Польши в реализации проекта «Интермариума» [13, р. 17, 82]. По прошествии непродолжительного времени эти прогнозы начали воплощаться в политической реальности. Так, польская электоральная кампания 2015 г. сопровождалась включением в предвыборную риторику одержавших победу на выборах президента А.Дуды и парламентской партии «Право и справедливость» заявлений о создании «Междуморья». Отталкиваясь от примиренческой концепции УЛБ, названные политические силы выстраивают концепцию «Интермариума» исходя из актуального геополитического статуса Польши как члена Евросоюза и Североатлантического

9 I.K. Св. пам. а. протапр. М. Лапіцкі // Беларуская думка. 1976. № 20. С. 18-21; Byelorussian Council of Orthodox Churches in North America // Царкоўны Светач. 1981. № 31. С. 34; Letter to Rev. Father Nikolaj Lapitzki, Whiteruthenian Greek-Orthodox Church of St. Euphrosynia, South River, New Jersey, from Very Rev. George J. Bacopulos, Chancellor of Greek Orthodox Archdiocese of North and South America. June 18, 1971 // Rutgers University Libraries. Zaprudnik J. Collection. Box 2 «Lapitski Mikalaj, 1907-1976. Papers». Folder 40 «Chicago (царкоўныя справы)». Р. 9.

альянса. В этой связи учитывается лидирующая роль США¹⁰, что открывает новые перспективы для действий Вселенского патриархата в рамках реализации названной геополитической инициативы.

Примечательными проявлениями ориентации Польши на усиление влияния в Восточной и Центральной Европе в последнее десятилетие стали «Инициатива трех морей» и «Люблинский треугольник». Запущенный в 2015 г. проект «Инициатива трех морей» («Триморье») фактически является новым прочтением доктрины «Интермариума», предусматривая формирование в Центрально- и Восточноевропейском регионе конфедеративного государства. Целью его образования виделось совместное сдерживание двенадцатью государствами-союзниками роста влияния Германии на Западе и России на Востоке при модерлирующей роли Польши¹¹. Примечательно, что данная инициатива нашла поддержку со стороны США, которые рассматривали Польшу как координатора собственной внешней политики в Европе после произошедшего в результате Брекзита ослабления Великобритании. Во втором саммите «Инициативы трех морей», состоявшемся в 2017 г. в Варшаве, личное участие принял американский президент Д.Трамп. В своем обращении он обозначил целью проекта «оживление экономических связей между Соединенными Штатами и бывшими коммунистическими странами как Центральной, так и Восточной Европы»¹².

Другим проявлением идеи Балтийско-Черноморского альянса стало состоявшееся 28 июля 2020 г. в Люблине подписание министрами иностранных дел Польши, Литвы и Украины декларации о создании нового формата сотрудничества между тремя странами – так называемого «Люблинского треугольника». Целью его образования заявлялось усиление взаимодействия стран-участниц в политической, экономической, военно-технической, научной и культурной сферах. При этом польская и литовская стороны декларировали свою поддержку Украине в сфере ее европейских и атлантических устремлений¹³.

Вполне очевидно, что характерное для ряда европейских стран усиление антироссийской риторики способствует росту общественной поддержки тех политических сил, которые артикулируют идею создания Балтийско-Черноморского военно-полити-

ческого альянса. С высокой долей вероятности можно предположить, что усилия по созданию такого альянса будут только нарастать. В этой связи важно отметить, что своим географическим положением Беларусь фактически размывает пространство воображаемого «Интермариума» на северный (Прибалтийский) и южный (Причерноморский) секторы. Именно поэтому теоретические проекты построения «Интермариума» включают в качестве своего неизбежного конструкта решение «белорусского вопроса». В первую очередь речь идет о смене геополитической ориентации республики. Реализация этого проекта тесно сопряжена с радикальным изменением конфессионального status quo белорусского религиозного поля, выходом церковных структур из состава РПЦ с последующим вхождением в сферу влияния КП. Здесь важно подчеркнуть, что необходимые для этого идейные предпосылки Фанар создал еще в 1924 г., заявив о непризнании за РПЦ прав на распространение своего влияния в пределы исторической Киевской митрополии. Принятое в 1971 г. синодальное решение КП о необходимости открытия белорусской епархии в диаспоре хотя и не было реализовано, но никогда и не отменялось.

Что же касается действий КП, направленных на вывод территорий исторической Киевской митрополии из сферы влияния РПЦ, то они не нашли продолжение и в XXI ст. В 2018 г. Вселенская патриархия реализовала проект создания автокефальной Православной церкви Украины, предполагавший объединение и церковно-правовую легализацию неканоничных образований (УАПЦ и Киевского патриархата)¹⁴. Однако этим действия Фанара в пространстве «Интермариума» не ограничились. 17 февраля 2023 г. Генеральный секретариат КП заявил о восстановлении в сане пяти клириков Литовской архиепископии РПЦ, ранее изверженных из сана¹⁵. Уже 20 марта патриарх Варфоломей прибыл в Литву, где подписал соглашение с правительством Литвы и заявил о намерении создать Литовский экзархат¹⁶. Прямым следствием этих деяний стало состоявшееся 6 апреля 2023 г. принятие в юрисдикцию КП двух клириков БПЦ, выехавших на территорию Литвы и не имевших канонического отпуска от священноначалия¹⁷. Регистрация Литовского экзархата Министерством юстиции

14 Announcement of the Holy and Sacred Synod (11th Oct. 2018) // Οικουμενικό Πατριαρχείο. URL: <https://web.archive.org/web/20181014010432/http://www.ec-patr.org/docdisplay.php?lang=gr&id=2577&tla=g>; Communiqué concerning the new Orthodox Autocephalous Church of Ukraine // Ecumenical Patriarchate Permanent delegation to the World Council of Churches. URL: <https://www.ecupatria.org/2018/12/19/communique-concerning-the-new-orthodox-autocephalous-church-of-ukraine/>.

15 Ανακοινωθέν περί της ἐκκλήτου προσφυγῆς κληρικῶν ἐκ Λιθουανίας // Οικουμενικό Πατριαρχείο. URL: <https://ec-patr.org/%E1%BC%80%CE%BD%CE%B1%CE%BA%CE%BF%CE%B9%CE%BD%CF%89%CE%B8%CE%AD%CE%BD%CF%80%CE%B5%CF%81%CE%AF%CF%84%E1%BF%86%CF%82%E1%BC%90%CE%BA%CE%BA%CE%BB%CE%AE%CF%84%CE%BF%CF%85%CF%80%CF%81%CE%BF%CF%83%CF%86/>.

16 Το Οικουμενικό Πατριαρχείο στην Λιθουανία // ΦΩΣ ΦΑΝΑΡΙΟΥ. URL: <https://fosfanariou.gr/index.php/2023/03/21/to-ecun-patriarxeio-stin-lithouania/>.

17 Запрещен в священнослужении клирик Минской епархии иерей Александр Кухта. 10 апреля 2023 г. // Официальный портал Белорусской Православной Церкви. URL: <http://church.by/news/zapreshen-v-sluzhenii-klirik-minskoj-eparhii-ierej-aleksandr-kuhta>; Указ № 13 от 10.04.2023 «Об отзывании протоиерея Георгия Роя из временного командирования и запрещении в священнослужении сроком на один год» // Гродненская епархия. Белорусская Православная Церковь. URL: <https://orthos.org/dokumenty/%D1%83%D0%BA%D0%B0%D0%B7-13-%D0%BE%D1%82-10042023>.

10 Dostál V. "New 'Intermarium': What Poland wants from Visegrad?" // GLOBSEC Policy Institute, June 5, 2016. URL: <https://web.archive.org/web/20160728001243/http://www.cepolicy.org/publications/new-intermarium-what-poland-wants-visegrad>; Sojusz państw od Bałtyku po Morze Czarne? Duda chce odnowić międzywojenną ideę miedzymorza // GLOBSEC Policy Institute, 5 sierpnia 2015. URL: https://web.archive.org/translate.google.com/web/20161217164322/http://forsa.pl/artykuly/886941,sojusz-panstw-od-baltyku-po-morze-czarne-duda-chce-odnowic-miedzywojenna-idee-miedzymorza.html?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=wapp.

11 Three Seas Initiative // Ministry of Foreign Affairs Republic of Poland. URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/three-seas-initiative>.

12 Farber M. Read Donald Trump's Remarks at the Three Seas Initiative Summit in Poland. July 6, 2017 // TIME. URL: <http://time.com/4846780/read-donald-trump-speech-warsaw-poland-transcript/>.

13 Spotkanie ministrów spraw zagranicznych Polski, Litwy i Ukrainy. 28.07.2020 // Ministerstwo Spraw Zagranicznych. URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/Spotkanie-ministrow-spraw-zagranicznych-polski-litwy-i-ukrainy>; Wspólna Deklaracja Ministrów Spraw Zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej, Republiki Litewskiej i Ukrainy w sprawie ustanowienia Trójkąta Lubelskiego, Lublin, 28 VII 2020 r. // Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie. URL: <https://phavi.umcs.pl/at/attachments/2021/0803/114847-wspolna-deklaracja-pl-lt-ua-wersja-pl-1.pdf>.

Литвы состоялась 7 февраля 2024 г.¹⁸ Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что КП продемонстрировал готовность и решимость к вмешательству в белорусскую конфессиональную ситуацию посредством создания и контролирования альтернативной модели «белорусского православия».

Выводы

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что белорусское православие оказалось перед лицом вызовов, источником которых являются процессы, происходящие на уровне международных отношений. Попытки воплощения в жизнь геополитических проектов, базирующихся на идее «Интермариума», тесно сопряжены с политикой КП в отношении восточнославянских территорий, входящих в пространство исторической Киевской митрополии. Включенность конфессионального вопроса в проекты реализации западных геополитических концепций требует осознания серьезности проблемы и выработки стратегии реагирования. В противном случае БПЦ рискует стать объектом манипулирования со стороны внешних сил, ориентированных на достижение политических целей. Представляется, что систематическая работа по усилению церковного иммунитета в отношении внешнего манипулятивного воздействия может не только обеспечить равновесие конфессионального поля Республики Беларусь, но и стать одним из значимых факторов укрепления общественной стабильности.

Список источников

1. Богачевская И. Европейский выбор Украины: геополитическая цена вопроса [Ukraine's European choice: the geopolitical price of the issue] // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2013. № 3–4. С. 15.
2. Борисенко Ю.А., Кузьмичева А.Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек [Minister of Foreign Affairs of interwar Poland Jozef Beck] // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 179–196.
3. Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви (Очерк по истории Украинской Православной Церкви) [Essay on the history of the Ukrainian Orthodox Church]. У 4 т. Т. IV. Ч. 2. Нью-Йорк, 1966.
4. Ермилов П.В. Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США в первые годы холодной войны [The entry of the Patriarchate of Constantinople into the mainstream of US foreign policy in the early years of the Cold War] // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3(36). С. 217–233.
5. Касмовіч Д. За вольную і сувэрэнную Беларусь (За свободную и суверенную Беларусь) [For a free and sovereign Belarus]. Вільня, 2006.
6. Слесарев А.В. Административно-канонический статус Белорусской митрополии в периоды немецкой оккупации и послевоенной эмиграции (1941–1956) [Administrative and canonical status of the Belarusian Metropolis during the period of German occupation and post-war emigration (1941–1956)] // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020. № 2. С. 40–50.

¹⁸ Литва утвердила создание отколовшимися священниками константинопольского экзархата // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19926621>.

7. Слесарев А.В. Белорусский Совет православных церквей в Северной Америке под руководством протопресвитера Святослава Ковша в 1976–1986 гг. [Belarusian Council of Orthodox Churches in North America under the leadership of Protopresbyter Svyatoslav Kovsh in 1976–1986] // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 208–219.
8. Слесарев А.В. История переговоров с иерархом РПЦЗ архиепископом Афанасием (Мартосом) о возглавлении белорусских приходов в диаспоре (1959–1974 гг.) [History of negotiations with the hierarch of the ROCOR Archbishop Athanasius (Martos) about the leadership of Belarusian parishes in the Diaspora (1959–1974)] // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 158–178.
9. Слесарев А.В. Политическая активность духовенства белорусских приходов Константинопольского патриархата в 1950–1991 гг. [Political activity of the clergy of the Belarusian parishes of the Constantinople Patriarchate in 1950–1991] // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 1. С. 17–24.
10. Слесарев А.В. Роль архиепископа Филофея (Нарко) (1905–1986) в религиозной и общественно-политической жизни белорусской диаспоры [The role of Archbishop Filofey (Narko) (1905–1986) in the religious and social and political life of the Belarusian Diaspora] // Вестник Минского городского института развития образования. 2020. № 1(41). С. 33–41.
11. Чернова А.В. «Восточная политика» Польши: от концепции «УЛБ» до «Восточного партнерства» [“Eastern Policy” of Poland: from the concept of “ULB” to the “Eastern Partnership”] // Вестник МГИМО-Университета. 2013. Т. 16. № 3. С. 15–24.
12. Чибисова А.В. Автокефалия «под ключ»: некоторые факты из истории Польской Церкви 1924 г. [Autocephaly “turnkey”: some facts from the history of the Polish Church in 1924] // Вестник ПСТГУ. Серия II: История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81. С. 64–80.
13. Friedman G. Borderlands: A Geopolitical Journey in Eurasia. Austin, TX: Stratfor, 2011.

Информация об авторе

СЛЕСАРЕВ Александр Валерьевич. Доктор церковной истории. Кандидат богословия. Проректор по научной работе Минской духовной академии Белорусской православной церкви. <https://orcid.org/0000-0002-4892-999X>. Адрес: Белоруссия, 220030, г. Минск, ул. Зыбицкая, 27. a-slesarev@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 18 апреля 2024 г. Принята к публикации: 19 апреля 2024 г. Опубликовано: 15 мая 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bogachevskaya I. Ukraine's European choice: the geopolitical price of the issue. Crossroads. Perekryostki. Zhurnal issledovanij vostochnoevropejskogo pogranch'ya. [Journal of Eastern European Borderland Studies]. 2013; 3-4:15 [In Russian].
2. Borisenok Y.A., Kuzmicheva A.E. Minister of Foreign Affairs of interwar Poland Jozef Beck. Novaya i novejschaya istoriya [New and Contemporary History]. 2018; 2:179-196 [In Russian].

3. Vlasovsky I. Essay on the history of the Ukrainian Orthodox Church. In 4 vol. T. IV. Part 2. New York, 1966 [In Belarusian].
4. Ermilov P.V. The entry of the Patriarchate of Constantinople into the mainstream of US foreign policy in the early years of the Cold War. Problemy` nacional`noj strategii [Problems of national strategy]. 2016; 3(36):217-233 [In Russian].
5. Kosmovich D. For a free and sovereign Belarus. Vilnius, 2006 [In Belarusian].
6. Slesarev A.V. Administrative and canonical status of the Belarusian Metropolis during the period of German occupation and post-war emigration (1941-1956). Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Journal of the Belarusian State University. History]. 2020; 2:40-50 [In Russian].
7. Slesarev A.V. Belarusian Council of Orthodox Churches in North America under the leadership of Protopresbyter Svyatoslav Kovsh in 1976-1986. Xristianskoe chtenie [Christian reading]. 2020; 2:208-219 [In Russian].
8. Slesarev A.V. History of negotiations with the hierarch of the ROCOR Archbishop Athanasius (Martos) about the leadership of Belarusian parishes in the Diaspora (1959-1974). Xristianskoe chtenie [Christian reading]. 2020; 5:158-178 [In Russian].
9. Slesarev A.V. Political activity of the clergy of the Belarusian parishes of the Constantinople Patriarchate in 1950-1991. Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Journal of the Belarusian State University. History]. 2024; 1:17-24 [In Russian].
10. Slesarev A.V. The role of Archbishop Filofey (Narko) (1905-1986) in the religious and social and political life of the Belarusian Diaspora. Vestnik Minskogo gorodskogo instituta razvitiya obrazovaniya [Bulletin of the Minsk City Institute of Educational Development]. 2020; 1(41):33-41 [In Russian].
11. Chernova A.V. "Eastern Policy" of Poland: from the concept of "ULB" to the "Eastern Partnership". Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO-University]. 2013; 16 (3):15-24 [In Russian].
12. Chibisova A.V. Autocephaly "turnkey": some facts from the history of the Polish Church in 1924. Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. [Bulletin of PSTGU. Series II: History of the Russian Orthodox Church]. 2018; 81:64-80 [In Russian].
13. Friedman G. Borderlands: A Geopolitical Journey in Eurasia. Austin, TX: Stratfor, 2011 [In English].

About the author

Alexander V. SLESAREV. DSc.(Hist.), CandSc.(Theol.). Vice-rector for Scientific Work of the Minsk Theological Academy of the Belarusian Orthodox Church. <https://orcid.org/0000-0002-4892-999X>. Address: 27, Zybityskaya str., Minsk, 220030, Belarus. a-slesarev@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 12, 2024. Approved after peer review: April 18, 2024. Accepted for publication: April 19, 2024. Published: May 15, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ История международных отношений и внешней политики HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

Исторические науки

УДК 338.124.4

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-197-221](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-197-221)

Нефтяной кризис 1973 г.: взгляд спустя полвека

Александр Иванович Яковлев✉

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
aliv_yak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки и последствия мирового нефтяного кризиса 1973 г. Обращено внимание не только на политические причины, побудившие арабские страны-экспортеры нефти использовать «нефтяное оружие» (нерешенность Ближневосточного конфликта и палестинской проблемы), но также на кризисные явления в западной экономике. Тем самым не только арабские страны, но и могущественные нефтяные компании, за которыми стояли западные страны, прежде всего США, оказывались заинтересованными в переменах. Для Запада нефтяной кризис в краткосрочном плане вызвал трудности и проблемы, но в долгосрочном плане оказался катализатором, ускорившим структурные и технологические перемены в западной экономике, в мировой финансовой системе. Для нефтедобывающих стран Арабского Востока нефтяной кризис позволил резко увеличить уровень доходов государства, что открывало возможности для ускоренного социально-экономического развития, а также повысил авторитет этих стран и ОПЕК в международных отношениях.

Ключевые слова: нефть, нефтяной кризис, «нефтяное оружие», нефтяные монополии, США, Саудовская Аравия, доллар, нефтедоллары

Для цитирования: Яковлев А.И. Нефтяной кризис 1973 г.: взгляд спустя полвека // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 197-221, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-197-221](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-197-221)

Original Article

Historical Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-197-221](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-197-221)

The 1973 Oil Crisis: a Look after half a Century

Alexander I. Yakovlev✉

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
aliv_yak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>

Abstract. The article examines the prerequisites and consequences of the global oil crisis of 1973. It analyzes not only the political reasons that prompted the Arab oil exporting countries to use the “oil weapon” (the unresolved Middle East conflict and the Palestinian problem), but also the crisis phenomena in the Western economy. Not only Arab countries, but also powerful oil companies, backed by Western countries, especially the United States, were interested in change. For the West, the oil crisis caused difficulties and problems in the short term, but in the long term it turned out to be a catalyst that accelerated structural and technological changes in the Western economy and in the global financial system. The oil crisis allowed the oil-producing countries of the Arab East to sharply increase the level of state income, which opened up opportunities for accelerated socio-economic development, and also increased the authority of these countries and OPEC in international relations.

Keywords: oil, oil crisis, “oil weapons”, oil monopolies, USA, Saudi Arabia, dollar, petrodollars

For citation: Yakovlev A.I. The Oil Crisis of 1973: a Look after Half a Century. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 2(12): 197-221, doi/10.53658/RW2024-4-2 (12)-197-221

Введение

К событиям полувековой давности имеет смысл обратиться потому, что последствия грянувшего в 1973 г. нефтяного эмбарго действительно имели эпохальное значение. То, что было воспринято современниками как противостояние арабских нефтедобывающих стран и нефтяных монополий Запада, за которыми стояли ведущие государства Западного мира, изначально имело более сложные и во многом противоречивые цели с обеих сторон. За прошедшие с тех пор десятилетия не только всплыли документы и свидетельства о деталях подготовки переворота в мировом нефтяном хозяйстве, но и произошли изменения в мировой экономике в целом, возбудителем и ускорителем которых в немалой степени стал нефтяной кризис 1973 г.¹

Эти давние дела имеют не только исторический интерес. Происходящий в наши дни процесс формирования нового мирового порядка, означающий конец 500-летнего господства Запада в мировой системе, можно было заметить несколько десятилетий назад. Ничто не появляется на пустом месте. И изменение характера

¹ Интересная и содержательная оценка значения нефтяного кризиса содержится, например, в статье: Макаров И., Чупичкин М. Нефтяной Перл-Харбор. Нефтяной кризис 1973 г. // Россия в глобальной политике. 2021. № 1.

отношений нефтедобывающих стран не просто с нефтяными монополиями Запада, а с Западом как главным субъектом мирового порядка, стало, может быть, последним и решающим этапом в XX в. перед глобальной перебалансировкой отношений западного центра и незападной периферии в мировой системе в первые десятилетия XXI в.

До этого были поражения Франции под Дьенбьенфу в 1954 г., национализация англо-французского Суэцкого канала Египтом в 1956 г., создание странами Востока ОПЕК в 1960 г., уход Великобритании «к востоку от Суэца» в 1971 г., и последовавшее позднее, в 1975 г., поражение США во Вьетнаме. Все это представляло собой отступления Запада – правда, незначительные и локальные – от привычных позиций гегемона мировой системы. В то время альтернативный центр силы в военно-политической и социально-экономической сферах стремился представить СССР, и эта тенденция воспринималась в мире как растущая, хотя вскоре сошла на нет. В тех обстоятельствах и стало возможным использование нефтедобывающими незападными странами «нефтяного оружия».

В то же время нефтяной кризис 1973 г. был отчасти рукотворным, отчасти объективно возникшим в ходе раскрытия той модели рыночной экономики – промышленного массового производства, которая преобладала в мире. Поэтому последствия кризиса не исчерпываются опытом использования арабскими странами «нефтяного оружия» и превращением стран ОПЕК в реальных субъектов мирового хозяйства и мировой политики. Названные процессы положили начало глобальному энергетическому переходу, технологической революции и возникновению начал постиндустриального мира.

Нефтяной кризис 1973 г. уже не повторится. Он был локализован по времени и используемым ресурсам, и его аналоги в начале 1980-х гг. или в 2004 г. и в 2018 г. уже не обладали тем ошеломляющим эффектом новизны и масштаба. Ситуация в мировой энергетике необратимо изменилась, равно как и положение бывших действующих участников нефтяного кризиса 1973 г.

Но его опыт показал возможность возникновения такого типа структурных мирохозяйственных или мирополитических кризисов в будущем, с постепенно назревающим сочетанием причин и случайно подвернувшимся поводом, с активными субъектами и заинтересованными наблюдателями. Таким видится начало формирования нового мирового порядка в последние несколько лет. И опыт того кризиса пятидесятилетней давности помогает прояснить возможные истоки и последствия идущих на наши глазах процессов.

Важно подчеркнуть, что нефть стала причиной и непосредственным поводом для мирового кризиса в силу своей природы (в то время жизненно важного источника энергии), а западные нефтяные монополии в то время были одними из самых могущественных в мире. Однако не менее важны два обстоятельства, которые в то время меньше замечались: для расчетов нефтяных операций использовался американский доллар, главная мировая валюта, а контроль над мировым нефтяным рынком виделся в то время одним из столпов американской гегемонии в мире.

Вследствие этого несовпадающие интересы США и арабских нефтедобывающих стран вдруг сблизились. Возникла связка «нефть – деньги – власть». Все оказалось завязанным в один «нефтяной узел», но не в один момент, а спонтанно. Сложилось сочетание объективных предпосылок для решения финансовых проблем как арабских стран, так и США. Сформировался и субъективный политический фактор: готовность как арабских стран, так и США к решительным силовым действиям.

Используемое понятие «нефтяной кризис» означает резкие и масштабные изменения на мировом нефтяном рынке в объемах добычи и экспорта нефти, в определении цен на нефть и доступа потребителей к желаемым объемам нефти и нефтепродуктов. Частью нефтяного кризиса является нефтяное эмбарго – наложение государством запрета на поставки нефти и нефтепродуктов.

В данной статье рассматриваются предпосылки нефтяного кризиса 1973 года, поиски его разрешения на Западе и на Востоке и его основные последствия для стран Запада и Востока.

Материалы и методы

О событиях, связанных с нефтяным кризисом 1973 г., существует обширная литература, в которой утвердилось несколько подходов к объяснению причин кризиса: преимущественно политическое начало, где инициатива отдавалась арабам, и преимущественно экономическое, в котором кризис объяснялся сокращением наличных природных ресурсов (нефти и газа), а также сочетающиеся в разной мере оба этих начала. Такие представления о названных процессах выражали в свои исследованиях Е.М.Примаков, Б.Рачков, К.Тьюгендхэт и А.Гамильтон, Д.Шевалье, Д.Ергин, Дж.Макфарланд, О.Скороходова и другие специалисты по энергетической проблематике [3, 4, 9, 11, 13, 16, 22].

В данном исследовании анализировались исторические факты и статистические данные, применялись конкретно-исторический подход, методы исторического и статического анализа.

Результаты исследования

Позиции участников конфликта

Конфликт между нефтедобывающими странами и странами Запада был вызван экономическими и политическими причинами.

Потребности социально-экономического развития, причем развития ускоренного для преодоления разрыва в уровнях развития, побуждало власти к поискам увеличения доходов. Идея национализации нефтяной промышленности, казавшаяся чрезмерно смелой и революционной в 1950-е гг., когда о ней заговорили министры

нефти Венесуэлы и Саудовской Аравии, спустя два десятилетия виделась вполне достижимой.

«Заморозка» Ближневосточного конфликта в условиях высокой идеологизированности Ближнего Востока тех лет и идеологии арабского национализма, в свою очередь, побуждала арабские власти найти рычаг давления на Запад для изменения его отношения к региональному урегулированию Ближневосточного конфликта и признанию прав палестинского народа. Надо было выйти из создавшегося переговорного тупика. О «нефтяном оружии» в арабском мире вспоминали и ранее, в 1956 г. и 1967 г., но тогда по разным причинам это оказалось невозможным. Теперь арабские страны окрепли в экономическом и социально-политическом плане и в большей или меньшей мере полагались на поддержку, а некоторые – и на прямую помощь СССР.

В то же время предпосылки и условия нефтяного эмбарго, возникшие на Ближнем Востоке, не являются непосредственными причинами последовавшего мирового кризиса. Они создавали возможности для появления повода или поводов лишь нефтяного эмбарго и изменения порядка ценообразования на нефтяном рынке. Причинами же кризиса стали, по нашему мнению, более глубокие процессы как в мировом хозяйстве, так и во взаимоотношениях между странами – производителями нефти и странами – потребителями нефти. С одной стороны, это системный кризис индустриального общества массового потребления на Западе, осложняемый проблемами финансовой системы США. С другой – безотлагательная потребность в реализации индустриальной модели развития арабскими странами в процессе модернизации для преодоления глубокого социально-политического кризиса, для чего требовались большие финансовые ресурсы. И в том, и в другом случае эти глубинные кризисы путем договоренностей и компромиссов двух сторон удалось разрешить.

Положение в мировом нефтяном хозяйстве

Уже в начале 1960-х гг. ситуация на мировом нефтяном рынке заметно изменилась по сравнению с предыдущим десятилетием и в отношении стран-импортеров, и в отношении экспортеров нефти, западных компаний и нефтедобывающих стран. Быстро росло потребление нефти, увеличившись в странах Западной Европы в 15 раз – с 0,97 млн барр. в день в 1949 г. до 14,1 млн барр. в 1972 г., а в Японии – в 100 раз: с 0,032 млн барр. до 4,4 млн [4, с. 569].

На мировой рынок вышел СССР, после начала добычи на месторождениях в Западной Сибири готовый к поставкам больших объемов нефти по более низким ценам, чем западные компании; экспорт нефти и нефтепродуктов вырос в 4 раза, с 30 млн т в 1960 г. до 130 млн т в 1975 г.² США, до 1974 г. крупнейший в мире производитель нефти, наращивали добычу в стране: в 1963 г. – 8,6 млн барр. в сутки, в 1973 г. – 10,9 млн барр.

2 БСЭ. Т. 24–II. С. 254.

Помимо этого, еще в марте 1959 г. США ввели обязательные квоты на нефтяной импорт. Европа пыталась стать самостоятельной в нефтяных делах: глава итальянской компании ЭНИ Э.Маттеи добивался обеспечения Италии собственными нефтяными поставками из Ирана и СССР, чтобы не зависеть от «англосаксонских компаний». На Ближнем Востоке появлялись новые добывающие компании: в 1946 г. их было 9, в 1956 г. – 19, в 1971 г. – 81 [4, с. 558]. К концу 1960-х гг. были открыты колоссальные месторождения нефти в Ливии, и темпы роста ее добычи сравнялись с уровнем Саудовской Аравии: 16,7 и 16,3%. С саудовским королевством соперничал шахский Иран, отставая по уровню добычи, но также наращивая ее в среднем за год на 14,9% [12, с. 468].

«С начала пятидесятых и до конца шестидесятых годов, – писал Д.Ергин, – мировой нефтяной рынок определялся необычно быстрым ростом, гигантским приливом, который как мощный и страшноватый поток увлекал за собой всех в промышленности с непреодолимой силой. Потребление росло темпами, которые просто нельзя было представить в начале послевоенной эры. Однако, хотя рост потребления был высок, наличие поставок опережало его» [4, с. 524]. Власти стран региона раздавали все новые концессии и требовали от западных компаний-операторов увеличения уровня добычи ради возрастания доходов государства, необходимых для модернизации.

Это привело к тому, что добываемой нефти стало больше, чем объем потребностей нефтяных рынков. Тем самым западные страны укреплялись в уверенности, что высокая зависимость от арабской нефти не страшна для них, поскольку на этом рынке условия диктует покупатель. Однако нефтяные компании, чья доходность снижалась, стали увеличивать скидки с предлагаемой на мировых рынках нефти. Возник разрыв между рыночной ценой и той официальной ценой, которая была зафиксирована в договорах арабских стран и западных компаний-операторов, ставшей фиктивной, и ее было почти невозможно снизить. Это привело к тому, что страны-производители получали не оговоренные 50% прибыли, а 60% или даже 70%, а доходы западных нефтяных монополий сокращались.

Сложившиеся обстоятельства привели сначала «Бритиш Петролеум» в 1959 г. к понижению цен на 10% (на 18 центов за барр.), а в августе 1960 г. – «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» заявила о снижении цены ближневосточной нефти на 7% (на 14 центов за барр.). Одностороннее снижение цен возмутило арабские нефтедобывающие страны. В ответ, по инициативе саудовского министра нефти Абдаллы Тарики в сентябре 1960 г. была создана ОПЕК.

Страны ОПЕК думали, что создали свой международный картель (регулирующий распределение рынков сбыта и уровень цен), равно мощный «Бритиш Петролеум» и др. Но это была иллюзия. Иначе говоря, заявка на независимость еще не означает реальной независимости. В то время огромный потенциал ОПЕК страны-основатели только создавали, но еще не могли использовать.

Им противостоял возникший в 1930-е гг. могущественнейший нефтяной картель «семь сестер». В 1972 г. в число 20 крупнейших в мире ТНК входили эти 7 нефтя-

ных монополий, включая 5 американских «нефтяных слонов». Например, в 1972 г. на долю «семи сестер» приходилось около 60% добычи нефти капиталистических стран, 85–90% экспорта нефти из развивающихся стран и контроль над 90% нефтеносных провинций [18, с. 22]. Стоит также отметить, что собственниками «Бритиш Петролеум» и «Франсез де петроль» отчасти было государство, а американские компании обладали сильными рычагами влияния на американскую администрацию. Кроме того, уже в то время эти компании обретали мощь финансовых институтов. Преобладающей формой их экспансии становился экспорт капитала. Мощь оппонентов ОПЕК виделась несокрушимой.

Между тем сами руководители АРАМКО, «Галф Ойл», «Бритиш Петролеум» и других западных компаний уже чувствовали тревогу за будущее своих концессий. Эта тревога усиливалась тем, что в США американские нефтяные компании, действующие в стране, пробивали принятие государством ограничений для импортной нефти. И администрации Д.Эйзенхауэра и Д.Кеннеди в 1960-е гг. были вынуждены вводить ограничения на нефтяной импорт с Ближнего Востока, в то же время стремясь удерживать регион в сфере своего влияния. Американская политика в регионе раздвоилась.

Особая роль Саудовской Аравии

Саудовская Аравия в силу естественных причин оказалась лидером ОПЕК, что подкреплялось величиной нефтяных запасов королевства, а также смелой и инициативной политикой министра нефти Абдаллы Тарики. Изучив опыт отношений Мексики, Венесуэлы и соседнего Ирана с западными нефтяными компаниями, а также учитывая опыт национализации Суэцкого канала, Тарики пришел к мысли о необходимости национализации АРАМКО. Его лозунг «Арабскую нефть – арабам!» встречал в регионе широкую поддержку.

Однако окончательное решение по нефтяным вопросам в королевстве принимал король Фейсал. Он не мог не признать положительной ту твердость и самостоятельность в отстаивании саудовских интересов, которые Тарики проявлял, будучи министром нефти и членом правления АРАМКО. Но король хорошо помнил печальный опыт Моссадыка по национализации иранской нефти и не собирался у себя «рубить курицу, которая приносила золотые яйца в казну государства». В то же время переход этой «курицы» в полное владение государства, то есть семьи Аль Сауд, виделся очень привлекательной задачей. Для ее решения требовалось не только время, но и в первую очередь договоренности с США, от которых во многом зависело королевство.

В 1962 г. Фейсал снял Тарики с поста министра, заменив его более послушным Ахмедом Заки Ямани. Поводом для этого стал конфликт Тарики с одним из членов королевской семьи, но Фейсал знал о том, что в АРАМКО с удовольствием примут эту новость об уходе «красного» министра, чья радикальная риторика пугала западные нефтяные компании.

К тому времени геологическая разведка показала, что в недрах королевства находится четверть мировых запасов нефти. В 1963 г. АРАМКО добывала лишь 10%

из имеющихся промышленных запасов. Сохранялись в целом благоприятные для добычи условия залегания нефти (большая площадь продуктивных пластов, находящихся на небольшой глубине, и высокое газовое давление) и высокое качество аравийской нефти (малосернистость). Расходы компании на разведку и бурение оставались одними из самых низких в мире. Запасы крупнейших месторождений на 1969 г. составляли: крупнейшее в мире месторождение Гавар – 10,8 млрд т, крупнейший в мире морской нефтепромысел эс-Сафания – 2,1 млрд т, Абкайк – 1,1 млрд т. В 1960-е гг. компания запустила 6 новых крупных месторождений. Всего на 1970 г. компания имела 427 продуктивных скважин со средним дебитом около 1 тыс. т нефти в сутки на скважину; 66 скважин были заглушены, так как либо не были фонтанирующими, либо давали сорта нефти, имеющие пониженный спрос на мировом рынке [8, с. 115, 118, 119].

Саудовцы входили в правление АРАМКО и могли влиять на политику компании, особенно с учетом прямых отношений короля Фейсала с руководителями компании, но в то же время АРАМКО оставалась в полном смысле слова «государством в государстве»: саудовские власти не имели права вмешиваться в дела на концессионной территории компании, компания имела свою охрану.

Таблица 1. Прямые отчисления нефтяных компаний правительству Саудовской Аравии (млн долл.)
Table 1. Direct contributions from oil companies to the Government of Saudi Arabia (\$ million)
АРАМКО «Гетти Ойл» АОК

1960	312,8	18,4	2,5
1965	618,4	23,8	20,4
1970	1088,4	17,2	40,3
1971	1866,4	20,6	44,2
1972	2677,9	28,0	68,7

Источник: [4, с. 134]
Source: [4: 134]

На подступах к кризису

Что именно нарушило в 1970–1971 гг. существовавшее равновесие на мировом нефтяном рынке и подняло его значение до глобального уровня, трудно сказать однозначно. Совпали разного рода субъективные и объективные обстоятельства. По словам М.М.Ковалевского, «говорить о факторе, то есть, о центральном факте, увлекающим за собой все остальные, для меня то же, что говорить о тех каплях речной воды, которые своим движением обуславливают преимущественно ее течение. В действительности мы имеем дело не с факторами, а с фактами, из которых каждый так или иначе связан с массой остальных или обуславливается и их обуславливает» [цит. по: 12, с. 522]. Спустя полвека видно сцепление массы разных «фактов» и их общее кумулятивное воздействие на дела в регионе в начале 1970-х гг.

Сирия неожиданно стала препятствовать восстановлению поврежденного трубопровода ТАПЛАЙН. Новые власти Сирии после военного переворота 13 ноября 1970 г. (по официальной идеологии, «исправительного движения») для расширения своей социальной опоры нуждались в увеличении финансовых поступлений, одним из источников которых были платежи от нефтепроводов ТАПЛАЙН из Аравии и ИПК из Ирака. Революционный режим Муаммара Каддафи предложил «Оксидентл Петролеум» сократить добычу нефти, доходы от которой не было возможности рационально использовать в стране с небольшим населением и слабой экономикой. Власти Алжира выдвинули новые требования к западным нефтяным компаниям. Попытки западных компаний компенсировать возникший дефицит нефти поставками из Персидского залива оказались невозможными из-за нехватки танкеров большого тоннажа.

Вследствие этого страны Западной Европы оказались перед угрозой нехватки ежесуточно 50 тыс. барр. нефти (что эквивалентно 25 млн т в год). Между тем спрос на нефтепродукты зимой 1970–71 гг. оказался намного выше, чем в предыдущие годы: в Западной Европе он вырос на 13,3%, в Японии – на 20% [16, с. 53, 59]. Дефицит объемов нефти и тоннажа для ее перевозки способствовали подъему нефтяных цен. И оказалось, что основные импортеры нефти, включая США, готовы платить очень высокую цену за нефть, в которой они так нуждались. Так «рынок покупателей» превратился в «рынок продавцов».

В декабре 1970 г. на XXI конференции министров стран ОПЕК в Каракасе (Венесуэла) была принята резолюция, ставшая общей платформой нефтедобывающих стран для предстоящих переговоров с нефтяными монополиями.

Реакция Запада оказалась очень показательна. Сначала в Вашингтоне прошли встречи руководства нефтяных компаний с членами правительства, на которых удалось добиться согласия федеральных властей на совместные действия «нефтяных слонов», что формально противоречило антитрестовскому законодательству. Затем такого рода поддержку получили монополии Великобритании, Франции и Нидерландов, что позволило ощущать былым «семи сестрам» за собой прямую поддержку государства. И 15 января 1971 г. 15 крупнейших нефтяных компаний Запада предъявили ОПЕК свой меморандум, в котором выражали согласие на пересмотр справочных цен на нефть во всех странах (с учетом инфляции) с условием отказа от увеличения ставок налогового обложения и от обязательного реинвестирования прибылей [16, с. 73].

Специальный посланник президента США Д.Ирвин для разъяснения позиции Запада посетил те страны ОПЕК, на поддержку которых можно было рассчитывать. Принципиальное единство стран-производителей расшатывало то объективное обстоятельство, что страны Северной Африки были ближе к рынкам потребителей, транспортировка на короткие расстояния влекла за собой иные фрахтовые ставки, что отражалось на ценах.

Тем не менее 16 февраля 1971 г. было подписано Тегеранское соглашение, по которому минимальная ставка налогообложения устанавливалась в 55%, вводились единые справочные цены с их ежегодным увеличением для компенсации инфляции, а цена за 1 баррель нефти вырастала на 33 цента, фиксировалась отмена всех скидок

нефтяным компаниям. 2 апреля 1971 г. было подписано соглашение в Триполи, в некоторых пунктах более выгодное для стран-производителей [16, с. 73-75].

Но успех оказался кратковременным. В августе 1971 г. президент США Р.Никсон объявил о переходе к новой экономической политике для борьбы с рецессией и stagflation, ради предотвращения спада промышленного производства и подавления инфляции. 15 августа 1971 г. Р.Никсон принял решение о приостановке конвертации долларов в золото, по сути, – о девальвации доллара.

Антикризисные меры американской администрации отозвались на Ближнем Востоке. Отмена золотого стандарта доллара сразу обрушила только-только выросшие доходы стран-производителей нефти, поскольку справочные цены были привязаны к доллару. Арабы вновь ощутили свое бессилие перед лицом Запада.

В сентябре 1971 г. на XXV конференции ОПЕК в Бейруте была выражена общая позиция: вернуться к переговорам с нефтяными компаниями по вопросу компенсации потерь от ослабевшего доллара. Согласие было достигнуто в Женевском соглашении от 20 января 1972 г.

Более важной в долгосрочном плане оказалась вторая резолюция (№ 139) Женевского соглашения, в которой утверждалось право стран-членов ОПЕК добиваться эффективного (прямого) участия в нефтяных концессиях. Это провозглашение принципа участия стало первым шагом к переходу нефтяной промышленности арабских стран в собственность государства, альтернативным революционной национализации западной собственности.

Стоит заметить, что Ямани еще в 1968 г. в лекции, прочитанной в Американском университете в Бейруте, впервые заговорил об участии. В то время это вызвало резко негативную реакцию руководителей АРАМКО. Но к 1972 г. волна национализации западных нефтяных предприятий прошла в Ливии, Алжире, Венесуэле, Индонезии, Ираке и Сирии. Фейсал, стоявший за спиной Ямани, играл не «блиц», а долгосрочную партию. Ему не были нужны нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие мощности без специалистов и рабочих, без возможности реализовывать продукцию на внешних рынках. Он был заинтересован в стабильном поступлении финансовых средств для осуществления планов модернизации страны, и частью этих перемен он видел переход нефтяного сектора в собственность государства. И руководители АРАМКО в середине 1972 г. согласились с принципом участия.

Ведь в долгосрочном плане это означало сохранение позиций компаний АРАМКО в королевстве, хотя и на иных условиях. Столь же очевидным было, что возраставшие доходы королевства будут потрачены на импорт столь необходимых товаров из стран Запада, прежде всего и более всего из США. Таким образом, США улучшат свой платежный баланс, возмещая свои потери в виде нефтяных платежей и сокращая массу «плавающего капитала», опасного для западного финансового рынка. Тем самым вслед за нефтяным «полем взаимодействия» возникало второе «поле» финансового взаимодействия между США и Саудовской Аравией, также легшее в основу «особых отношений» двух стран. В том же 1972 г. подобные соглашения об участии

были заключены с Кувейтом, Катаром и Абу-Даби. Их фактический статус в мировой системе повысился.

Перемены в западном лагере

Но возникает вопрос: неужели могущественные нефтяные и промышленные корпорации и финансовые центры Запада во главе с США так беспомощно и покорно подчинились волне арабского национализма? Почему они пошли на уступки? Почему не использовали проверенную силовую «дипломатию канонеров»? Тут однозначного ответа быть не может. Перемены происходили и в жизни западных стран.

Спустя десятилетия Уильям Ф.Энгдаль в своей книге обратил внимание на такие важные в то время явления, как кризис американского доллара и относительное ослабление США.

С 1950-х гг. шло бурное развитие экономик Запада, однако постепенно в ходе этого развития страны Западной Европы стали по темпам роста опережать США, вскоре их доля мирового экспорта превзошла долю США. Созданное в 1957 г. ЕЭС развернулось в 1959 г. как мощное экономическое объединение на основе быстро набирающих силу экономик Франции, ФРГ, Италии и Нидерландов. Возник и быстро рос рынок евродолларов.

Успехи в экономике отражались в политике, укреплялись тесные связи президента Франции Ш.де Голля и канцлера ФРГ К.Аденауэра. Несмотря на замену К.Аденауэра «атлантистом» Л.Эрхардом, после подписания в 1963 г. договора о регулярных консультациях двух стран, военном сотрудничестве и пр. отношения Франции и ФРГ перерастали в формирование мирового центра, конкурирующего с США. Ш.де Голль ранее в письме к президенту Д.Эйзенхауэру прямо сказал: «...не могу согласиться с интеграцией Франции в НАТО» [17, с. 132]. В 1966 г. Франция вышла из военной организации НАТО и ликвидировала американские военные базы на своей территории. В том же году состоялся визит Ш.де Голля в СССР, за которым последовало расширение сотрудничества двух стран.

Дальше – больше. В 1967 г. Франция вышла из инициированного американцами «Общего золотого фонда» ведущих стран Запада, созданного в 1961 г. для стабилизации финансовой системы западных экономик, а по сути, – для удержания мировой (заниженной) цены на золото в 35 долл. за унцию, к которой был привязан курс доллара. Но доллар дешевел, и вслед за девальвацией фунта стерлингов в ноябре 1967 г. на 14% пришла очередь доллара. Возник рост рыночных цен на золото. Увеличился приток инвестиций на более выгодный европейский рынок. За 1967 г. золотой запас США сократился на 1 млрд долл. В марте 1968 г. США запросили двухнедельный перерыв в работе лондонского рынка золота. Тогда же ЮАР отказалась продавать свое добываемое золото за фунты или доллары по официальной цене 35 долл. США за унцию (это и породило западный бойкот ЮАР). В апреле 1968 г. Ш.де Голль бросил вызов США, потребовав обменять французские запасы долларов на золото. И в конечном счете Франция получила 66,5 т золота.

В монографии «Энергетический кризис в капиталистическом мире» (1975) советские авторы еще тогда обращали внимание на назревающий валютный кризис, принимающий форму «кризиса доллара», который «утрачивал прежнюю возможность выполнять функцию мировых денег» [18, с. 375]. В начале 1970-х гг. возникли опасения, что мировая экономика может обвалиться. Гегемония США в мировой системе Западного мира поколебалась из-за тяжелого валютного кризиса. Вашингтон стремился остановить и повернуть вспять этот процесс.

На первый взгляд, какое отношение ко всему этому имеют арабские нефтедобывающие страны? Напрямую – никакого. Но без пассивного и отчасти активного участия Саудовской Аравии и других нефтяных монархий Залива США едва ли смогли сохранить свою гегемонию.

18 февраля 1970 г. президент США Р.Никсон в своем первом докладе по вопросам внешней политики, в частности, сказал: «Нашей целью в первую очередь является подкрепление наших интересов в долгосрочном плане при помощи здоровой внешней политики. Чем больше эта политика опирается на реалистическую оценку наших и чужих интересов, тем более эффективной может быть наша роль в мире. Мы не связаны с миром потому, что у нас есть обязательства; у нас есть обязательства именно потому, что мы связаны с миром. Скорее наши интересы должны формировать наши обязательства, чем наоборот» [5, с. 700]. Такая Realpolitik включала в себя среди прочего и принятие в расчет чужих интересов, в нашем случае – интересов Саудовской Аравии и нефтедобывающих стран. Сейчас просто делать такие выводы, но тогда это новое понимание возникающего соотношения сил в мире и необходимость считаться с интересами отсталой «периферии» мирового хозяйства утверждались с трудом. Собственно, колебания самого Р.Никсона в период Октябрьской войны и нефтяного кризиса 1973 г. и свидетельствуют об этом.

Тем не менее перемены в характере отношений Запада со своей «периферией» не меняли сути неравноправных отношений в системе «центр – периферия».

В мае 1973 г. в Швеции на уединенном островном курорте Салтшёбаден, принадлежащем семье шведских банкиров Валленбергов, собралась группа членов Бильдербергского клуба. Их было 84 человека, включая Д.Рокфеллера из «Чейз Манхеттен», лорда Гринхилла из «Бритиш Петролеум», Дж.Болла из «Леман Бразерз», Г.Киссинджера и Зб.Бжезинского. Докладчик У.Леви после характеристики арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке сделал выводы о неизбежности вооруженных действий и нефтяного эмбарго, за которым последует повышение цен и пятикратное, более чем на 400%, увеличение доходов стран ОПЕК. По утверждению У.Энгдала, использующего протокол заседания, целью этой секретной встречи «было не предотвращение ожидаемого шокового повышения цен на нефть, а, наоборот, планирование управления ожидаемым в его процессе притоком нефтяных долларов» – «вторичной переработкой нефтедолларов», по словам Г.Киссинджера. «Цена этого импорта нефти многократно возрастет со сложными последствиями для платежного баланса стран-потребителей, – рассуждал Г.Киссинджер. – Серьезные проблемы возникнут в связи с беспрецедентным количеством иностранной

валюты, накопленной такими странами, как Саудовская Аравия и Абу-Даби... Происходит полная перемена в политических, экономических и силовых отношениях между международными нефтяными компаниями нефтедобывающих и импортирующих стран и национальными нефтяными компаниями добывающих и экспортирующих стран». При этом, указал он, во-первых, энергетический кризис вызовет нехватку ресурсов в развивающихся странах, а во-вторых, возможность «неправильного употребления, неадекватного управления финансовыми ресурсами стран нефтепроизводителей, что может полностью дезорганизовать и подорвать мировую валютную систему» [17, с. 160, 161].

Собравшиеся банкиры, промышленники и политики, по всей видимости, согласились с перспективой мирового нефтяного эмбарго и взлета мировых цен на нефть. Поскольку на мировом нефтяном рынке издавна преобладали американские нефтяные компании, а с 1945 г. мировая торговля нефтью обычно велась в долларах, то грядущий шок означал, во-первых, обвальное падение спроса на доллары, необходимые для оплаты нефти, а во-вторых, то, что Г.Киссинджер назвал «вторичной переработкой нефтедолларов», перемещением в западную финансовую систему, но преимущественно в США, нефтяных доходов стран-экспортеров нефти. Возможные проблемы для стран Западной Европы и тем более стран Востока при этом в расчет не принимались.

Можно вспомнить, что за полтора десятилетия до Октябрьской войны, в разгар Суэцкого кризиса в ноябре 1956 г. США уже использовали «финансовое оружие» против союзника: и.о. госсекретаря США Г.Гувер-младший убедил президента Д.Эйзенхауэра поручить ФРС США «сбросить фунт стерлингов на мировых валютных рынках с большим дисконтом», пригрозив Великобритании серьезной девальвацией ее валюты, чтобы заставить их уйти из Суэца [10, с. 17]. Недоверчивым людям могу напомнить известный принцип: если что-то могло произойти, то, вероятно, так оно и было.

Перемены в арабском лагере

В том же мае 1973 г. на специальном заседании Экономического совета ЛАГ позиция королевства по вопросу нефтяного эмбарго была подвергнута критике.

В мае 1973 г. король Фейсал в Каире в ходе беседы с А.Садатом выслушал упреки египетского президента за «недостаточную помощь общееарабскому делу».

Положение Фейсала как служителя двух святых мест ислама и одновременно «лучшего друга США на Ближнем Востоке» оказалось крайне затруднительно. Он был поставлен перед жестким выбором между верностью общееарабскому делу и дружбе с Западом. Фейсал выбрал первое, но не изменил и второму.

В конце мая 1973 г. в окрестностях Женевы состоялась закрытая встреча Фейсала с руководителями АРАМКО. Король подчеркнул, что выступает за расширение связей с США, что Саудовская Аравия, уважая интересы Запада, добывает нефти много больше, чем необходимо для удовлетворения ее финансовых потребностей. Но Сау-

довская Аравия, заявил он, в настоящее время находится в опасности оказаться в изоляции в арабском мире из-за нежелания правительства США оказать ей помощь. Он, Фейсал, не допустит этого. «Вы же можете потерять все», – сказал король, обращаясь к руководству американской компании³. За словами Фейсала последовали публичные заявления министров Омара Саккафа и Ахмеда Заки Ямани о возможном использовании Саудовской Аравией нефти как политического оружия.

В мае 1973 г. прошли переговоры руководства АРАМКО с высшими сановниками королевства: эмиром Наввафом ибн Абдель Азизом, Ахмедом Заки Ямани, Омаром Саккафом, Рашидом Фараоном и Камалем Адхамом. В ходе встреч саудовская сторона подчеркивала, что королевство в настоящее время является единственным защитником американских интересов в регионе, которые, по их словам, подрываются «сионизмом вместе с коммунистами». Если американцы действительно друзья арабов, они «должны что-нибудь сделать для изменения позиции правительства США» [19, с. 100].

Приведенная хроника событий в мае 1973 г. важна потому, что показывает в подробностях сам процесс перехода двусторонних отношений на новую основу. Очевидно понимание руководителями западных нефтяных монополий реальных попыток Фейсала избежать или смягчить нефтяной кризис. В то же время очевидно прагматичное решение западной стороны пойти на то, чтобы пережить кризис, тяжесть которого падет преимущественно на развивающиеся страны и в меньшей степени на страны Западной Европы, а конечный итог которого будет выгоден США в финансовом и геополитическом плане.

Основные этапы нефтяного кризиса

23 августа 1973 г. прошел секретный визит А.Садата в Джидду, во время которого Фейсал обещал, что Саудовская Аравия в случае необходимости использует «нефтяное оружие» и увеличит финансовую помощь Египту.

Декларация арабских стран о намерении использовать «нефтяное оружие» вызвала 6 сентября 1973 г. лишь предостережение президента США о недопустимости дальнейшего повышения справочных цен на нефть и национализации собственности иностранных компаний под угрозой лишения этих стран западных рынков сбыта нефти и нефтепродуктов.

АРАМКО начала готовиться к неизбежному. 13 сентября 1973 г. руководители четырех компаний АРАМКО получили меморандум, в котором анализировались варианты возможного нефтяного эмбарго.

6 октября 1973 г. началась четвертая арабо-израильская война.

17 октября на совещании стран ОПЕК в Кувейте было решено сократить уровень добычи сразу на 5% и ежемесячно сокращать еще на 5% вплоть до окончательного урегулирования отношений с Израилем на основе резолюции ГА ООН № 242. Одновре-

³ Васильев А.М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера / Российская акад. наук, Ин-т Африки. М.: Восточная лит., 2010. С. 396–403.

менно с этим страны Залива приняли решение отказаться от Тегеранских соглашений и ввести в одностороннем порядке новые уровни цен, основанные на «рыночных ценах», начав с повышения справочных цен на 70–100% в зависимости от качества нефти (содержания серы).

19 октября узнав о распоряжении президента Р.Никсона предоставить Израилю военную помощь на сумму 2,2 млрд долл., король Фейсал принял решение о прекращении всех поставок нефти в США и сокращении добычи нефти в стране на 10%, следуя решению совещания ОПЕК в Кувейте 17 октября⁴.

Американский автор Э.Уолд, описывая события тех дней, констатировала, что «внутри АРАМКО не было конфликта: американцы и саудовцы находились по одну сторону баррикад... АРАМКО принадлежало все: скважины, трубопроводы, нефтеперерабатывающие мощности, корабли – и она контролировала всю логистику. Саудовская Аравия владела только 25% акций» [14, с. 178].

В США появились очереди к бензозаправкам. В Европе возникла паника. «Попытки добиться соглашений о дележе между потребителями через Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) или Организацию европейского экономического развития (ОЕЭР) провалились из-за опасения потребителей, что любые совместные действия с их стороны вызовут лишь еще более крайние меры со стороны арабов», – писали английские авторы К.Тьюгендхет и А.Гамильтон [13, с. 279]. Отдельные страны принимали отдельные меры по ограничению спроса на нефтепродукты на внутреннем рынке, вводили нормирование или запрещение пользоваться транспортом по воскресеньям.

На нефтяных рынках Западной Европы началось возрастание нефтяных цен по спирали. Страны-производители провели ряд аукционов для продажи отдельных партий нефти, и там были достигнуты поразительные результаты: предлагаемые цены в несколько раз превышали уровень справочных цен ОПЕК.

В политическом плане Европа могла мало что сделать, однако «повернулась лицом к палестинцам». Открылись возможности для европейско-арабского диалога. Сразу после введения эмбарго правительство Японии послало в Саудовскую Аравию заместителя премьер-министра Т.Мики и министра торговли и промышленности Т.Комото для переговоров об экономическом сотрудничестве [19, с. 113].

По заключению О.Скороходовой, «двойной залп “нефтяной атаки” – наложение эмбарго и четырехкратное повышение цен на “черное золото” – ввергли мировую экономику в небывалый со времен Великой депрессии кризис, преодоление которого, по сути дела, продолжалось все десятилетие» [11, с. 50].

Особенно тяжело пришлось развивающимся странам (РС). По данным ООН, в 1972 г. все РС, кроме стран ОПЕК, потратили на импорт топлива 6 млрд долл., а с 1974 г. примерно за то же количество им пришлось платить в год уже 30 млрд долл., что примерно соответствовало всему их доходу от экспорта сельскохозяйственной продукции [цит. по: 13, с. 25].

⁴ Там же. С. 417–426.

О тяжести кризиса 1974–1975 гг. писали Гринин и Коротаев: «Это был в первую очередь мировой кризис, вызванный повышением цен на топливо, но в то же время перегрев экономики был вызван внутренними факторами; во многом усиливали кризисные явления валютные проблемы (фактически валютный и экономический кризисы слились), опасения роста инфляции, накачивание денег в экономике... Фактически на заре 70-х гг. низкий уровень цен на нефть и газ, сложившийся в результате предыдущего развития, также способствовал разгону и перегреву мировой экономики» [2, с. 173-174].

То есть нефтяное эмбарго и повышение цен на нефть на 70% были порождены не только политическими причинами, но прежде всего быстрой инфляцией и девальвацией доллара. Однако действия ОПЕК наложились на перегрев западной экономики, рост зарплат в странах Европы, дефицит бюджета и торгового баланса США, растущее недоверие к американскому доллару и ненадежность доллара, что резко увеличило объем денежной массы в мире [2, с. 173-174]. В США и западноевропейских странах усилились процессы спада в промышленном производстве и роста безработицы, сочетавшиеся с высоким уровнем инфляции.

К началу декабря 1973 г. страны-производители стали смягчать свою позицию по сокращению поставок нефти. В отношении нескольких стран эмбарго было отменено. В марте 1974 г. на встрече в Кувейте министры нефти Сирии и Ливии выступили за продолжение эмбарго. Но Фейсал смог продавить прекращение эмбарго для Европы, а в апреле 1974 г. – и в отношении США [22, с. 149].

В свою очередь, руководители АРАМКО решали собственные задачи, используя сложившуюся ситуацию. На слушаниях в Сенате США в январе-феврале 1974 г. руководители АРАМКО признали, что после повышения справочных цен прибыли компании увеличились на 350% по сравнению с 1969 г. Всего же доход монополий-участниц нефтяного картеля вырос с 70 млрд долл. в 1972 г. до 192 млрд долл. в 1976 г. [13, с. 17].

В декабре 1973 г. на конференции ОПЕК в Тегеране комиссия ОПЕК предлагала установить цену в 23 долл. за баррель, Саудовская Аравия – 8 долл., а шах неожиданно потребовал цену в 11,65 долл. Спустя четверть века Ямани по просьбе короля Фейсала поинтересовался у шаха, почему Иран потребовал такого повышения цены. На это Мохаммед Реза ответил: «Для ответа на ваш вопрос я предлагаю вам поехать в Вашингтон и спросить у Генри Киссинджера» [17, с. 180]. Американцы просто «ушли со сцены за кулисы».

К январю 1974 г. повышение цены нефти на 400% стало свершившимся фактом, что, в частности, поставило многие развивающиеся страны – импортеров нефти – перед проблемой огромного дефицита бюджета. Займы был готов предоставить МВФ.

Основные последствия нефтяного кризиса

Так реализовывались не только арабские планы перемен в региональной системе международных отношений на Ближнем Востоке, но и майское решение Биль-

дербергского клуба по более тесной интеграции ведущих арабских нефтеэкспортеров стран Залива в мировое капиталистическое хозяйство.

В феврале 1975 г. было официально одобрено разработанное американским казначейством и САМА (Саудовским Валютным Агентством, выполняющим функции центрального банка) двустороннее секретное соглашение, по условиям которого саудовские сверхдоходы от продажи нефти должны были быть «в значительной степени инвестированы в погашение дефицита» в бюджете правительства США. Показательно, что советником по инвестициям в САМА был поставлен банкир Д.Малфорд из лондонского банка [17, с. 166].

В июне 1974 г. президент Р.Никсон посетил Саудовскую Аравию и констатировал, что американо-саудовская дружба «сейчас развивается в активное партнерство». Позднее Г.Киссинджер так раскрыл прозвучавший тезис о партнерстве: «Мы естественные партнеры, а не противники. Страны-потребители должны иметь надежный доступ к поставкам нефти по умеренным ценам. Для того, чтобы инвестировать свои новые богатства, обретенные благодаря нефти, нефтедобывающие страны должны стать активными участниками глобальной финансовой и экономической системы, чтобы обратить свои новые богатства в товары, они должны стать крупными импортерами нашей продукции. Мы готовы сотрудничать со странами Ближнего и Среднего Востока, связывая нашу экономику и их экономики на равных условиях» [цит. по: 17, с. 111].

Между тем нефтяное эмбарго послужило важным ускорителем процессов технологических перемен (повышения эффективности использования углеводородов, перехода к альтернативным и возобновляемым источникам энергии) для стран Запада, но ранее других – для Японии, особенно остро ощущавшей свою зависимость от внешних поставок энергетического сырья.

Таким образом, то, что было воспринято как слабость Запада, его отступление перед угрозой нефтедобывающих стран Арабского Востока прекращения поставок, на деле было многоходовой геополитической игрой, имело скрытые смыслы, открывшиеся позднее.

Для нефтяного хозяйства реальное отступление Запада в лице глобальных нефтяных монополий означало трансформацию этих монополий, переналадку отношений и структуры, превращение монополий из полновластных управляющих в послушных операторов, а также трансформацию самих нефтяных компаний в финансово-промышленные конгломераты. Таким образом, результатом событий 1973 г. стало не только переустройство отношений между производителями и потребителями нефти, но и внутреннее преобразование ТНК.

Тем самым выгоду от конфликта получили обе стороны. Ведь нефть на ближайшие десять – пятнадцать лет останется товаром постоянного и устойчивого спроса на мировом рынке при всех ее ценовых колебаниях.

Таблица 2. Объем запасов нефти в странах – ведущих нефтепроизводителях в 2023 г. (млрд барр.)

Table 2. The volume of oil reserves in the leading oil producing countries in 2023 (billion barr.)

Канада – 168,1	Саудовская Аравия – 297,5
Россия – 107,8	Иран – 157,8
США – 68,8	Ирак – 145
Венесуэла – 303,8	Кувейт – 101,5; Ливия – 48,4

Источник: Oil Reserves by Country // World Population Review 2023. URL: <https://countrycassette.com/list-of-countries-by-oil-production-2023/>

Source: Oil Reserves by Country. World Population Review 2023. [Available from]: <https://countrycassette.com/list-of-countries-by-oil-production-2023/>

Меньше внимания привлекает влияние нефтяного кризиса на усиление роли государства в экономике и общественной жизни нефтяных монархий, отчасти и стран Запада.

Ведь в 1970-е гг. в ходе модернизации и индустриализации в арабском обществе возникли чувства дезориентации и ностальгии по прошлому, которое уходило, таяло на глазах. Препятствием таким процессам стала тенденция «дирижизма» государства в экономике и этатизма в общественной жизни.

Объективным следствием нефтяного кризиса стало усиление централизованного контроля, усиление государства, что, казалось бы, противоречило западной модели рыночной экономики, взятой за нормативный образец при модернизации. Казалось, что сама логика индустриализации требует централизации экономической власти, простирающейся не только на весь нефтяной сектор, но и на планирование и регулирование всего национального хозяйства.

Но поскольку опорой сильного государства в Аравии был сделан племенной (общинный) принцип, то это препятствовало реализации западной модели современного, демократического и космополитического общества в сфере культурно-религиозной жизни. Государство (точнее, правящая семья) вернуло себе роль единственного или основного источника ресурсов благодаря возросшим доходам от нефти. Распределение нефтяных доходов стало важнейшим фактором политической и социальной жизни, а не только экономической. Это закрепляло общинно-племенные принципы социальной и политической организации общества. Так, порождение НТР и прогресса – «нефтяное оружие» – обернулось социально-политическим откатом назад, но «назад в будущее», которое строится уже не по западной модели, хотя и на рыночных принципах.

В то же время первичное размещение акций «Сауди Арамко» в ноябре 2019 г. показывает новую тенденцию – усиление внимания к приватизации, что затронуло даже эту сверхкомпанию, основу основ государственного сектора. Правда, на продажу было выставлено всего 1,5% акций по начальной цене 8,5 долл. Но выкупали их преимущественно члены правящей семьи, крупные предприниматели, фонды из

Кувейта и ОАЭ) по цене 9,4 долл., благодаря чему было получено 25,6 млрд долл. Рыночная капитализация «Сауди Арамко» с первоначального уровня в 1,7 трлн долл. достигла 1,88 трлн долл. [4, с. 296].

В наши дни почти исчезли рассуждения о «растворении государства», об исполнении его функций мировыми ТНК и общественными объединениями. Такого рода пророчества К.Шваба пока не сбываются. Напротив, в третье десятилетие XXI в. на Западе очевидным становится возрастание роли государства, прежде всего – в экономической жизни, как регулятора экономических процессов, но также и в общественной жизни, как его активного участника. В то же время показательно умолчание К.Шваба о субъекте технологической (Четвертой промышленной) революции и ее выгодоприобретателе [15]. Опыт нефтяного кризиса 1973 г. ясно показал, что процесс объективных перемен в мировой экономике может быть ловко использован определенными группами мировой элиты для получения разного рода выгод для себя, что, конечно, не исключает получения благ и иными действующими и наблюдающими лицами.

Обсуждение результатов

В этой части статьи оценим влияние нефтяного кризиса. Кризис принес для всех его участников ожидаемые и неожиданные последствия, некоторые из которых оказались долговременными и глобальными. Причем, по справедливому замечанию И.Макарова и М.Чупичкина, «нефтяной шок стал не столько первопричиной, сколько катализатором перемен» [7, с. 38].

Арабы смогли стать реальными хозяевами своей нефти при превращении западных компаний из собственников в операторов. Правда, зависимость от Запада сохранилась, но характер ее изменился. Не оправдались преждевременные прогнозы о превращении мирового нефтяного рынка в «рынок продавцов», диктующих потребителям свои условия. Во владении западных монополий до наших дней остаются технологии добычи нефти, основные мировые мощности по переработке и нефтехимии, танкерный флот и сбытовая сеть. Тем не менее необходимость включения арабских стран в сложную сеть нефтяного рынка существенно усложнила их отношения с Западом, придав им характер неравноправного, но партнерства.

Очевидным успехом арабских стран стало обретение ими нового, более самостоятельного места в мировой политике. Уже невозможно было игнорировать не только ОПЕК, как позднее ОПЕК+, но и политический курс Саудовской Аравии и ОАЭ, Ирака и Алжира. Вера стран Востока во всеилие Запада была окончательно подорвана.

Показательным стал сам стремительный процесс перераспределения богатства после скачкообразного роста нефтяных доходов арабских стран, что открывало для них новые возможности. Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ сразу отозвались на призыв МВФ увеличить размеры своих взносов. Страны ОАПЕК создали Арабский фонд экономического и социального развития по образцу МБРР, специальный фонд для предоставления беспроцентных займов на 20 лет арабским странам, пострадав-

шим от повышения цен на нефть (Мавритания, ЙАР, НДРЙ, Сомали, Судан, Марокко, Ливан, Иордания). Уже во второй половине 1970-х гг. по инициативе нефтяных монархий Залива возникают разного рода арабские банки и финансовые фонды для оказания помощи в реализации сельскохозяйственных и промышленных проектов в странах Азии и Африки, крупнейшим из которых стал Исламский банк развития с капиталом 2 млрд долл. [18, с. 352]. Так формируется «нефтяная дипломатия» арабов.

И этот успех странно затмил неудачу в достижении главной цели нефтяного эмбарго – разрешение Ближневосточного кризиса и палестинской проблемы. Вместо регионального урегулирования пришли сепаратные договоренности с Израилем Египта, а затем Иордании.

Последствия нефтяного кризиса углубили дифференциацию арабских стран по экономическим и политическим критериям. Нефтяные доллары позволили нефтяным монархиям Персидского залива, Ираку, Алжиру и Ливии приступить к масштабным социально-экономическим преобразованиям, в этих странах начался период быстрого роста и развития. В странах, лишенных больших запасов нефти, это оказалось невозможным. Более того, на смену относительному единству и признанной иерархичности ближневосточной системы международных отношений во главе с Египтом пришли процессы регионализации и фрагментации Арабского мира, результаты которых очевидны в наши дни.

Так называемое «нефтяное проклятие» нефтедобывающих стран стало широко использоваться для подтверждения мнения о тупиковости их развития. Но так ли это? Для стран с большим населением и низким уровнем развития национальной экономики действительно нефтедобыча и нефтяной экспорт стали основой текущего развития, но не давали возможности для реструктуризации экономики. Для таких стран, как нефтяные монархии Залива, с небольшим населением и капиталоемким характером развития нефтяной сектор стал базой для развития перерабатывающих отраслей промышленности, а доходы от него позволяли развивать инфраструктуру и «третичный сектор». Но и в первом, и во втором случае доходы от нефти были не «проклятием», а «подушкой безопасности», гарантируя определенный объем поступлений в бюджет государства. Тем более ярко об этом свидетельствует опыт Ирана последних десятилетий.

Для стран Запада (и прежде всего для США) 1970-е гг. стали, по выражению Н.Зулкифила и Д.Хакима, «десятилетиями пессимизма» в США, «напоминая о годах Великой депрессии» [27, с. 137]. Завершилась эпоха prosperity, два десятилетия непрерывного экономического роста и социального процветания на Западе. Но проблемы и трудности «общества потребления» были на поверхности.

Между тем начались структурные перемены в западной экономике и финансовой системе. На смену Бреттон-Вудской системе пришла Ямайская валютная система; в 1976 г. МВФ отменил официально золотой стандарт, новой нормой стали плавающие валютные курсы. Для координации энергетической политики в 1974 г. было создано Международное энергетическое агентство (МЭА). На смену привычной модели индустриальной экономики массового производства и массового потребления, опиравшейся на дешевую энергию, шла иная модель.

Начавшаяся после событий 1973 г. технологическая перестройка западной экономики, начиная с политики энергосбережения и заканчивая разработкой использования альтернативных углеводородам видов топлива, целенаправленно и неуклонно вела к относительному сокращению потребления нефти и газа, хотя они и в первые десятилетия XXI в. (наряду с углем) остаются необходимыми энергетическими источниками. Начавшееся уже в конце 1960-х гг. возрастание потребления природного газа в США и странах Западной Европы резко возросло. Например, в ФРГ с 1960 по 1970 г. доля газа в общем объеме потребления выросла с 16 до 54%. Увеличение цен на импортируемую нефть стимулировало в США требующее высоких издержек развитие газификации углей и добычу сланцевой нефти [18, с. 13, 30]. Так что «век могущества» арабских нефтяных стран оказался короток.

Процесс энергоперехода может ускориться или замедляться, но необратимость его не ставится под сомнение. В краткосрочном плане в первые десятилетия XXI в. спрос на арабскую нефть резко падал вследствие экономического и финансового кризиса и пандемии COVID-19, избыточное предложение нефти привело к падению цен на нее. Неотложной необходимостью для стран-экспортеров нефти становится развитие нефтепереработки и нефтехимии [см. 6, с. 29-31].

В Кувейте, ОАЭ и Саудовской Аравии дальновидные правители уже в конце 1970-х гг. усилили внимание к проблеме диверсификации своих экономик (в отличие от руководителей СССР; в те годы страна «подсела на нефтяную иглу», по выражению западных журналистов). Цель диверсификации последовательно ставилась в каждом пятилетнем плане, хотя реализация ее шла медленно, но доля нефти в ВВП страны сокращалась. В 2016 г. эмир Мухаммад ибн Салман высказался о важнейшей проблеме королевства – ее зависимости от экспорта нефти. «Мы не можем позволить, – сказал он, – чтобы наша страна была уязвима перед изменчивостью цен на сырье или ситуацией на внешних рынках», поскольку Саудовская Аравия «болезненно зависима от нефти». Между тем, указал эмир, «Король Абдул Азиз и люди, которые служили ему, основали королевство без зависимости от нефти, они управляли этим государством без нефти и жили в этом государстве без нефти» [цит. по: 4, с. 282].

Одно осталось неизменным для королевства – привязка к США благодаря нефти и нефтедолларам, но не только. Конечно, за последние два десятилетия между странами возникало немало конфликтов в сферах политики (например, события 11 сентября 2001 г., убийство журналиста Джамали Хашогги) и экономики (превращение США в конкурента Саудовской Аравии благодаря сланцевой нефти). Но между тем две страны связывают давние и прочные отношения в финансовой и военно-технической сферах. По разным оценкам, сотни миллиардов саудовских нефтедолларов вложены в финансовую систему США и различные объекты недвижимости, в промышленную сферу. Например, самый большой нефтеперерабатывающий завод в США принадлежит «Сауди Арамко», а меньшие саудовские компании владеют другими предприятиями. Практически все системы вооружений и военная инфраструктура в королевстве имеют своим происхождением США. И одномоментно изменить это нельзя. Опыт нефтяного кризиса 1973 г. как раз продемонстрировал высокую степень

гибкости саудовской политики в отношениях с Западом ради достижения своих целей и сохранения своего удобного положения в мировой системе.

После нефтяного кризиса на Западе исчезла самодовольная успокоенность в постоянном наличии больших объемов нефти, текущей с Ближнего Востока. По замечанию Е.М.Примакова, «закончилась эра дешевой нефти» [18, с. 165].

Следует отметить также возникшую новую тенденцию – «глобализацию спроса на энергию» (Ергин). С ростом экономики и доходов людей неуклонно возрастает спрос на энергию. Очевидность и важность энергетической безопасности в широком понимании открылась осенью 1973 г. В наши дни, когда глобальные структурные перемены меняют основы материального производства и потребления, предлагается перспектива «конца материального производства», для которого требуются сырье и энергия. Однако такого рода прогнозы К.Шваба о господстве «прорывных технологий» и «преобразовании физического мира» [15, с. 18, 90] кажутся явным преувеличением. В нашем материальном мире, включающем не только Северную Америку и Западную Европу, но и Азию, Африку, Латинскую Америку, с быстро возрастающими потребностями огромных масс людей не обойтись без современного сельского хозяйства, заводов и фабрик, транспорта и ЖКХ, а все это требует обеспечения возрастающими и стабильными объемами энергоресурсов, предоставить которые в краткосрочной и среднесрочной перспективе смогут нефть и газ.

Выводы

Опыт нефтяного кризиса 1973 г. всплывает в памяти при сопоставлении хроник текущих событий в мире с делами полувековой давности.

В наши дни налицо полномасштабный мировой кризис. Его главная причина – усиление не-Запада, что означает конец 500-летнего господства Запада. Возникла реальная альтернатива западному, американскому доминированию.

Конечно, никто не хочет уступать свое выгодное положение («царь горы»). Разрешением кризиса становится изменение мирового порядка в сферах мирового хозяйства и мировой политики. В противоборстве стороны используют как военную силу и экономическое давление, с одной стороны, так и экономические и политические действия, с другой. В то же время обе стороны готовы к уступкам, никто не хочет радикализации кризиса.

Так, в 1970-е гг. США не решились использовать военную силу в отношении арабских стран, хотя Г.Киссинджер допускал возможность раздела Саудовской Аравии на четыре части, а американская 82-я дивизия отрабатывала операцию высадки десанта на песчаное побережье. Их сдерживала опасность краха мирового рынка. Сходную ситуацию мы видим и сейчас.

Правда, бывшая связка «нефть – деньги – власть» давно распалась на отдельные составляющие. Однако в условиях транзита мирового порядка арабские страны, обладающие кто нефтью и деньгами, кто только нефтью, вышли из-под американ-

ского «зонтика» и готовы лишь к равноправному сотрудничеству. В современном взаимосвязанном и обремененном проблемами глобальном мире все обречены на сотрудничество. Странами БРИКС на смену конкурентно-конфликтной ментальности предлагаются ценности равноправного сосуществования, взамен идеологического экстремизма – уважение к цивилизационным ценностям.

Страны Востока (и, конечно, арабские страны) заинтересованы в выгодном для них решении существующих проблем и возникновении удобного для них мирового порядка. Отсюда – сочетание в их текущей политике видимого радикализма и потаенных договоренностей с активными мировыми игроками. Например, по вопросу использования долларов в качестве платежного средства за нефть.

Можно сказать, что нефтяной кризис 1973 г. послужил одной из репетиций глобальной трансформации мировой системы.

Список источников

1. Боронов Р. Нефть и политика США на Ближнем и Среднем Востоке [Oil and US policy in the Middle East.]. М.: Международные отношения, 1977.
2. Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена [The global crisis in retrospect. A brief history of ups and downs: from Lycurgus to Alan Greenspan]. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
3. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть [Extraction. World history of the struggle for oil, money and power]. М.: ДеНово, 1999.
4. Ергин Д. Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций [New map of the world. Energy resources, a changing climate and the clash of nations]. М.: Интеллектуальная литература, 2021.
5. Киссинджер Г. Дипломатия [Diplomacy]. М.: АСТ, 2018.
6. Кортунов А.В. Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика [Regional trends in the Middle East: political and economic dynamics]. М.: РСМД, 2023.
7. Макаров И., Чуличкин М. Энергетический Перл-Харбор. Нефтяной кризис 1973 г. [Energy Pearl Harbor. Oil crisis of 1973] // Россия в глобальной политике. 2021. № 1.
8. Озолинг В.В. Экономика Саудовской Аравии [Economy of Saudi Arabia]. М.: Наука, 1975.
9. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) [Confidential: The Middle East on stage and behind the scenes (second half of the 20th century – beginning of the 21st century)]. М.: Российская газета, 2006.
10. Разведка и контрразведка [Intelligence and counterintelligence] / Сост. А.Колпакиди. М.: Наше завтра, 2024.
11. Скороходова О.Н. Эпоха великих потрясений: энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны [The era of great upheaval: the energy factor in the last decades of the Cold War]. М.: АСТ, 2021.
12. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Civilization. Society]. М.: Изд-во политической литературы, 1992.
13. Тьюгендхэт К., Гамильтон А. Нефть. Самый большой бизнес [The biggest business]. М.: Прогресс, 1978.
14. Уолд Э.Р. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира [The story of how Saudi Arabia became one of the most influential states on the geopolitical map of the world]. М.: Альпина Паблишер, 2019.
15. Шваб К. Технологии Четвертой Промышленной Революции [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. М.: Бомбора, 2018.
16. Шевалье Ж.-М. Нефтяной кризис [Oil crisis]. М.: Прогресс, 1975.
17. Энгдаль Ф.У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок [A Century of War: Anglo-American Oil Policy and the New World Order]. М.: Селадо, 2014.
18. Энергетический кризис в капиталистическом мире [Energy crisis in the capitalist world]. / Под ред. Е.М.Примакова. М.: Мысль, 1975.

19. Яковлев А.И. Саудовская Аравия и Запад [Saudi Arabia and the West]. М.: Наука, 1982.
20. Hearings before the Subcommittee on Multinational Corporations of the Committee on Foreign Relations United States Senate. Multinational Petroleum Companies and Foreign Policy. February 20 and 21, March 27 and 28, 1974. Wash., 1974.
21. Lacey R. The Kingdom. Arabia and the House of Saud. L., 1990.
22. MacFarland V. Oil Powers: a history of the U.S.-Saudi alliance. N.Y., Columbia University Press, 2020.
23. Mansour I. Statecraft in the Middle East. Foreign Policy, Domestic Politics and Security. L.-N.Y., I.B.Taurus, 2016.
24. Oil and the State in Saudi Arabia. Ithaca, Cornell University Press, 2010.
25. Stork J. Middle East Oil and Energy Crises. N.Y.-L., 1975.
26. The Decline of Dollar. Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Committee on Foreign Relations United States Senate. February 22, June 22, and July 24, 1978. Wash., 1978.
27. Zuikind N., Haqem D. OPEC Oil Shock Crisis (1973). An Analysis. Asia Journal of Research in Economics and Management. 2022; 4(1).

Информация об авторе

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович. Доктор исторических наук. Профессор. Главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. aliv_yak@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 18 апреля 2024 г. Принята к публикации: 19 апреля 2024 г. Опубликована: 15 мая 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Boronov R. Oil and US policy in the Middle East. Moscow: International Relations, 1977 [In Russian].
2. Grinin L.E., Korotaev A.V. The global crisis in retrospect. A brief history of ups and downs: from Lycurgus to Alan Greenspan. Moscow: LIBROCOM, 2010 [In Russian].
3. Ergin D. Extraction. World history of the struggle for oil, money and power. Moscow: DeNovo, 1999 [In Russian].
4. Ergin D. New map of the world. Energy resources, a changing climate and the clash of nations. Moscow: Intellectual literature, 202. [In Russian].
5. Kissinger G. Diplomacy. Moscow: AST, 2018 [In Russian].
6. Kortunov A.V. Regional trends in the Middle East: political and economic dynamics. Moscow: RIAC, 2023 [In Russian].
7. Makarov I., Chupichkin M. Energy Pearl Harbor. Oil crisis of 1973. Rossiya v global'noj politike [Russia in global politics]. 2021, 1 [In Russian].

8. Ozoling V.V. Economy of Saudi Arabia. Moscow: Nauka, 1975 [In Russian].
9. Primakov E.M. Confidential: The Middle East on stage and behind the scenes (second half of the 20th century - beginning of the 21st century). Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 2006 [In Russian].
10. Intelligence and counterintelligence. / Comp. A. Kolpakidi. Moscow: Our tomorrow, 2024 [In Russian].
11. Skorokhodova O.N. The era of great upheaval: the energy factor in the last decades of the Cold War. Moscow: AST, 2021 [In Russian].
12. Sorokin P.A. Human. Civilization. Society. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1992 [In Russian].
13. Tugendhat K., Hamilton A. Oil. The biggest business. Moscow: Progress, 1978 [In Russian].
14. Wald E.R. SAUDI, INC. The story of how Saudi Arabia became one of the most influential states on the geopolitical map of the world. Moscow: Alpina Publisher, 2019 [In Russian].
15. Schwab K. Technologies of the Fourth Industrial Revolution. Moscow: Bombora, 2018 [In Russian].
16. Chevalier J.-M. Oil crisis. Moscow: Progress, 1975 [In Russian].
17. Engdahl F.U. A Century of War: Anglo-American Oil Policy and the New World Order. Moscow: Selado, 2014 [In Russian].
18. Energy crisis in the capitalist world. / Ed. E.M.Primakova. Moscow: Mysl, 1975 [In Russian].
19. Yakovlev A.I. Saudi Arabia and the West. Moscow: Nauka, 1982 [In Russian].
20. Hearings before the Subcommittee on Multinational Corporations of the Committee on Foreign Relations United States Senate. Multinational Petroleum Companies and Foreign Policy. February 20 and 21, March 27 and 28, 1974. Wash., 1974 [In English].
21. Lacey R. The Kingdom. Arabia and the House of Saud. L., 1990 [In English].
22. MacFarland V. Oil Powers: a history of the U.S.-Saudi alliance. N.Y., Columbia University Press, 2020 [In English].
23. Mansour I. Statecraft in the Middle East. Foreign Policy, Domestic Politics and Security. L.-N.Y., I.B.Taurus, 2016 [In English].
24. Oil and the State in Saudi Arabia. Ithaca, Cornell University Press, 2010 [In English].
25. Stork J. Middle East Oil and Energy Crises. N.Y.-L., 1975 [In English].
26. The Decline of Dollar. Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Committee on Foreign Relations United States Senate. February 22, June 22, and July 24, 1978. Wash., 1978 [In English].
27. Zuikind N., Haqem D. OPEC Oil Shock Crisis (1973). An Analysis. Asia Journal of Research in Economics and Management. 2022; 4(1) [In English].

About the author

Alexander I. YAKOVLEV. DSc.(Hist.). Professor. Chief Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>. Address: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russian Federation, aliv_yak@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 10, 2024. Approved after peer review: April 18, 2024. Accepted for publication: April 19, 2024. Published: May 15, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, масс-медиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в странах добрососедства;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций в странах добрососедства и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

В следующих выпусках журнала «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» мы продолжим знакомить вас с проектами Национального исследовательского института развития коммуникаций. Ваше участие в исследованиях вы можете обсудить с руководителями проектов, направив заявку по адресу: komleva@nicrus.ru.

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

Редактор-переводчик – д-р фил. н. Л.Е.Бушканец

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2 Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 15.05.2024
Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 2000 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Editor-translator – DSc. (Filol.) Leah E. Bushkanets

Proofreader – CandSc (Filol.) Ilya A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House «Project Media Group» (Department of media-projects)
5, 2d building, 1st floor, 2d office, Gagarinskiy pereulok, Moscow Tel. +7 495 146 83 02
Signed in the press on 15.05.2024

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoy pechati» 80/42, Revolyucionnyy prospect, Podolsk, Moscow oblast
Circulation 2000 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

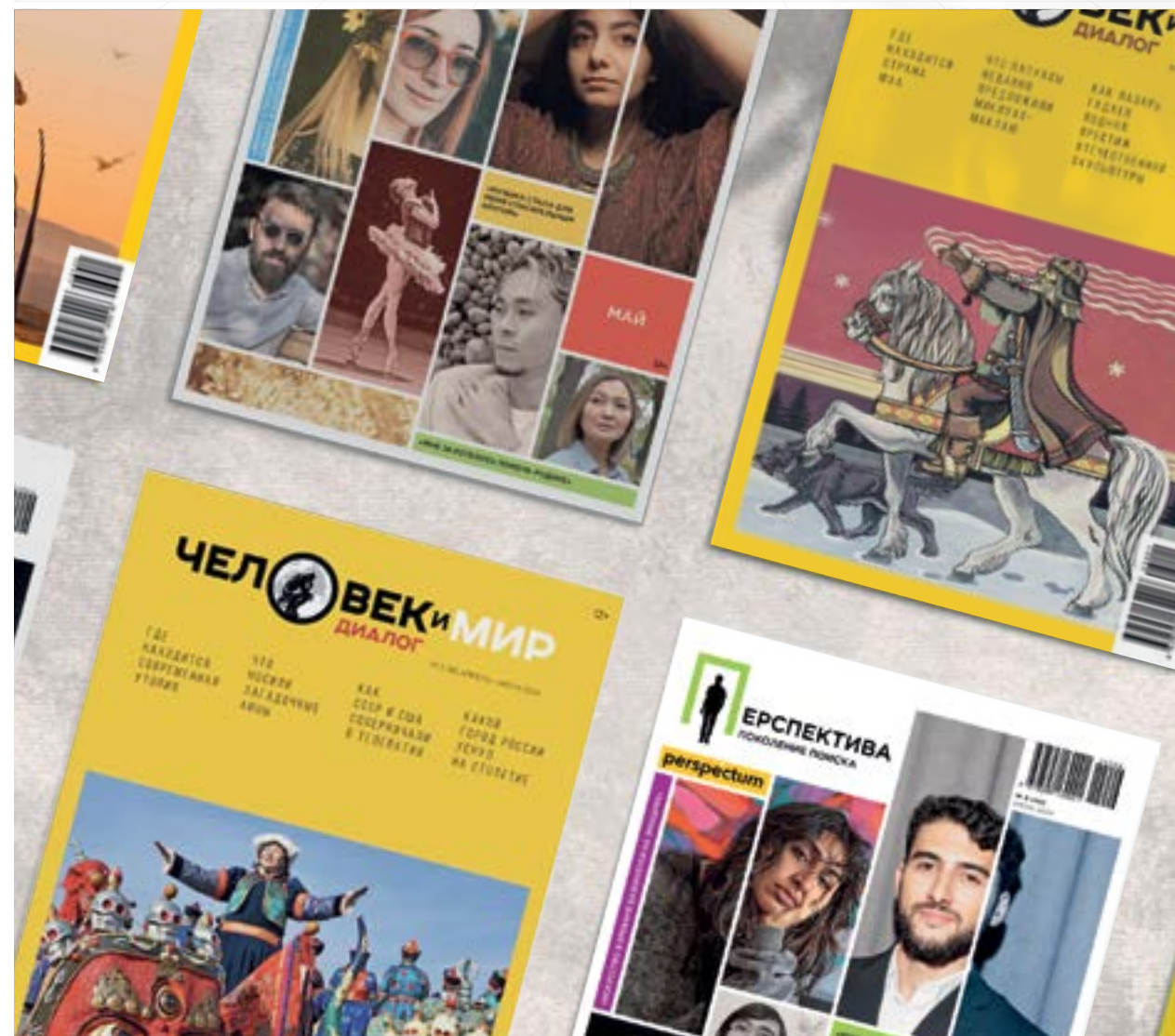
perspéctum

ЧЕЛОВЕК и МИР
ДИАЛОГ

ЕРСПЕКТИВА
ПОКОЛЕНИЕ ПОИСКА

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

«Амазонки русского авангарда» — так вслед за поэтом Б.Лифшицем сегодня называют художниц Н.Гончарову, А.Экстер, Л.Попову, О.Розанову, В.Степанову и Н.Удальцову, чье творчество стало знаковой и неотъемлемой частью искусства XX века и нашим вдохновением при создании дизайна этого номера.

Дизайн обложки создан по мотивам работ О.В.Розановой. Ольга Владимировна Розанова (1886, Меленки Владимирской губернии — 1918, Москва) — русский живописец, график, поэтесса, автор статей по искусству. С 1905 года училась в Москве в училище Большакова, посещала Школу К.Юона и И.Дудина, с 1911 — петербургскую школу Званцевой, где преподавали Бакст, Добужинский, Петров-Водкин. Вступив в объединение художников «Союз молодежи», принимала участие во всех выставках общества. Фурор среди коллег вызвал «Портрет А.В.Розановой», опубликованный в журнале «Огонек» (1913, № 1) наряду с картинами Малевича. В это же время знакомится с Д.Бурлюком, В.Хлебниковым, В.Маяковским, А.Крученых и другими представителями авангардного искусства.

Она раскрывала себя в самых разных стилях — фовизме, футуризме, супрематизме. В 1917 году вступила в общество К.Малевича «Супремус», была избрана секретарем общества и редакции одноименного журнала. Среди последователей супрематизма Малевич особенно ценил именно Розанову.

